В этом номере

ISSN № 0130-7045

ДЕТИ — наше будущее

Статьи, очерки, заметки, письма, посвященные Году ребенка

ЗЕМЛЯ ОТВЕЧАЕТ

Интервью с учеными к 50-летию ВАСХНИЛ

А. ИВАНОВ

СВОБОДА СОВЕСТИ В КОНСТИТУЦИИ СССР

Л. ФИЛИППОВ

ИДЕАЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Б. МАРЬЯНОВ

ПЕРОМ ПУШКИНА

М. ЛОРЕНС

ПТИЦА В ДОМЕ

Рассказ

Г. БАКАНУРСКИЙ

ТАМ, ГДЕ ЦАРИТ ТОРА

6 • 1979

Фото С. Склезнева.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6·79

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

1 июня — День защиты детей

НАША ОБЛОЖКА

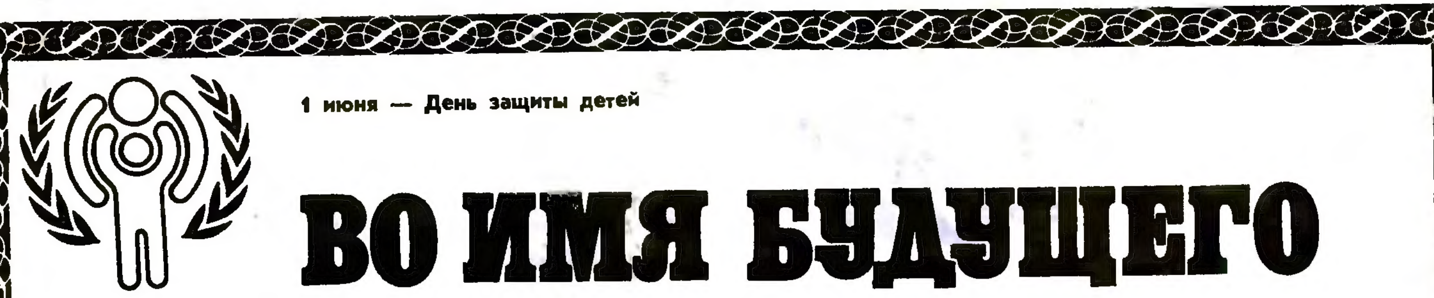
Нынешний год, как известно, Организация Объединенных Наций объявила Международным годом ребенка. Наш журнал уже посвящал этому важному событию немало публикаций. А 1 июня Год ребенка сливается с традиционным, отмечаемым постоянно Днем защиты детей. Вот почему многие статьи и очерки этого номера рассказывают о подрастающем поколении людей планеты Земля, о воспитании юных граждан нашей страны, формировании их духовного мира, о счастливом детстве советских ребят.

В своем выступлении 1 января 1979 года по Центральному телевидению Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев сказал: «В Советском Союзе мы стараемся сделать все, чтобы годы детства были здоровыми и счастливыми. Мы создали и продолжаем строить тысячи и тысячи светлых, удобных детских яслей, детских садов, школ. Мы стремимся научить детей добру, дружбе, научить их жить по-добрососедски со всеми людьми любой национальности и цвета кожи, научить их уважать труд и уметь трудиться на благо всех людей».

В этих словах не только видна огромная отеческая забота Коммунистической партии и Советского правительства о подрастающем поколении, но и заложена четкая программа дальнейшей работы по обеспечению детям хорошей, счастливой жизни, по формированию их духовных качеств и мировоззрения. И сколь же далека эта действенная, реальная программа от многих установлений религии, уводящих людей от земной жизни в сферу иллюзий, требующих строго подчинять все свои устремления одной цели — спасению собственной души.

Рассказ о том, сколь многообразна и радостна жизнь юных граждан Страны Советов, как развиваются их добрые качества и творческие начала, — неисчерпаем. В нашем журнале освещается лишь малая доля. Главное внимание при этом обращается на то, как воспитываются у ребят трудолюбие и добро, стремление к дружбе и интернационализму, правильное миропонимание, творческая и жизненная активность — все то, что необходимо будет человеку коммунистического общества, достойному продолжателю дела своих отцов и матерей. И конечно же, в материалах журнала говорится о том, как мешает здесь религия, по сути стремящаяся лишить ребят настоящего, полнокровного детства.

Вторая и третья страницы нашей обложки посвящены детскому творчеству. На них воспроизведены работы юных художников, выставленные в Ереванской детской картинной галерее, рисунки, экспонировавшиеся на Международной выставке детского рисунка в Москве в 1976 году и на выставке «Моя Москва» в этом году (об участниках этой последней выставки из студии, руководимой В. Н. Полуниной, см. в номере репортаж Л. Кудрявцевой «Вдоль по реченьке, по Москве-реке»). В сочетании с фотографиями сцен из жизни ребят эти работы демонстрируют ясное и яркое, наполненное радостями детство.

1 июня — День защиты детей

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

В ИЗВЕСТНОЙ ПЕСНЕ О ТОМ, С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА, ЕСТЬ СЛОВА: «С КАРТИНКИ В ТВОЕМ БУКВАРЕ». СКОЛЬКО ЧУДЕСНОГО, ВОЛШЕБНОГО, ТАИНСТВЕННОГО ДЛЯ РЕБЕНКА ЗАКЛЮЧЕНО В КНИЖКЕ! О МНОГООБРАЗНОМ КНИЖНОМ МИРЕ ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОПРОСИЛ РАССКАЗАТЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА «МАЛЫШ» ПИСАТЕЛЯ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА НЕФЕДОВА.

Когда-то Виктор Гюго очень тонко и поэтично заметил: «Вы чувствуете, что книга тянет вас. Она вас отпустит, только придав новый вид вашему уму. Иногда читатели отрываются от книги совершенно преображенными... Самые гордые умы, и самые тонкие, и самые деликатные, и самые простые, и самые великие подчиняются этому очарованию...»

Особенно подчиняются этому очарованию читатели, делающие в жизни свои первые, в буквальном смысле, шаги. Эти крохотные человечки — еще и не читатели даже, а слушатели, которые могут заплакать, когда им или кого-то жалко или страшно, и улыбнуться, если все идет хорошо и плохое наказано. Пройдет год, два — малыши начнут не только смотреть картинки, но и читать сами. И откроется для них по-новому удивительный, неповторимый мир книги...

Издательство «Малыш» уникально в том смысле, что продукция его рассчитана на самых маленьких ребят — от двух до восьми лет. Книги для таких читателей — прежде всего сплав творчества художника и писателя, причем не всегда даже можно четко разграничить, кто кого иллюстрирует. Как правило, писатели и художники детских книг пробуют свои силы прежде всего в нашем издательстве. Достаточно привести несколько цифр, чтобы представить объем и диапазон его продукции: 73 миллиона экземпляров в год, средний тираж книги — 333 тысячи, но есть и книги — миллионеры.

«Малыш» выпускает около 25 миллионов экземпляров альбомов, идущих в ясли, детские сады, библиотеки, магазины. Только у нас выходят огромными тиражами плакаты для ребят, игры, кубики. В серии «Сказки 15 сестер» — о фольклоре братских республик, выходят, скажем, белорусская сказка «Мудрый волк», эстонская «Воробей любит квас»; в серии «Сказки дружной семьи», созданной на основе мотивов марийского фольклора, — «Белая лебедь», где затрагиваются морально-этические проблемы, отношения людей. Интересны также адыгейские сказки «Острый ум и ловкие руки».

Вот только некоторые из многочисленных переизданий русской и советской классики для маленьких: «Полный месяц встал над лугом» — стихи о природе А. Блока; «Басни» И. Крылова; «Генерал Топтыгин» Н. Некрасова; «Сказки» А. Пушкина; «Белолобый» и «Каштанка» А. Чехова; «Заячьи лапы» К. Паустовского; «Воробьишко» и «Случай с Евсейкой» М. Горького.

В своей статье «О сказках» А. М. Горький вспоминал: с живописью словом, с древней народной поэзией и прозой, появившейся до изобретения письменности и называемой устной, то есть передаваемой из уст в уста, он познакомился рано — лет шести-семи от роду. Немало слышал он и религиозных сюжетов. «В доме деда слово «бог» звучало с утра до вечера: бога просили о помощи, приглашали в свидетели, богом пугали — накажет! Но, кроме словесного, никакого иного участия божия в делах домашних я не чувствовал, а наказывал всех в доме дедушка».

Однажды мальчик получил от деда нахлобучку за какой-то вопрос о чертях и боге. «Может быть, — говорит писатель,— с того дня я потерял уважение к деду и всякий интерес к чудесам угодников божьих. И мне еще больше дороги стали герои сказок. Позднее, когда я внимательно прочитал литературу церковников — «жития святых», мне стало ясно, что чудеса, о которых рассказывает церковь, заимствованы ею из мудрых древних сказок, так что и тут — как везде и во всем — церковники жили за счет здоровой, возбуждающей разум творческой силы трудового народа».

Столетиями церковь насильственно насаждала религиозные идеи. В царской России изучение закона божьего было обязательным и для самых маленьких. На обложке одного из важнейших учебных пособий по данному предмету было начертано, что это объяснение символа веры, молитв и заповедей с подготовительными рассказами из священной истории, с кратким учением о богослужении православной церкви для руководства изучения закона божьего в начальных народных училищах, в первом классе городских училищ и приготовительном классе средних учебных заведений, одобренное святейшим синодом.

Первый нарком просвещения Советской России А. В. Луначарский вспоминал, что в гимназиях, как огня, боялись современности. «В мое время доходили только до Гоголя и чуть-чуть касались Тургенева и Гончарова, потом включен был Толстой и, кажется, Достоевский; иногда прикасались к Короленко, но в общем крайне скупо и опасливо подходили к литературе, ближайшей по времени и по настроению юношам и девушкам, которых выпускали из средней школы».

Под высокими словами о том, что детей надо учить на примере классиков, пояснял Луначарский, — а классиком человек становится только тогда, когда книги его покроются паутиной веков, — на самом деле скрывался страх перед жизнью, которая всячески устранялась из школы.

Подлинная детская литература была рождена Октябрем, великим революционным созиданием. По мысли Луначарского, стоявшего у истоков советского книгоиздательского дела, современная литература, наряду с классикой, должна врываться в окна и двери, наполнять светом душу ребенка, чтобы рядом с иллюстрациями, почерпнутыми из живой действительности, наиболее яркими факторами для образования были материалы беллетристические.

Сегодня самые маленькие читатели знают произведения Пушкина, Лермонтова, Чехова, Некрасова, Киплинга, Перро, Тувима, Маяковского, Чуковского, Маршака, Михалкова, Барто. На темы о природе, животном мире, о бережном отношении ко всему окружающему пишут для детей Астафьев, Носов, Распутин, Акимушкин, Снегирев. Особого внимания заслуживают такие издания, как, скажем, книга дважды Героя Советского Союза А. Леонова «Выхожу в космос», которые глубоко, интересно, наглядно формируют у юных граждан материалистическое мировоззрение.

Буквально все издания «Малыша» рассчитаны на то, чтобы расширить представления детей об окружающем мире, научить доброте, справедливости, умению не только видеть, но и понять, создавать прекрасное. Например, выпускается серия альбомов для раскрашивания, в которых напечатаны контуры самых различных полевых цветов. Это своеобразная «Красная книга», адресованная юным читателям, воспитывающая у них на всю жизнь любовь и интерес к окружающей природе. «Дорогие ребята! — предваряет начало работы текст. — Раскрасьте рисунки и запомните: рвать эти цветы нельзя! Расскажите об этом своим товарищам. Так вы поможете сохранить исчезающие растения».

И в книгах, и в альбомах, и в играх — везде мы ставим главную задачу — формировать богатый духовный мир у наших детей, их высокие нравственные качества. Все должно воспитывать граждан Страны Советов, знакомить их живо и ненавязчиво с тем, что встречают и встретят они в действительности. При этом темы произведений могут быть достаточно сложными, хотя они и рассчитаны на маленьких. Большим тиражом выпускались, например, книги М. Константиновского об атомах. Новая работа этого автора названа: «Почему Земля — магнит». В серии «Почемучкины книжки» можно назвать также интересную работу Ф. Кривина «Как стать кругосветным путешественником». Этот

Два плаката из множества таких изданий, выпускаемых издательством «Малыш».

автор в другой своей книге «Прабабушка наша Вселенная» прекрасно справился с необычайно сложной задачей: не сухо, не дидактически, а предельно просто и в то же время занимательно, часто в метафорической форме, рассказал о Земле, Луне, Солнечной системе, движении планет, о других весьма серьезных и сложных вещах.

Анализ того, что готовится у нас к печати, говорит не только о широте издательских планов, но и о диапазоне интересов нашего многомиллионного маленького читателя. Для этого достаточно даже бегло посмотреть план выпуска этого года. В числе книг о В. И. Ленине, революции, истории Советского государства, о Советской Армии и юных героях следует назвать: «В первые дни Октября» В. Бонч-Бруевича, «Секрет» З. Вознесенской, «Родина наша» М. Исаковского, «По слову Ильича» Я. Смелякова, «Мяч с золотым пояском» В. Тельпугова. В книге «Закон твоей жизни» Ю. Яковлев живо, увлекательно рассказывает о великих достижениях нашей страны, нашедших отражение в новой Конституции СССР.

В серии «Легендарные герои» вышли книжечки о Фрунзе, Чапаеве, Щорсе, Лазо, Дундиче, Фабрициусе, Жукове, находятся в производстве работы о Блюхере, Котовском, Рокоссовском. Серию «Твои сверстники» составляют книги «На острове Свободы» Г. Зафесова, «Идем и едем по Варшаве» В. Приходько.

Интересны книги о достижениях современной науки и техники, о труде взрослых, о различных профессиях: «Ваше имя! — Робот» Ю. Крутогорова, «Как искали тюменскую нефть» К. Лагунова, «Как хлеб на стол пришел» А. Мусатова, «А, Б, В...» А. Маркуши — своеобразное справочное пособие для детей, написанное по типу занимательного словаря, объясняющее различные технические термины.

Часто говорят, что все начинается с детства. Я бы добавил, что в духовном смысле детство начинается с книги, картинки, игры. Каждый год мы, например, обязательно выпускаем книги о завоеваниях цивилизации, показывающие связь времен, раскрывающие историю государств, народов, отдельных ремесел. В этом смысле, скажем, очень интересны рассказы Е. Осетрова о первопечатнике Иване Федорове, о становлении печатного дела в России, о первых печатных книгах и их мастерах, объединенные в «Сказ о друкаре Иване и его книгах». Книга эта будет интересна и разнообразными, высокохудожественными иллюстрациями.

У Руссо есть мудрая мысль о том, что природа хочет, чтобы дети были детьми, прежде чем быть взрослыми, и что если нарушить этот порядок, то будут скороспелые плоды. Дети, заключал он, обладают собственной манерой видеть и чувствовать, и нет ничего безрассуднее, как желание заменить ее нашей.

Организация Объединенных Наций объявила год 1979 Годом ребенка. «Это очень хорошее, правильное решение, — говорил в своем приветствии юным товарищ Л. И. Брежнев. — Ведь дети — это наше будущее, им придется продолжать дело своих отцов и матерей. Они, я уверен, сделают жизнь на земле лучше и счастливее».

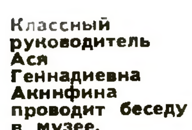
Книжки издательства «Малыш» можно увидеть в десятках стран мира. Не так давно я вернулся из Болгарии, где заходил во многие книжные магазины, интересовался читательским спросом. Меня порадовало, что хорошо идут книги не только на болгарском, но и на русском языках. Высоко ценят наши книги в Скандинавии, Франции, США. В Японии, например, большим тиражом вышел альбом рисунков Е. Рачева, широко известны работы и других советских художников.

Счастливая, невозвратимая пора детства должна запоминаться каждому ребенку в любом уголке земли. И бесценные друзья — книги позволят наполнить эту пору радостями открытий, успехами познания, возможностями активного участия в жизни огромного, постоянно развивающегося мира. Как было бы хорошо, если бы религия не препятствовала этому открытию мира, не притупляла интереса к его познанию, не омрачала радости детства в целом.

Обширную переписку ведут ребята со своими товарищами-карбышевцами из других школьных музеев.

И. ЕВСИКОВА

УРОКИ МУЖЕСТВА

Классный руководитель Ася Геннадиевна Акинфина проводит беседу в музее.

ОБ ОТРЯДЕ имени Карбышева из 127-й московской школы я услышала случайно, оказавшись как-то среди молодых людей, выпускников этой школы. Сейчас они — инженеры, врачи, учителя. И как всегда бывает, когда собирается молодежь, здесь много смеялись, вспоминая забавные истории, говорили о работе, планах на будущее. Все они учились в одном классе и дружат еще со школы.

Что греха таить, нередки случаи, когда, получив аттестат зрелости, вчерашние школьники как бы вычеркивают из своей жизни учителей и товарищей, словно и не было прожитых вместе 10 лет. А эти бережно хранили в памяти и первый школьный звонок, и дни, когда им повязали красные галстуки, вручили комсомольские билеты, и, конечно же, доброе чувство к классному руководителю. Впрочем, в отношениях между молодыми людьми проглядывалась не просто скрепленная годами учебы дружба. По едва заметным деталям — общности оценок, глубине взаимопонимания, проявлявшегося порой в слове, жесте, взгляде, — угадывалась высшая степень духовной близости...

...Это было давно. Как-то на перемене пятиклассник Володя Новиков начал пересказывать товарищам прочитанную накануне статью о генерале Карбышеве. Звонок на урок прервал рассказ, и ребята решили продолжить его на пионерском сборе. Сейчас, вспоминая тот сбор, классный руководитель Ася Геннадиевна Акинфина говорит, что прежде всего детей поразила смерть генерала, застывшего ледяным изваянием во дворе концлагеря Маутхаузен. И его последние слова: «Бодрей, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество не покинет вас».

Имя Карбышева теперь все чаще всплывало в разговорах, и особенно при обсуждении фильмов и книг о войне. Побывали ребята и в 574-й московской школе, где был создан музей, экспонаты которого рассказывали о борьбе узников Маутхаузена («Мы ими гордимся»). На одном из стендов были материалы о жизни Дмитрия Михайловича Карбышева. Затем узнали, что много документов о генерале собрали пионеры поселка Нахабино Московской области. Написали им, в ответ получили фотокопии, адреса близких, родных и друзей Карбышева. Так класс примкнул к карбышевскому движению, в котором сегодня участвуют около 200 пионерских отрядов и дружин, а также многие производственные коллективы страны. Об этом и рассказывает нам в школьном кабинете Акинфина.

— Я, — говорит Ася Геннадиевна, — в этих поисках старалась показать ребятам главное — во имя чего он боролся, участвовал в подпольном движении в фашистских лагерях. Очень важно, чтобы человек в ранние годы задумался над своей жизнью, начал искать свое назначение.

Вот у меня была соседка — девочка из семьи верующих. Как-то разговорилась я с ее мамой и бабушкой. Смысл жизни обе женщины видели в спасении души для вечной, потусторонней жизни. Причем, считали они, каждый «спасается» в одиночку. Не земные блага ценны для человека, твердили они, а душа, которую и нужно сберечь для вечного блаженства. Но разве такое понимание смысла жизни способно создать деятельную натуру? Разве открывает оно двери в сложный и прекрасный мир подлинных человеческих ценностей?

Акинфина вспомнила, как однажды учитель истории удивился: класс неожиданно стал проявлять дружный интерес к народовольческому движению. Однако Асе Геннадиевне он был понятен:

на последнем карбышевском чтении, посвященном детству Дмитрия Михайловича, дети узнали, что его старший брат, Владимир Карбышев, тогда студент Казанского университета, был арестован и сослан за распространение крамольных листовок. На уроках истории, засыпая учителя вопросами, ребята пытались выяснить истоки характера генерала, тех его черт, которые спустя шесть десятилетий позволили ему совершить бессмертный подвиг.

Прошло уже почти 10 лет, как окончили школу первые карбышевцы. И даже те, кому они передали отрядный музей, теперь учатся в институтах, техникумах, служат в армии, работают на производстве. Но и сегодня традиции первых продолжают пионеры школьной дружины.

Общими усилиями собраны книги, вырезки из журналов и газет. Ребята встречались с людьми, близко знавшими генерала. Приезжал к ним Евгений Григорьевич Решин, старый большевик, строивший вместе с Дмитрием Михайловичем во время гражданской войны укрепления на Восточном фронте. Приходили в школу бывшие узники Освенцима, Заксенхаузена, Маутхаузена — лагерей смерти, через которые прошел генерал Карбышев. Затаив дыхание, слушали их дети, стараясь понять, осмыслить, что же помогает человеку остаться в таких нечеловеческих условиях личностью. Была у них в гостях и старшая дочь Дмитрия Михайловича — Елена Дмитриевна Карбышева, она получила высшее военное образование, подполковник в отставке.

Спустя несколько лет Акинфина уже с другим классом, принявшим эстафету карбышевского движения, побывали по приглашению команды теплохода, носящего имя генерала, в Омске, на родине Дмитрия Михайловича. Ребята из этого класса рассказывали мне о поездках на Всесоюзный слет участников движения, потом в Белоруссию, где еще до первой мировой войны молодой инженер Карбышев строил оборонительные сооружения, в Ленинград, где он учился, и, конечно же, о работе с пионерами — теми, кому теперь уже они должны передать традиции карбышевцев.

Переписка и встречи с борцами Сопротивления, изучение биографии генерала — все это стало своеобразными уроками мужества, воспитания чувства высокой гражданственности. Делами генерала Карбышева школьники как бы проверяли свою жизнь, свои поступки. И беседы, которые они вели, как часто бывает, выходили далеко за рамки биографии героя, становились размышлениями о назначении человека.

Взять хотя бы такую проблему: какое место в жизни занимает искусство? Она возникла в связи с тем, что некоторые ребята, ссылаясь на генерала, человека точного знания, строителя крепостей, стали демонстрировать пренебрежительное отношение к гуманитарным наукам: мол, раз мы будем инженерами, нам это ни к чему. Но вот Елена Дмитриевна Карбышева вспомнила, как ценил и глубоко понимал ее отец искусство и литературу, как не раз приносил в дом тополиные ветки, населял его зверюшками и птицами. Вывод напрашивался сам собой: широта и многогранность восприятия мира, чувство красоты — нужны и будущим инженерам.

Рассказывая на родительских собраниях об этих встречах, учительница подчеркивала: «Наши дети должны уметь отличать добро от зла, знать цену страданию, смерти. Фашизм и сегодня угрожает миру. И надо, чтобы новое поколение людей умело не только любить добро, но и ненавидеть зло, быть готовым к борьбе с ним». И подводя итоги очередного года, видя, что в классе улучшились успеваемость и дисциплина, что взаимоотношения ребят стали чище, искреннее, она понимала: немалую роль в этом сыграло карбышевское движение.

Шло время. Позади остался девятый класс. Ребята начинали задумываться над тем, в чьи руки передадут они собранный материал. Появилась потребность в воспитании смены. И теперь уже обычные шефские заботы комсомольцев — беседы, утренники, концерты для малышей — становились приобщением нового поколения к карбышевскому движению.

Эта связь не прерывалась и позже, когда первые карбышевцы стали студентами, а позднее — молодыми специалистами. Для них уже стало душевной потребностью время от времени зайти в школу, по-

Каждый год в день гибели Д. М. Карбышева встают в почетный караул у его портрета пионеры.

Фото В. Евсеева.

На встречу с нынешним поколением карбышевцев пришли их старшие друзья — выпускники прошлых лет Лена Янчук, Наташа Яшечкина, Игорь Хахулин, Володя Новиков.

видаться с Асей Геннадиевной, узнать о делах отряда, посмотреть новые материалы музея. Приходили Володя Новиков, Игорь Хахулин, Володя Ергаков, Юра Умнов, Наташа Абросимова, Марина Борисова, Лена Янчук, Наташа Яшечкина и другие — в классе их было почти 40. Рассказывали о своих профессиях, консультировали ребят по математике, физике, другим предметам.

За это время отрядный уголок пополнился грамотами за активную общественную работу, хорошую учебу, вымпелами за победы в военно-спортивной игре «Зарница» — в 1975 году класс Акинфиной занял I-е место в Москве и выступал на VI Всесоюзном финале «Зарница» в Ленинграде. При подготовке к игре все научились хорошо плавать, ходить на лыжах, ориентироваться на местности, а самое главное — помогать друг другу. Умножились за эти годы и экспонаты музея — стенды с фотодокументами, переписка с такими же дружинами и отрядами Бреста, Киева, Минска, острова Сахалин и другими.

Я видела церемонию передачи реликвий и атрибутов карбышевского отряда от старших к младшим. Как всегда, она проходила в мемориальном зале академии имени В. В. Куйбышева. Здесь собрались те, кто причастен к движению, — друзья и близкие героя, выпускники школы, пионеры и комсомольцы из разных городов. Потом, когда мы возвращались после этого торжества, кто-то из молодых людей заговорил о том, какими удивительными бывают человеческие судьбы и как воздействуют они на будущие поколения (в этой связи, думаю, весьма показательны высказывания учеников Акинфиной друг о друге: честен, принципиален, трудолюбив, настойчив в достижении цели). Молодой человек вспомнил, как они, 12-летние, узнав о подвиге Карбышева, воссоздавали для себя его образ. Нет, жизнь генерала не представлялась им житийным писанием, а образ Дмитрия Михайловича Карбышева — иконографическим. И тогда, еще детьми и подростками, и сейчас, уже взрослыми, они видели в нем человека, выстоявшего в нечеловеческих условиях.

И судьбу генерала Карбышева они примеряли к своей, а не святого великомученика Дмитрия Солунского, в честь которого в соответствии с религиозной традицией был по православным святцам назван младший сын в многодетной семье. Это только на первый взгляд можно сравнить историю гибели Дмитрия Михайловича Карбышева, замученного в фашистском лагере смерти, с легендами о смерти христианских мучеников. Но такое сходство — чисто внешнее. Генерал Карбышев, как и тысячи коммунистов, погиб во имя других людей, счастья грядущих поколений. А христианские мученики, как утверждают церковные легенды, «принимали венец страдания» ради собственного загробного блаженства. Зверски замученный фашистами, Карбышев до последнего вздоха боролся ради земного счастья. Для него быть человеком означало чувствовать себя за все в ответе. И черты его героического образа — честь и достоинство, прямота и благородство в отношениях с людьми, готовность защищать свою страну ценою жизни — безусловно помогают питомцам Акинфиной становиться людьми в самом высоком смысле этого слова.

НАМ СТЫДНО

В нашем селе Стыла жители начали получать «святые письма». В них говорится о том, что не нужно забывать бога, что он накажет всех тех, кто не выполнит условий, поставленных в письме. Надо переписать его несколько раз и разослать своим знакомым.

Мы, ученики средней школы, не верим в бога и понимаем, что распространяют такие письма, конечно же, те, кто стремится привлекать людей, особенно молодежь, в религиозную общину. Но возможно, что и кто-то из неверующих жителей переписывает и распространяет эти письма, боясь наказания.

Одно время ученики нашей школы тоже находили «святые письма» в портфелях. И хотя никто из нас не верит угрозам, обещанным в письме, все же найти его в учебнике или среди книг в портфеле очень неприятно. Невольно начинаешь подозревать кого-нибудь из одноклассников.

В общем, эти «святые письма» нарушают нашу дружбу, хорошее отношение друг к другу в школе. Нам стыдно за тех людей. Может быть, это наши товарищи, которые из-за собственного малодушия подбрасывают такие письма.

К. БУЛГАКОВА, К. ГУМУРЖИ
с. Стыла Донецкой области

ЧИТАЮ С ИНТЕРЕСОМ

Я учусь в Костинском профессионально-техническом училище на мастера-животновода, интересуюсь спортом, занимаюсь в кружках. Раньше я не обращала внимания на журнал «Наука и религия» и не интересовалась им. И вот случайно мне в руки попался № 12 за 1978 год. Я его прочитала с большим интересом. Очень большое впечатление произвела на меня статья «Душа рвется к людям». Когда я прочитала эту статью, я о многом задумалась — о своей жизни, о жизни своих близких и друзей. Как мало знаю я о людях!

Е. МИРОНОВА
Рязанская область

НЕ первый год сажусь я перед красным глазком телекамеры и все-таки каждый раз волнуюсь. Волнуются и те, кто выступает вместе со мной, — ребята и взрослые. Сегодня с помощью кинооператора Е. Сенченко мы совершаем путешествие в старинное село Ведлозеро.

...Неброская красота северной природы, бревенчатые дома. Звучит карельская песня. Поет Мария Андреевна Дорофеева — старейшая учительница села. Она поет об избе, в которой родилась, о лучине, о девичьей доле.

Прошу рассказать Марию Андреевну о том, как первые комсомольцы вели атеистическую работу.

— Иконы-то в каждом доме были, и в церковь ходили все, такой уж раньше порядок был. Но вера в нашем крае носила скорее внешний характер. Вот, помню, мы, молодежь, ставим в клубе спектакль, а пожилые идут в церковь. Проходят мимо окон и заглядывают к нам с любопытством, некоторые даже со службы уйдут и стоят под окном, слушают. Мы ставили и серьезные спектакли, и маленькие сценки собственного сочинения. И учителя наши хорошо понимали, какую роль играет на селе клуб и все, что в нем происходит. Учитель Федор Александрович Грандов участвовал в спектаклях: он был талантливый исполнитель, особенно удачно у него получалась роль батюшки в одной сценке.

Студия телевидения показывает композицию по «Калевале», подготовленную учащимися одной из школ Петрозаводска.

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ ТЕЛЕКЛУБ

В. ЕРШОВ,
кандидат педагогических наук

Говорит Мария Андреевна по-северному певуче, изредка экономит на окончаниях, как принято в Ведлозере. Ее рассказ сопровождают кинокадры современного села: старинные бревенчатые избы и новые дома, по улице идут по своим делам люди, катят в колясках малышей, цветы на братской могиле. На экране появляются фотографии учителей, о которых рассказывает Мария Андреевна.

Клуб «Юный краевед» на студии телевидения Карелии был создан несколько лет назад — по инициативе заведующей детской редакцией И. П. Сиротиной. Его передачи призваны воспитывать любовь к своему краю, разговор идет о духовном богатстве советских людей, наших нравственных ценностях. Вместе с тем материал, на котором строятся передачи, постоянно дает богатые возможности для атеистической пропаганды.

Молодость — важнейший этап становления человеческой личности, время поиска нравственного идеала, выбора жизненного пути, размышлений о месте в жизни и ее смысле. Вот почему в передачи телеклуба, рассчитанного прежде всего на молодого зрителя, мы постоянно включаем встречи с теми, кто начинал строить наше государство, кто с оружием в руках его защищал.

Комсомольцы Поросозера давно собирают материал по истории комсомола своего поселка. На экране телевизора — кинокадры, снятые в средней школе. Десятиклассница рассказывает о том, как в один из зимних вечеров 1922 года парни и девчата создали первую комсомольскую ячейку. Секретарем был избран

В Кижах.

В зале боевой славы школы поселка Лахденпохья.

Степан Иванович Потапов. На машинке отпечатали комсомольские удостоверения.

Может быть, и не так просто это происходило, как рассказывает девочка о событиях 57-летней давности. Важно другое — школьники пытаются понять, какими были те люди, которые сейчас стали героической историей. Один из них — Николай Михайлович Куркоев, комсомолец с 1922 года, гость телевизионного клуба:

— Время было трудное. Комсомольцев, как отрекались они от бога, почитали антихристами. А ведь нам надо было работать с людьми. Неграмотность, темнота, невежество царили в карельских селах. И нам все это предстояло преодолеть. А сами-то мы недалеко ушли — за плечами два-три класса. Надо было и самим учиться, и односельчан учить. Это сейчас и радио, и газеты, и журналы, и телевизор — в каждом доме. А мы голос Москвы по радио услышали первый раз только к десятилетию Октября — в двадцать седьмом году.

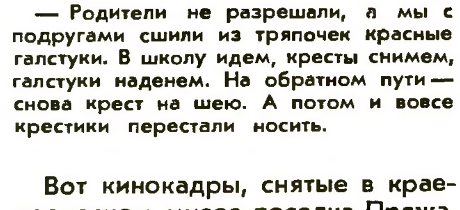
В разговор вступает Татьяна Степановна Шмонина, комсомолка с 1934 года:

— Нам было полегче, кое-какой опыт набрался. Но трудностей хватило и на нашу долю. Каждый из нас должен был научить писать и читать трех человек. Работая в ликбезе, мы постепенно завоевывали доверие односельчан. Оборудовали клуб. Первое время наши родители в клуб не ходили, боялись. А через год уже старые и малые сидели там на лавках. Это была наша победа...

Участники фольклорного кружка школы № 2 г. Беломорска встретились со сказительницей Ф. В. Поповой. Ее сказка «Про дьячка» напечатана в книге «Русские народные сказки Карельского Поморья».

Жительница Поросозера Александра Трофимовна Корепанова вступила в пионеры в тридцатые годы:

— Родители не разрешали, а мы с подругами сшили из тряпочек красные галстуки. В школу идем, кресты снимем, галстуки наденем. На обратном пути — снова крест на шею. А потом и вовсе крестики перестали носить.

Вот кинокадры, снятые в краеведческом музее поселка Пряжа. Руководит музеем заслуженная учительница КАССР Р. Э. Кальске. Ее отец, рабочий Эмиль Кальске, в августовские дни 1917 года укрывал в своей квартире Владимира Ильича Ленина. Для «маленькой пролетарочки», как назвал ее тогда Владимир Ильич, ленинская тема стала главной. Объектив кинокамеры останавливается на фотографиях, где рядом с Лениным — дети. Дети революции... Беспризорник В. Дубинин, ныне академик, детдомовец Иван Крюков, сыновья М. И. Калинина и редактора газеты «Правда» В. Стеклова... Школьникам важно знать, кем стали эти ребята, чем занимаются сегодня. Вот письмо от Ивана Крюкова пряжинской школьнице Наташе Титовой; в нем он рассказывает, как был беспризорником, жил в воинских эшелонах, участвовал в боях и был ранен; вспоминает о встречах с Дзержинским, определившим его в детский дом в Москве. А затем снова воинские эшелоны, дивизия Чапаева...

И с еще одним письмом знакомятся телезрители: Ленину пишет гимназистка Женя Замощина из Красноярска:

«Дорогой товарищ Ленин! Я пишу из г. Красноярска. Я ученица 3-го нормального класса Красноярской губернской женской гимназии. Вы большевик, и я тоже большевичка. Пожалуйста, я Вас прошу написать нашей гимназии предписание, чтобы у нас не был обязательным закон божий, так как наша гимназия буржуазная и она потому не изволила с самого начала сделать закон божий необязательным».

Женя Замощина получила ответ Ленина — его секретарь переслала девочке текст Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Среди высказываний Н. К. Крупской есть такое: «Надо делать жизнь ребят как можно богаче переживаниями... Это значит — учить их читать окружающую

жизнь, понимать и творить ее. Тогда не будет детского одиночества, не будет у подростка и потребности в религии».

Эта мысль во многом определила направленность работы нашего телеклуба. Не случайно несколько передач были посвящены увлеченным людям.

О чем бы ни шла в них речь — о ребятах, которые занимаются резьбой под руководством замечательных народных умельцев А. Д. Кылысова из поселка Пряжа и И. Т. Сало из Чалны, о юных друзьях милиции города Олонца, о работах учеников художественной школы Петрозаводска, о творческом объединении юннатов Коткозерской школы, об археологических раскопках клубов «Товарищ» при редакции газеты «Комсомолец» и «Поиск» школы № 27 Петрозаводска, — они в широком смысле учат «читать окружающую жизнь, понимать и творить ее». В программе телеклуба есть постоянная рубрика «Поиск». Ее задача — показать общественную значимость деятельности школьников. Посадил дерево, спас от пожара лес — это труд для общества; нашел исторические реликвии и передал их в музей, архив — сделал полезное для своего села, города; узнал имя погибшего солдата — сохранил для будущих поколений память о герое.

Регулярно в передачах телеклуба звучит патриотическая тема. Телекамера ведет нас по школьным залам боевой славы и музеям Лахденпохьи, Чалны, Пряжи, Медвежьегорска, школы № 40 Петрозаводска. Каждый рассказ — заявка на открытие новых имен, фактов, материалов, свидетельств. Авторы — юные следопыты. На экране телевизора — заснеженные кусты, деревья. Кинооператор снял ребят, расчищающих дорожки школы. Самая широкая ведет к памятнику: он поставлен на средства, заработанные школьниками, во дворе железнодорожной школы № 77 Медвежьегорска — в память о тех, кто учился тут до войны и не вернулся с фронта.

На одну из передач телеклуба мы пригласили автора сборника «Карельские причитания» научного сотрудника Карельского филиала Академии наук СССР А. С. Степанову. Она рассказала об одном из древнейших эпических жанров карело-финского фольклора — причитах, которые сопровождали важнейшие события человеческой жизни: замужество, проводы в солдаты, смерть. В них отчетливо прослеживаются древние религиозные верования — культ предков, культ духов-покровителей и т. п.

Студентки Петрозаводского университета Светлана Кошелева (5-й курс физмата) и Лена Манагон (5-й курс историко-филологического факультета) проходят педагогическую практику в детской комнате милиции.

В следующей передаче этого цикла прозвучал рассказ о книге «Песни Карельского края», которая сравнительно недавно увидела свет. Здесь речь шла об эпической карельской песне. Мы постарались показать, как много может дать материал такого рода для изучения истории, формирования мировоззрения.

Сотрудница Музея изобразительных искусств Петрозаводска Л. Н. Белоголова демонстрирует полотенца, вышитые около ста лет назад в Пряже.

— Орнамент,— рассказывает она,— сохранил древние представления карел о строении мира: в вышивке ясно прослеживается верхний мир — небо, средний — земля, нижний — царство мертвых, ромб связан с культом плодородия, а птицы-уточки — с представлениями о прародительнице мира — утке.

Жительница поселка Каршево Пудожского района О. К. Татаринова прислала повойник, который мы передали в краеведческий музей. Об этом старинном головном уборе замужней женщины рассказывает искусствовед музея Л. И. Капуста:

— Этот повойник сшит из дорогого рытого бархата и украшен по тулье и донышку крестами. Но это не только украшение — в соответствии с христианской символикой крест должен отгонять нечистую силу, предохранять от головной боли.

Кандидат исторических наук этнограф Р. Ф. Никольская на одном из заседаний клуба интересно рассказала об обрядах карел, особенно подробно о месте, которое в этих обрядах занимает культ плодородия.

Ученики школы № 2 Беломорска показывают места, где они на протяжении ряда лет под руководством своих учителей-словесников записывают местный поморский фольклор, собирают материал о сказительницах и песенницах. Сказительница Фаина Васильевна Попова рассказывает сказку о судьбе бедняка, над которым сжалилась судьба: он нашел три копейки, купил гороху, посеял. Да вмешивались все время поповы свиньи, кошки, собаки, и остался бедняк, как был, гол...

Телекамера показывает деревни, бревенчатые северные избы с чердаками, косые изгороди из жердей, церкви.

В разговор вступает научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Татьяна Ивановна Сенькина:

— Народ строил церкви, но он же и насмехался над священнослужителями. И стоят в северных деревнях такие шедевры, как Петропавловский собор в Вирьме, не потому, что был народ очень религиозен, а потому, что велики его творческие силы и использовал он их соответственно времени своему в конкретных делах — строительстве, вышивках, росписях, в эпосе...

Передача закончена. Погасли огни юпитеров, студия готовится к следующей...

г. Петрозаводск

Вдоль по реченьке, по Москве — реке

Фото В. Стигнеева.

РЕБЕНОК, рисующий свободно и раскованно, чувствующий цвет и композицию, уже давно не кажется феноменом. Эти качества как бы закрепились за пяти-, восьмилетними. Тем не менее радостное удивление перед открывающимся миром, пробуждающееся в моменты творчества, непосредственность чувства и чистота взгляда неизменно волнуют на выставках детского рисунка, будь то известное собрание тбилисского или ереванского детского музея или скромная экспозиция изокружка при жэке.

Духовное пробуждение личности ребенка интересует думающих педагогов-художников ничуть не меньше, чем обучение его изобразительной грамоте. Опытный глаз различит и в темах детских работ, и в художественном уровне композиций руководство наставника, его собственный уровень, цели этого руководства.

Вот одна небольшая, но достаточно многозначительная выставка детского рисунка на улице Разина, близ Красной площади, на тему «Моя Москва». Подготовило ее Московское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, что и предопределило содержание выставки. Прежде чем рисовать, дети ходили по своему городу, смотрели, слушали, знакомились с архитектурой, древней и наисовременнейшей, ощущали воздух прошедших времен, прикасаясь взглядом к зубчатым узорам кремлевской стены, к сказочному чуду из чудес — храму Василия Блаженного, в котором с такой силой проявлено народное понимание прекрасного. Древняя история, древняя культура родного народа раскрывалась перед ними в эти часы. А это, может быть, те моменты, когда даже ребенок, пусть еще не совсем осознанно, способен ощутить связь с былым, далеким и общим, напоминающим каждому о его причастности к этому общему.

Свидетельство тому — рисунки детей на выставке. Они передают поэзию нашей древней столицы и тонко подмечают неразрывность временных исторических связей. Даже шестилетняя Света так нарисовала собор XVIII века с его текучими формами и барочными украшениями, а рядом энергичную геометрию «России», что они гармонично слились с понятием «моя Москва». Одиннадцатилетние Дима Коробов и Вова Мальков, уносясь фантазией в какой-нибудь XIV век, темпераментно изображают защиту города от нашествий врагов. На прочные, могучие деревянные стены крепости они водрузили звенящие металлом купола-шлемы с красным флагом и все небо покрыли красными победными лучами. Красный цвет, флаг четко выявляют духовный мир юных художников — советские ребята рисовали!

Мальчишки, и дошколята и подростки, любят, как известно, рисовать битвы, сражения. Есть такие сюжеты и на этой выставке, но и они тоже достаточно специфические. Кроме традиционного гайдаровского Мальчиша-Кибальчиша, увиденного в книжке, и современных солдат, здесь скачут на битву былинные богатыри в развевающихся красных плащах, сражаются могучие витязи в островерхих шлемах. В сознании ребят они — такие же герои, как их близкие деды и прадеды, защищавшие страну в революцию, гражданскую и Отечественную войны. Так умные педагоги не забывают протягивать нити нашего советского патриотизма и в далекое прошлое, напоминая юным художникам высказывание Виктора Васнецова, знаменитого автора «Богатырей»: «Плох тот народ, который не помнит, не ценит, не любит своей истории».

Современную Москву, ее своеобразие, сочетание в ее облике многовековой истории и сегодняшнего дня, дети образно показали на декоративном панно, явившемся центром выставки. По голубой реке, напоминающей птицу, движутся пароходики, плывут белые уточки, алеют на древних башнях Кремля крупные звезды, веселятся ребята на пестрой карусели в парке Горького, шагают студенты с портфелями в университет на Ленинских горах, выходит из расписного домика красавица в ярком платке, стоит на горе сказочный чудо-терем, а дети с мольбертами его рисуют. Словом, кипит вокруг деятельная, красивая, интересная жизнь...

Как-то ученики 4-й московской художественной школы вместе со своим преподавателем Валентиной Николаевной Полуниной сели на речной катер и отправились в недолгое, но насыщенное впечатлениями путешествие «вдоль да по реченьке, да по Москве-реке». Результат его — это панно, коллективное творчество целой группы. И сходство реки с птицей оказалось не случайным.

«Смотрите, дети, — сказала своим ученикам Валентина Николаевна, держа в руках карту, — а ведь наш город на синей птице стоит». И показала на изгиб Москвы-реки. Это открытие потрясло воображение ребят. «Неужели мы первые увидели на карте нашего города Синюю птицу?!» — записали они торжественно в путевом дневнике.

Была у этого путешествия и прямая цель. Высадились юные художники у знаменитого своей старинной архитектурой Крутицкого подворья. Сейчас здесь вовсю идут реставрационные работы. А в одном из подновленных жилых одноэтажных домов разместилась детская студия Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Дети лепят, рисуют, составляют словарики в картинках по искусству архитектуры, а потом в самой большой комнате за длинным деревянным столом пьют чай с баранками и ведут неторопливые, тихие беседы.

Здесь вдоль стен разместился небольшой музей: в «открытом доступе» стоят глиняные, деревянные игрушки, прялки, резные украшения, хохломская посуда и много других изделий народных мастеров прошлого и нашего времени из личной коллекции В. Н. Полуниной. Все вещи — настоящего музейного уровня. Но их дозволено трогать, смотреть, изучать, зарисовывать. Дети тут не только попадают в окружение подлинного высокого искусства, но и постоянно ощущают талантливость и добрые традиции наших предков. А за окном они видят великий шедевр — Крутицкий терем XVII века, с сохранившимися цветными изразцами такой красоты и совершенства, о которых наши дети, да и мы сами разве что в сказках слышали.

И вот этот терем древней архитектуры появляется в детских рисунках — в иллюстрациях к «Сказке о царе Салтане» и в фантазиях на сказочные сюжеты. В представленных на выставке работах воспитанников Полуниной сказка рождается через увиденное и познанное, а увиденное вызывает поэтические чувства. Так развиваются не только добрая детская фантазия и творческие задатки, но и глубокое чувство любви к Родине, причастности к ее истории и современности.

17 детских студий столицы готовили свои работы о Москве, стараясь, чтобы как можно органичнее отозвался в рисунках звук этого слова и отразилась объединительная связь тысячелетней нашей истории и с Вечным огнем на могиле Неизвестного солдата, и с Красной площадью, и с красным флагом, развевающимся над Кремлем.

Л. КУДРЯВЦЕВА

«Эти божественные люди нуждаются в боге, как мы нуждаемся в фантазии».

Какие праздники отмечают в вашей семье? Приходилось ли тебе разговаривать с верующими? Как ты относишься к вере в бога?

Люда записала вопросы и задумалась. Никогда еще учительница не задавала таких вопросов. Ну, о праздниках — это просто. Можно сразу ответить. И она четко написала: «Дни рожденья. Новый год. Двадцать третье февраля. Восьмое марта. Первое мая...»

А вот о боге? Вспомнила, как бабушка-соседка убеждала ее, что во всем надо слушаться бога, а кто не слушается, того он накажет... И Люда уверенно ответила на второй вопрос: «Приходилось. Бабушка-соседка говорила, что бог есть, что без бога нельзя жить».

А как же она, Люда, относится к вере в бога? В школе о боге не проходили, а бабушка-соседка — добрая, хорошая и прожила долгую жизнь. Раз она так говорит, должно быть, знает... Но тут же Люда вспомнила, как на перемене однажды был спор и большинство ее одноклассников смеялись и прямо говорили, что никакого бога нет, что, если бы он был, космонавты бы его увидели. Люда потом спрашивала об этом бабушку, и она сказала, что космонавты не могли видеть бога, потому что он находится выше, чем они летают.

Напишешь, что бог есть, — в классе засмеют. Напишешь — нет, а вдруг он есть, что тогда? Лучше не буду отвечать на этот вопрос, решила Люда. Она вздохнула, помедлила и написала: «Знаю, да не скажу».

«Был бы бог — космонавты давно бы до него добрались».

«А ты что написала в анкете?»

Перечитала написанное и задумалась. Нет, так она не может ответить. Какой это ответ? Получается, вроде струсила. А она не трусиха. Да и ребята начнут приставать, допытываться: что знаешь, почему не скажешь?

Подумав, Люда зачеркнула последнюю фразу и сверху написала: «Знаю, что бог...» И снова остановилась. Разве может она утверждать, что бог есть? Вдруг бабушка ошибается? Все-таки, если бы бог был, в школе давно

«Смотрите: все получилось именно так, как вы сказали».

1) День рож. Новый год. 8 м. 23 фев.
2) ~~Знаю что бог~~ Мне кажется что бога есть.
3)
4) Приходилось разговаривать, они говорили что бог есть, что без бога нельзя жить.

Белоноговой Люды

бы об этом сказали. Нет, пожалуй, никакого бога. Так и напишу: «Мне кажется, что бога...» И снова девочка остановилась, не решаясь дописать последнее слово. Как не верить бабушке? Она старенькая, все, наверное, знает... «Напишу — есть, — окончательно решила Люда. — Спросят, откуда знаю, расскажу о бабушке». И она вместо «нет» поставила «есть».

Тут прозвенел звонок, стали собирать листки, и девочка с большим облегчением сдала свой учительнице. Так и осталось на бумаге: «Мне кажется, что бога есть».

История эта не выдумана. Вот он лежит передо мной, этот листок из тетради, на котором так отчетливо отразились метания детского сознания — сознания, еще не утвердившегося ни в вере в бога, ни в отрицании его.

Было это в 1972 году. Люда Белоногова училась тогда в третьем классе кызылской школы № 1. Листок с Людиными ответами показала мне ее учительница Инна Степановна Набатова.

С Людой я тогда не встретился: собирался встретиться и листочек ее хранил, да разные дела заставляли откладывать встречу. Так и откладывал «на потом», чувствуя себя в чем-то виноватым. Неспокойна была совесть, хотя мы с Инной Степановной все обговорили: что и как делать, чтобы помочь Люде освободиться от ее сомнений.

Прошло несколько лет, и я встретился все-таки с Людой Белоноговой, теперь уже ученицей девятого класса «Б» той же школы. Высокая, стройная, светловолосая девочка, очень общительная, с ясным, спокойным душевным настроем, тут же согласилась поговорить.

Кладу перед ней тот давний листочек, подогнув подпись так, чтобы она не могла ее прочитать.

— Ну-ка, посмотри. Узнаешь?

Не узнает. Объясняю, показываю подпись. Вспоминает и охотно рассказывает, как все было:

— У нас в семье никто не верил и не верит в бога, даже бабушка. Прабабушка верила, но и она потом отреклась. Когда я училась в третьем классе, родители мои работали и я оставалась дома одна. Рядом жила верующая старушка. Однажды я пришла домой из школы, а дома никого не было. Зашла к этой бабушке, она в то время молилась. Помолившись, накормила меня и начала рассказывать о боге. Я тогда мечтала о косах, и она, узнав об этом, сказала: «А вот одна девочка ходила в церковь, молилась, и у нее выросли длинные-длинные волосы». Пригласила меня еще заходить к ней. Как-то я с подружками шла мимо ее дома, и она зазвала нас к себе. Угостила и тоже рассказывала о боге, показывала, как надо молиться, и сама молилась. Говорила: «Будете в бога верить, он вам поможет, а не будете — накажет».

А я маленькая очень озорная была. Натворю что-нибудь — и, конечно, боюсь. Был такой случай: родители куда-то уходили и сказали, чтобы я дома была. А я тоже ушла. Возвращаться боялась и решила на всякий случай перекреститься и попросила бога, чтобы родители не наказывали. И надо же: они меня не наказали. Случайно, конечно, совпало. Потом чашку разбила, и тоже на всякий случай перекрестилась. И снова не наказали. Да они вообще-то меня редко наказывали. Все-таки я еще несколько раз так делала, и иногда совпадало: не наказывали. Я тогда не то чтобы верила, но думала: вдруг бог на самом деле есть? Как-то соседка повела меня в церковь. Там были девочки и мальчики поменьше меня. Старушки угощали нас конфетами. Потом я и одна

Каждое слово дети воспринимают не только умом, но и сердцем.

и с подружками заходила в церковь. Еще бабушка говорила, что в пост нельзя есть колбасу и другие мясные продукты, и я не ела. Мама замечала, спрашивала: «Почему не ешь?» Я говорила: «Не хочу». Никому о посещениях церкви и разговорах со старушками не говорила. Бабушка строго наказывала, что веру надо в душе таить и никому об этом не рассказывать. С девочками иногда обсуждали это, и некоторые говорили: «А может быть, бог есть».

После того как класс ответил на те вопросы о боге, Инна Степановна рассказывала о религии на уроках истории, на классном часе, но я плохо слушала и не воспринимала. Я и в четвертом классе еще думала о боге, и если трудно было — молилась. Перед контрольной, например. Получала хорошую оценку — и снова верила: помогло. Когда училась в пятом классе, мы переехали, и бабушку-соседку я теперь встречала редко. Она интересовалась, верю ли я в бога, и твердила: надо верить. В шестом классе я прочитала книгу «Родимое пятно» Тумановой. В ней рассказывалось, как одна старушка заставляла девочку молиться, и девочка молилась, а потом узнала, что сама старушка говорит одно, а делает все наоборот, и совсем не по вере. После этого у меня как-то сразу все прошло. Читала еще «Тени исчезают в полдень», «Хмель», «Строговы», «Мифы и легенды Древней Греции». А вообще-то больше люблю фантастическую литературу. Готовлюсь к вступлению в комсомол.

История Люды довольно типична. Дети младшего школьного возраста крайне впечатлительны, податливы к различным влияниям. В эти годы еще не сформировалось критическое отношение к словам и действиям взрослых, не сложились четкие реалистические, а тем более научные взгляды на явления окружающего мира. И ребенок, если на него воздействуют два прямо противоположных влияния, причем то и другое исходят от авторитетных, уважаемых людей (учитель, мать, бабушка), оказывается в трудном положении. Начинается внутренняя борьба, приносящая вред духовному здоровью, усложняющая процесс обучения и воспитания.

Им все интересно. Но каждый воспринимает слова учительницы по-разному.

Фото Владимира Савиных.

В такой ситуации крайне необходимо умное, умелое вмешательство взрослого человека, которое должно помочь ребенку правильно решить важные мировоззренческие вопросы. И если это не произойдет, то внутренняя борьба, продолжающаяся подчас годами, истощая нервы, может привести к серьезным заболеваниям.

О моральных издержках говорить не приходится — они очевидны. Вынужденный обман в семье или школе, бесконечные компромиссы не могут пройти для ребенка бесследно. Разумеется, не обязательно он вырастет лицемером, приспособленцем, лжецом, но и в самом лучшем случае, если даже ему удастся преодолеть религиозное влияние, тяжелый осадок в душе останется на всю жизнь: слишком много душевных сил, времени будет потрачено на эту борьбу.

Вот почему для учителя очень важно знать мировоззрение своих подопечных. Не зная, есть ли в классе верующие, колеблющиеся, сомневающиеся дети, кто из них испытывает постоянное религиозное влияние в семье, невозможно вести с учениками индивидуальную воспитательную работу. Сам школьник далеко не всегда осмелится обратиться к учителю с мучающими его сомнениями. Прямые, лобовые вопросы учителя, обращенные к классу: «Кто из вас верит в бога?», — также в большинстве случаев не вызывают откровенного ответа. Даже в раннем детском возрасте это — проблема уж слишком личного, интимного характера, да и верующие родители, бабушки учат детей не проявлять в школе свою религиозность.

В результате религиозность детей в школе, как правило, внешне почти не проявляется. И нередко у преподавателей создается представление, что религиозного влияния на их учащихся нет и специального атеистического воспитания вести не надо. Так, например, считали и в сарыгсепской школе № 1. А когда попробовали выяснить, кто же из детей живет в религиозных семьях, то таких набралось около 70. Исследование, проведенное только в одном из начальных классов этой школы, показало, что там есть дети, довольно глубоко затронутые влиянием религии. Из 24 учеников четвертого класса шестеро ответили, что участвуют в богослужениях. Один написал: «Верю». 10 — что в их семьях постоянно отмечаются праздники — пасха, троица, рождество и другие.

В 1976—1977 годах исследование было проведено в пяти школах города Кызыла. Отметим сразу, что подавляющее большинство учащихся, в том числе и испытывающие религиозное влияние, заявили, что не верят в бога. Многие дети не только высказывали отрицательное отношение к религии, но и пытались обосновать его аргументами.

Митя А., родственники которого принадлежат к общине евангельских христиан-баптистов, написал: «Бога нет, потому что его уже давно бы открыли». Лера М.: «Я внушаю бабе, что бога нет, что его придумали цари для угнетения крестьян». «Если бы я встретила верующих,— пишет Наташа К.,— я бы старалась доказывать, что бога нет». «Я считаю, что все это неправда, что это выдумано, чтобы запугать людей» (Вера С.). Такое отношение к религии закономерно для подавляющего большинства советских детей.

Около половины учащихся обследованных школ сообщили, что они испытывают религиозное влияние в различных формах, чаще всего — влияние бабушек: «Баба говорила, надо креститься и верить в бога»; «Бабушка говорила, надо молиться богу, и водила в церковь молиться»; «Мне приходилось посещать церковь, ходила смотреть с бабушкой». Гена М. написал, что не верит в бога, а потом подошел к классному руководителю и начал доказывать, что бог есть. При разговоре с его родителями выяснилось, что они неверующие и понятия не имеют, откуда у сына могут быть такие мысли. Оказалось, последний месяц, уходя на работу, они просили последить за Геной соседку. А она водила его в церковь. Иногда информацию о религии ребята получают от своих товарищей, у которых уже сложились определенные религиозные представления. «У меня была подружка,— пишет Нурия Д.,— однажды она меня спросила, что главнее всего. Я сказала: «Наверное, Родина», а она говорит: «Нет, не Родина, а бог». Нурия написала в анкете: «Я не верю в бога», но на вопрос: «Как ты себе представляешь бога?»— ответила: «Я представляю его так, что в небе есть за облаками голова с бородой. Это — бог».

Анкеты показали, что факт такого сосуществования в сознании ребенка и образного представления о боге, и отрицания его — не столь уж редкое явление. Вот как ответили на вопрос «Как ты представляешь себе бога?» школьники, написавшие, что они в бога не верят: «Я представляю себе бога. Он живет на небе, ходит по небу в длинных халатах»; «Я представляю себе, что это человек, который летает на небе»; «Это старичок с бородкой, и над головой у него как бы кольцо»; «Не верю в бога. О боге не знаю. А представляю его себе с бородой, среднего роста».

Это очень интересное и психологически сложное явление заслуживает изучения. Оно говорит о том, что у неверующих детей, как, впрочем, и у всех неверующих взрослых, имеется запас индивидуальных образных представлений о боге и других потусторонних персонажах, возникающий в результате восприятия икон и других атрибутов религиозного культа, рассказов верующих, знакомства с произведениями искусства. Но если у взрослого неверующего человека это осознанно фантастические представления, то у ребенка, с его непосредственным и эмоциональным восприятием, они могут при определенных условиях (систематическое влияние верующих, запугивание) привести к формированию религиозных представлений.

В детских ответах на вопросы раскрываются способы воздействия взрослых верующих на сознание ребенка. В основном это попытки запугать, устрашить или соблазнить помощью бога в учебе и вообще в жизни. Школьники приводят такие доводы взрослых: «Бог все видит, бог накажет»; «Бог поможет учиться»; «Не будешь верить в бога — будешь болеть, плохо учиться», «Бог счастье принесет».

Ответы учащихся показали, что многие семьи отмечают религиозные праздники, а сами дети по разным поводам посещали церковь или молитвенный дом. Некоторым детям, как это видно из их ответов, в церкви понравилось, хотя они пишут, что не верят в бога. Значит, в школе им не разъяснили вред и ложь церковных обрядов и атрибутов, и они эмоционально восприняли красивость всего этого, не соотнеся ее со своими атеистическими взглядами.

Несколько детей на вопрос, как относишься к вере в бога, ответили утвердительно. Такие ответы, конечно же, не означают, что у них полностью сложилось религиозное мировоззрение. Тем не менее это свидетельствует о сильном религиозном влиянии и о слабости атеистического воздействия школы. Четверо из этих ребят в беседе обнаружили запас религиозных представлений, возникших в результате влияния бабушек. Классные руководители этих учащихся начали систематическую работу с детьми на уроках, классных часах, проводили беседы с родителями. Спустя год после исследования мы встретились с этими детьми — все они имеют четкие атеистические позиции.

Труднее оказались случаи с двумя — Андреем Ч. и Наташей К. Знакомство с семьей Андрея показало, что мать его находится под сильным влиянием верующих деда и бабушки. В доме много икон, бабушка регулярно посещает церковь. Андрей мало читает, в работе школьных кружков не участвует и на вопрос классного руководителя ответил, что не хочет участвовать. Классными часами и пионерскими сборами не интересуется. Однако чувствовалось, что стойкой религиозности у мальчика еще не сложилось. Есть у него и нерелигиозные интересы — музыка, кино.

При знакомстве с условиями жизни Наташи выяснилось, что в доме устраиваются богослужения. Старшая сестра разучивает с Наташей молитвы. Наташа много читает, особенно любит книги о животных, участвует в работе математического и юннатского кружков. Наташа самокритична, любознательна. Все это дало возможность увлечь девочку интересными делами и с их помощью постепенно разрушить складывавшиеся у нее религиозные представления.

Наташа и Андрей учились в одном классе. Их классный руководитель Екатерина Семеновна Исакова усилила общую атеистическую направленность учебной и воспитательной работы. Это было нужно не только для Наташи и Андрея. В классе были и другие дети, на которых влияли верующие родственники. Многие из этих детей посещали расположенную неподалеку церковь.

Учительница провела громкую читку и обсуждение поэмы Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки» и других атеистических литературных произведений. Обсуждалась статья из «Пионерской правды» — «Зачем меня мама

крестила». Был организован общешкольный атеистический вечер. Екатерина Семеновна много раз тактично и в то же время настойчиво беседовала и с Наташей, и с Андреем, и с их родителями.

Прошло более года. Наташа и Андрей стали пятиклассниками. Наташа хорошо училась. Она — пионерка, звеньевая, активно отстаивает свои атеистические взгляды. Сложнее было с Андреем. Он тоже в беседах отвергал религию, но его еще видели иногда в церкви.

Научное мировоззрение, и тем более атеистическая убежденность, конечно же, вырабатываются у человека не сразу. Но материалистическое миропонимание должно формироваться уже в начальных классах. От пассивного, нейтрального отношения к религии невелик шаг к участию в религиозных обрядах — потом, когда человек станет взрослым.

Исследование религиозного влияния на детей помогло учителям активизировать атеистическое воспитание. После этого многие классные руководители, учителя признавались: «Я даже не предполагал, что есть религиозное влияние...»; «Прочитала ответы учащихся — и даже растерялась, не ожидая такого». Некоторые говорили, что до этого они недооценивали необходимость специальной атеистической работы в школе, считали, что сам учебный процесс сделает свое дело.

Исследование отношения школьников к религии показало, что в результате обучения в школе, а также влияния советского образа жизни у детей из религиозных семей обычно не формируются стойкие религиозные представления. О каком-то цельном религиозном мировоззрении в этом возрасте вообще говорить не приходится. Подавляющее большинство учащихся, испытывающих религиозное влияние и даже совершающих по требованию взрослых религиозные обряды, после нескольких лет учебы в школе перестают верить в бога. Усиление и улучшение общей и индивидуальной воспитательной работы с такими детьми навсегда отрывает их от религии, формирует у них стойкие атеистические представления.

г. Кызыл

Е. СЕРГИЕНКО

В атеистическом воспитании детей нельзя забывать о таком распространенном проявлении веры в сверхъестественное, как суеверие. Некоторые читатели могут возразить нам: дескать, религиозность и суеверие — разные вещи, сама церковь порицала суеверия, считала «веру в суе» противной богу. Однако ведь не просто порицала ее, а яростно боролась с «нечистой силой», наличие которой признавала.

Не станем удаляться от темы, вспоминать жестокие времена инквизиции, перейдем к современности. И тут мы увидим, что средневековая колдунья, твердо верившая в своего «опекуна» дьявола, и нынешние суеверные люди, по существу, имеют общую основу своей веры — поклоняются сверхъестественной силе.

Потому что если веришь в неудачи тринадцатого числа, в неприятности, предначертанные черной кошкой, значит, веришь в нечистую силу. Ну а если веришь в черта, то само собой признаешь и бога. Суеверие и есть облегченный вид религиозности. Что же, как не вера в некую могущественную мистическую силу, заставляет чертыхаться нашего суеверного читателя, встретившего на своем пути женщину с пустыми ведрами? А религиозный человек в этом случае осенит себя крестом и промолвит шепотком: «Пронеси, господи!»

Однажды у нас в редакции состоялся такой разговор. Приходит к нам под вечер мужчина интеллигентного вида, здоровается и спрашивает:

— Будьте любезны, у кого из ваших сотрудников я мог бы проконсультироваться по... суевериям, — и смущенно признается: — Видите ли, я очень суеверен и хотел бы выяснить отдельные моменты, узнать ваше мнение по некоторым деталям...

Мы, двое или трое сотрудников редакции, охотно начали беседу.

— То, что к нам обратился с подобным вопросом человек, имеющий высшее образование, нас не удивило, — сказали мы ему. — Немало писем мы получаем от читателей, просящих разъяснить тот или иной, по их мнению, сверхъестественный случай.

— Да нет же, вы не поняли меня, — запротестовал гость, выслушав наши ответы. — Я не верю ни в бога, ни в черта, просто я верю во всякие приметы, они мешают мне жить. Нужно же както с этим бороться, должно же существовать какое-то противоядие?

— Разумеется! — бодро откликнулись мы. — Поймите, наконец, что все это вздор, и вы избавитесь от постоянных страхов, сидящих занозой в вашей душе. Суеверие можно рассматривать как определенное свойство вашей психики, изменить которое может лишь сам обладатель. Сколько бы вас ни убеждали, вам это не поможет, если вы сами того не захотите.

— Опять вы меня не поняли, — сказал с досадой гость. — Я не о самовнушении говорю, а о мерах, которые следует принимать, чтобы неприятность, предсказанная дурной приметой, не приключилась вовсе. Вот перебежала

мне дорогу черная кошка, а я сразу сделал какой-то жест или шепнул какие-то слова — и все улажено, никакой беды уже случиться не может...

И он развил свою мысль шире. В детстве в их дом приходила бабка, о которой соседи говорили, что у нее дурной глаз и она может сглазить кого угодно. Ей старались не показывать детей, а уж если произошла такая оплошность и «глазливая» старуха успела глянуть на мальчика или девочку и, не дай бог, похвалила, то бабушка тут же после ее ухода умывала детей с мочалкой и мылом. Таким срочным гигиеническим средством с личика ребенка удалялся «сглаз», и ничего плохого с ребенком не происходило.

На некоторое время мы онемели — не знали, что же возразить посетителю, сотруднику какого-то научно-исследовательского института. А он продолжал жаловаться:

— Если забуду что-нибудь дома и вернусь, то хоть не ходи по делам, — все равно пути не будет. Как отвратить это?

— Произнесите три раза «чур меня, нечистая сила», сплюньте через плечо, — пошутил кто-то из нас. — Или перекреститесь.

— Но я же говорю, что не верю в бога! — рассердился гость. — Я неверующий, повторяю вам! — он встал и начал одеваться, глядя на нас с пренебрежительным разочарованием. — Не знаете, зачем же беретесь объяснять. Но ведь есть же кто-то из ученых? Какой-нибудь ваш автор, который занимается вплотную этим вопросом? Дайте, пожалуйста, адрес, я обращусь...

Стоит ли удивляться в таком случае детским письмам, в которых ученики, стесняясь, вероятно, спросить учителя, обращаются в наш журнал.

«Дорогая редакция! Ответьте на мой вопрос,— просит нас шестиклассник Ринат Д.— Мне рассказывала мама, что есть домовой, что он приходит к людям в дом, чтобы предсказать им несчастье или чью-нибудь смерть. Например, мой друг Костя говорил, что к ним пришел домовой и сказал, что с его старшим братом случится беда. И правда, через два дня брат сверлил дырки для гардин, его ударило током, он упал и получил сотрясение мозга. И еще говорят, что цыганки гадают всю правду. У моего друга отец умер в тот день, какой нагадала цыганка. Ответьте, как это они умеют гадать на картах и по руке? Номер журнала с ответами я, наверное, не достану. Пожалуйста, пришлите мне письмо».

Дорогой Ринат! Письмо наше ты получил уже давно, а сейчас мы пишем и для тех твоих сверстников, которые будут читать этот номер журнала. Начнем со второго твоего вопроса.

Хиромантия — гадание по линиям и бугоркам ладони — известна с глубокой древности и относится к оккультным, то есть лженаукам. Узнать по линиям и бугоркам судьбу невозможно, как, впрочем, и любым другим способом. Но гадальщицы обычно наблюдательны: по выражению лица человека, по отдельным его словам угадывают, что его беспокоит, какая забота гнетет. Советуем прочитать статью учителя Ф. Алоярова «Секреты гадания», которая напечатана в № 12 нашего журнала за 1978 год. Спроси этот номер в школьной библиотеке.

А о домовом, древнем персонаже русских народных сказок, написано во всех тех статьях и книгах, где говорится о происхождении религии древних славян. Домовой у них считался добрым духом. Люди верили, что души умерших предков принимают участие в жизни живых, помогают им или наказывают их. Из числа домашних духов самым влиятельным стал домашний бог-предок, дедушка-домовой. Он считался хозяином дома, его покровителем, жил под печкой, и если владельцы дома его не обижали, то он платил им добром, заботился о них. Вот такая существовала сказка про домового, которого, как ты понимаешь, на самом деле никогда не было и нет. О верованиях древних славян хорошо написано в книге С. Ф. Алмазова и П. Я. Питерского «Праздники православной церкви». Эта книга тоже должна быть в школьной библиотеке.

Всем ребятам, кого интересуют или волнуют суеверия, мы советуем попросить учителя рассказать о них. Можно организовать школьный тематический вечер на эту тему.

Советы провести вечер, прочитать тот или иной номер нашего журнала или книгу мы даем в каждом ответе на такое письмо, как приведенное выше. Но что сказать о более тяжелом случае, когда суеверие выливается в трагедию?

«...Меня мучает одно обстоятельство, — пишет нам Таня П. из Мордовии. — Дело в том, что, когда меня еще не было, мама моей мамы видела страшный сон. Будто бы моя мама сидит на койке в больнице, а возле мамы бегает мой старший брат Илюша. И вот будто бы приходит чужая женщина и хочет поймать брата, но не поймала и сказала маме: «Когда родится девочка, я возьму ее себе». Об этом сне я узнала год назад, мне было 13 лет, и с того дня я потеряла покой, все думаю об ожидающей меня смерти. Теперь мама часто видит во сне, что я или умираю, или меня кто-нибудь крадет. Услышав утром про такой сон, я, как приговоренная, иду в школу, сижу на уроках, не слыша учителя. Я стала рассеянная, часто задумываюсь. Прошу вас, дайте мне поскорее ответ, могут ли осуществляться сны? В частности, вещие сны о смерти? Мы не получаем журнал «Наука и религия». Если можно, напишите мне письмо, я буду ждать и надеяться».

В № 2 нашего журнала, в статье «Наши читатели — о суевериях», приведено письмо читательницы, которая перенесла психическое заболевание вследствие того, что постоянно боялась увидеть во сне страшный вещий сон, обязанный исполниться. Эта пострадавшая от суеверия женщина обращалась ко всем матерям, прося их не рассказывать и не толковать сновидений в присутствии детей. И вот как доказательство необходимости такой настоятельной просьбы пришло в редакцию письмо от Тани.

Внушение — сильнейшее средство действия на психику, тем более на психику ребенка. Душевное состояние человека во многом зависит от физического и, наоборот, здоровье зависит от психики — от душевного настроя и покоя. Даже обычные насморк

или простуда скорее одолеют человека с угнетенной психикой. Девочка Таня живет в постоянном страхе, внушаемом ей матерью, которая, по-видимому, развила в себе своим суеверием, выражаясь медицинским языком, невроз навязчивого страха. Она боится потерять Таню. Из-за этого ей снятся страшные сны. Мы посоветовали бы маме весьма действенное средство. Ей надо понять и твердо сказать себе: тот бабушкин сон — вздорный и абсолютно ничего не предсказывает. И уж никогда не рассказывать свои дурные сновидения Тане.

Дорогая Танечка! Не верь, пожалуйста, в вещие сны — их не бывает. Сновидение отражает в фантастических образах и картинах волнения и чувства, которые занимают мысли человека. О чем он думает, то ему и снится. Твоя бабушка, когда маму уже отправили в больницу, очень волновалась и все думала, благополучно ли появится ребенок на свет и кто это будет — внук или внучка? Мальчик, Илюша, уже есть. Бабушке хотелось, конечно, девочку. Но вдруг новорожденная не выживет? Вот это бабушкино беспокойство и отразилось в кошмарных образах сновидения. Прошло 13 лет, и бабушка почему-то вспомнила тот дурной сон, рассказала его твоей маме. Возможно, сон на самом деле был не совсем таким, как теперь его рисует бабушкино воображение.

На наше письмо Таня ответила так:

«...Ваше письмо немного меня успокоило, но не совсем. Я стараюсь быть веселой, но мне кажется, что думы о том сне засели во мне навсегда. Стараюсь быть веселой и мечтаю, знаете о чем? Я хотела бы окончить медицинский институт и найти такое лекарство, которое помогло бы всем людям видеть вместо плохих снов интересные, веселые сказки. Человек просыпался бы в хорошем настроении и не мучился бы, ожидая несчастья...»

Пожелаем Тане, чтобы ее мечты исполнились!

А теперь еще один пример — ординарного школьного суеверия. Кто из нас, державших школьный экзамен, не пережил острого сожаления: эх, знать бы, какой номер билета попадется, тот номер и вызубрил бы.

«Дорогая редакция! Мы недавно познакомились с вашим журналом, и у нас возник важный вопрос, — обращаются к нам Катя и Оля из Астрахани. — Одна из нас (Оля) должна была сдавать геометрию и очень хотела узнать номер билета, который вытащит. Она попросила бога, хотя не очень в него верит, чтобы он предсказал ей. Сделала так: написала все номера на листочках, положила в шапку и вытаскивала. И три раза ей попался № 23. Она приготовилась на всякий случай по всем билетам, но на экзамене ей попался как раз № 23, и она получила 5. Другая же из нас (Катя) проделала то же самое. Ей в шапке попался билет № 13, но она не поверила и не заострила на нем внимание, а на экзамене еле-еле натянули ей тройку... Объясните, почему?»

Объясняем! Думаем, что Катя, «не заострившая» внимания на билете № 13, не заостряла его и на других билетах. Ну а пример с Олей ясен. Она не доверилась «предсказанию» сверхъестественной силы, а надеялась лишь на собственные знания и оказалась в лучшем положении, чем ее подруга. А то, что девочкам попались как раз те билеты, которых они ожидали, — конечно же, чисто случайное совпадение.

Мы познакомили вас всего с несколькими письмами наших юных корреспондентов, выбрав из редакционной почты те, что касаются суеверий. Не все детские письма таковы, есть веселые, с рассказами об опыте юных атеистов, с вопросами по науке. Но мы захотели здесь обратить внимание наших взрослых читателей, пропагандистов атеизма, учителей, родителей на опасность распространения суеверий в детских умах. Наша обязанность добиваться, чтобы ребята не были угнетены суеверием, чтобы они с раннего возраста получали ясное представление об окружающем мире и его причинно-следственных связях. Долг взрослых во всех своих поступках и суждениях постоянно помнить о легко ранимой, впечатлительной детской душе.

ПОГОВОРИМ О РАДУГЕ

Несколько лет назад в наш детский сад ходил мальчик. Звали его Валера. Жил он с верующей бабушкой. У всех детей любимыми героями были пограничники, космонавты, дядя Степа, Чук и Гек, различные зверята и персонажи из народных сказок, а у Валеры — те, о которых говорила ему бабушка.

Но постепенно его начали одолевать сомнения: ведь вместе с другими детьми Валера слушал рассказы воспитателей о прочитанных книгах, ходил на экскурсии в лес, наблюдал за погодой, смотрел диафильмы. Наконец мальчик стал искать объяснение всему у воспитателя.

В этой же группе были еще двое детей из другой верующей семьи — Люба и Саша. Младший, Саша, рос подвижным, живо воспринимал все сказанное воспитателями. А на старшей, Любе, сказывалась атмосфера в семье. Как-то, когда мы любовались радугой после грозы, Люба поинтересовалась, правда ли, что «радуга — божье предзнаменование». Воспитательница повела их в сад, взяла шланг, которым поливают цветы, и попросила детей стать спиной к солнцу. Так они увидели радугу. Как видим, от нас, воспитателей, многое зависит, какими будут взгляды, убеждения подрастающего поколения.

Т. УСТИНОВА,
заведующая детским садом-яслями «Ласточка»
г. Великие Луки
Псковской области

МОЕЙ ПОДРУГЕ

Дорогая редакция! С вашим журналом «Наука и религия» я познакомилась недавно, но он уже помог мне и продолжает помогать. Раньше я была очень суеверная, боялась всяких плохих примет, чувствовала себя глубоко несчастной, если, бывало, дорогу перебегала черная кошка. Но читая статьи о вреде суеверий в вашем журнале, я освободилась от суеверных предрассудков и разъясняю их вред другим, а прежде всего моей близкой подруге Майе. Ее родители — крайне суеверные люди и в таком же духе воспитали дочь. Она верит «вещим» снам, гаданию на картах и на кофейной гуще. Представляете, почти каждый вечер вся семья усаживается гадать на кофе. Для этого мать или бабушка заваривают его специальным образом.

Мои доказательства мало действуют на Майю. Возможно, потому что я ее подруга и ровесница и она не принимает меня всерьез? Напишите, пожалуйста, в своем журнале, что она не уйдет далеко в своем развитии, если не перестанет верить в подобную чушь. Я ведь ей друг и хочу, чтобы она избавилась от веры в то, чего не бывает. Черная кошка не может повлиять на судьбу человека, а вот постоянный страх перед черной кошкой отражается на характере и может испортить человеку жизнь.

С комсомольским приветом ГАЛЯ Л.

г. Гурьев

УЖЕ пять лет я преподаю основы научного атеизма в Мещерском медицинском училище, но всякий раз с большим интересом просматриваю кипу тетрадей с контрольными работами. Тема «Мое отношение к религии» не только отвечает на этот вопрос, но и открывает стремление учащихся глубже понять его, разобраться в этих мучительных порой поисках истины. Вот что я хотел бы рассказать.

Саша Б. Преподавателям и его товарищам в голову даже не приходило, что он из семьи верующих. Лишь на втором году его учебы у нас одна из представительниц, приезжавшая проверять нашу работу, прочитав в списке комсомольцев Сашину фамилию, с удивлением спросила: «Как же вам удалось вовлечь его в комсомол? Ведь его родители активные баптисты?»

В прошлом году мне довелось быть с Сашей в трудовом отряде, жили мы в одной комнате. И вот в задушевной беседе он рассказал, что вырос в семье глубоко религиозных людей. А затем задал мне вопрос: «Почему наша эра начинается с рождества Христова?»

«Возможно, — подумалось мне, — мой ответ необходим ему как аргумент в беседах с родителями?» Я подробно поведал о том, что дату рождения Христа произвольно установил римский монах Дионисий Малый, потому что это было нужно христианской церкви.

Саша выслушал меня с интересом и, кажется, остался доволен. Но ведь не этот же наш разговор все-таки побудил его вступить в комсомольскую организацию? Должно быть, сама молодежная среда привлекла его, и не в последнюю очередь тем, что не оскорбила его любви к самым близким людям. Признаюсь откровенно: собственной заслуги как педагога я в этом не нахожу.

В нескольких письменных работах учащиеся рассказывают о том, как дети из семей верующих порывают с верой. А одна из учениц — Света заявила, что в бога не верит, однако считает, «что-то» такое есть. Спрашиваю: «Откуда у тебя эта вера во «что-то»? Ты сама что-нибудь видела?» «Нет! — говорит. — Но вы приезжайте в наш город и поговорите с нашими старушками. Они вам докажут».

Наша беседа со Светой происходит в присутствии ее одноклассниц. Я спрашиваю: «Твоя бабушка, к которой ходят эти старушки, жила в молодости в городе или в деревне?» «В деревне», — отвечает. «А ты знаешь, как жили раньше крестьяне?..» Рассказываю девушкам о семейном укладе и условиях, которые еще сохранялись в деревне в первые годы Советской власти. А сам будто вижу тусклый свет керосиновой лампы, слышу поветы бабушки о колдунах, леших, домовых, русалках, передававшиеся в былые времена из уст в уста на протяжении столетий. Завывание вьюги за окном, гудение ветра в печной трубе, шум поспевающего самовара, вой собаки во дворе — все эти «предрекающие голоса» порождали у темных людей веру в существование нечистой силы, от которой спасет лишь бог, как и от всего тяжкого и дурного...

Может, я говорил известные моим ученицам вещи, но лишний раз пришлось им задуматься, оглядеться, сравнить с тем прошлым свою сегодняшнюю жизнь. «Что ты, Света, так боишься бабушкиных сказок? — спрашивали ее подруги. — Сколько классов закончила твоя бабушка?» «Один», — отвечает Света и сама смущается, подумав, вероятно впервые, что стыдно ей, образованной, верить в нечистую силу...

Юля — бойкая, жизнерадостная. Существование сверхъестественных сил ее не волнует. Есть они или их нет — ей безразлично. Но все же спрашивает: «А как вы объясните, что мама, перед тем как ей выйти замуж за моего папу, не могла уснуть и всю ночь слышала какие-то шорохи в доме, а наутро увидела, что полотенце, которое с вечера вешали на икону, лежало расстеленным у порога?» «Думаю, твой папа понравился твоей бабушке, маминой маме, и она хотела, чтобы он стал ее зятем. Ради этого она и расстелила полотенце». Девушкам понравился мой ответ.

Был у нас в училище и такой случай. Одна студентка пришла сдавать госэкзамен, вооружившись черным пояском, на котором была отпечатана молитва. Преподаватели, заметив талисман, уговорили девушку расстаться с ним. И убедилась она, что выдержать экзамен ей помогли собственные знания.

Годы кропотливого преподавательского труда!.. Но вот и вдохновляющее поощрение: «До того как у нас еще не было такого предмета, как основы атеизма, я, возможно, и верила в какие-то сверхъестественные силы, но, когда мы закончили этот предмет, я полностью убедилась, что ничего этого нет и быть не может» (Света Г.). А вот еще: «Уроки основ научного атеизма не прошли для меня даром. У меня не осталось сомнений в том, что бога нет» (Люба У.).

Однако эти признания говорят не только о том, что уроки научного атеизма приносят свои плоды, но и о том, что в некоторых школах, откуда выпускники поступают в наше училище, атеистическим воспитанием занимались мало, а может быть, не занимались совсем. Потому и верила восьмиклассница Света страшным сказкам своей малограмотной бабушки.

В. СИМБИРЦЕВ,
преподаватель общественных дисциплин

с. Мещерское
Чеховского района Московской области

Рисунки Р. Авотина.

Я ДАВНО уже работаю в городе, но в родной аул приезжаю каждое лето. Став взрослым, особенно тянешься к местам, которые с детства дороги сердцу. Время словно поворачивает вспять, возвращая тебя в школьные годы. Каждая лощинка, каждый кустик о чем-то напоминают. В последний свой приезд я отправился с друзьями детства прогуляться по холмам, где мы мальчишками по весне собирали цветы.

Ораз КУВАНЖАЛИЕВ

Дом с привидениями

— А дом с привидениями помните? — сказал кто-то. Мы переглянулись и дружно расхохотались. Еще бы не помнить!

Нам было тогда лет по десять-одиннадцать. Как-то отправились мы по дрова — я и лучшие мои друзья Аллакули, Эсен и Аманкули. Мы бодро трусили на ишаках, покорно подставивших нам свои бока. На обратном пути остановились у колхозного сада и вдоволь полакомились гранатами, не мучаясь укорами совести. Уже стемнело, когда мы отправились домой. Впереди ехал Аманкули. Настроение у него было отличное, он даже песню затянул. На пути у нас стоял одинокий полуразвалившийся домик. Об этом домике в ауле разные слухи ходили. Говорили, что в нем поселились привидения, всю ночь горит свет и видно, как «дочь привидения» волосы расчесывает...

Когда мы приблизились к домику, Аманкули перестал петь — видно, припомнил эти рассказы — и остановился.

— Я первый не поеду, — сказал он дрогнувшим голосом.

Мы решили, что первым должен быть Эсен.

— Почему это? — возмутился он.

— У тебя есть перочинный ножик, — ответил Аллакули.

— Ну и что?

— Как только привидение покажется, ты вынешь нож, оно испугается и удерет.

С трудом уговорили мы Эсена. Вынув из кармана маленький ножичек, к тому же поломанный, он двинулся вперед.

Не дыша, мы поровнялись с домиком, стараясь не смотреть в его сторону. И вдруг Аманкули закричал:

— Ой, там огонь!

В самом деле, в окнах одинокого домика был виден свет... А вот и чей-то смех послышался. Ох, и неслись мы домой!

Назавтра о нашем приключении узнал весь аул.

На южной окраине аула жил мулла. Был он нелюдимый и хмурый, ходил всегда в мрачной, серой одежде. Он ненавидел нас, школьников, ведь мы открыто смеялись над его рассказами о чудесах. Однажды мулла собрал стариков и принялся рассказывать о том, как в старом кумгане, доставшемся ему от предков, вода закипела без огня, ибо на то была воля Аллаха. Мы как раз шли мимо, остановились послушать. И вдруг кто-то из нас громко сказал:

— Подумаешь, чудо! Мы и без Аллаха можем заставить воду закипеть без огня!

Мулла зло сверкнул глазами.

— Покайся скорее, несмышленыш, — причитали старики. Но спорщик побежал в школу, взял у учителя химии кусочек карбида и бросил его в кумган, вода сразу же закипела.

С тех пор и затаил мулла злобу на нас, все думал, как бы этих школьников проучить. А тут история с привидениями.

Как тут быть? Собрали мы на совет школьную атеистическую группу и решили выяснить: что за огонь такой горит в доме, чей смех там слышится? Всем вместе не страшно — и мы пришли к домику как раз в полночь. Вокруг ни души, темно и тихо. Вошли, включив ручной фонарик. И вдруг из темноты блеснули два страшных глаза. Ночную тишину разорвали крики. Они были слышны далеко окрест. Да это сова здесь прижилась! Она-то и смеялась вслед трусишкам. Но где же свет, который был виден в окнах? Мы ничего не понимали. Вышли из домика и уселись на траву. И Эсен вдруг закричал:

— Вижу!

Все повернулись к нему.

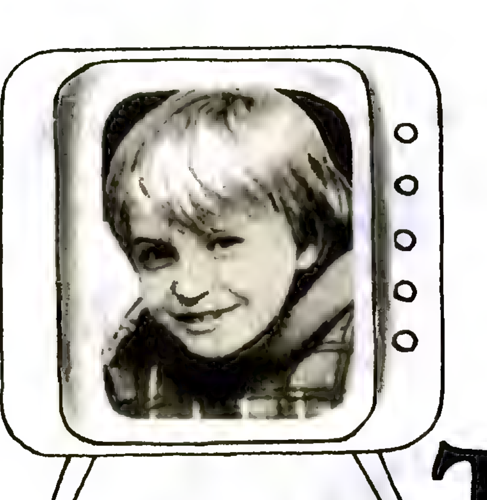
И в самом деле — в доме, в котором еще минуту назад царила тьма, горел свет! Мы снова бросились туда — и все поняли. Через двери и окна полуразрушенного домика виднелись далекие огни поселка. Если встать прямо напротив домика, то кажется, что огонь горит именно в нем.

Прошли годы. До сих пор все мы с улыбкой вспоминаем об этом приключении.

...А мулла после того случая ушел из аула.

Перевела с туркменского Л. ПОЛОВИНКИНА

г. Красноводск
Туркменской ССР

В. ЛИМАНОВСКАЯ

ЕСЛИ Б ЭТО ВИДЕЛ ТОМ СОЙЕР

КТО ИЗ ЧИТАВШИХ «Приключения Тома Сойера» не помнит описания воскресной школы? Как, набив себе головы изречениями из Библии, маленькие сорванцы отправлялись каждое воскресное утро в церковь отвечать урок. За вызубренные с грехом пополам два библейских стиха ученик получал в награду синий билетик. Дальше начинался торг: десять синих билетиков равнялись одному красному и могли быть обменены на него; десять красных равнялись одному желтому, а за десять желтых, то есть за вызубренные — страшное дело! — две тысячи священных стихов, полагалась премия — Библия. Один мальчуган, пишет Марк Твен, умудрился отбарабанить и того больше — три тысячи стихов, но с этого дня он сделался идиотом...

Сейчас подобная опасность, ка-

Дети

— Какой фантазер мой Саша, — рассказывает старушка о своем внуке. — Увидел на лесной полянке колокольчик и говорит: «Он одинокий, уставший и поэтому качается».

Мальчик не выдумал одинокий и уставший колокольчик, а увидел его. Дети не думают о том, что скажут о них или подумают окружающие, поэтому их слова, мысли и чувства так свежи и непосредственны.

— Ух, как золопотал дождик! — радостно воскликнула пятилетняя Наташа, гуляя в весеннем лесу.

— Дождик плачет, — с грустью сказала та же девочка осенью.

⊙

— Пойдем играть в песок, — обращается пятилетний Володя к своей бабушке. Она отвечает, что песочница в тени, а поляна, где они сейчас гуляют, на солнце.

— А мы и солнце с собой уведем, — предлагает Володя.

⊙

Алеше пять лет. Он принес из леса цветок ромашки, на стебле которой несколько еще не распустившихся бутонов. Ставит цветы в банку с водой, приговаривает:

— В лесу ромашку и ее ромашат поила тучка, дома их буду поить я.

⊙

Восторженно объявляет бабушке:

— Я знаю, почему бывает гром! Облака бегают по небу в ботинках с огромными каблуками. Вот они и громыхают!

Удивленно смотрит, как у кипящего чайника приподнялась крышка, и решает:

— Чайник вздохнул.

жется, устранена. Американские дети могут не посещать воскресные школы: те сами приходят к ним на дом по телевизору. Еженедельник «ТВ» («Телевижн» — «Телевидение») рассказывает об «упрощенной и безболезненной»(!) воскресной школе, которую завел на телевидении комический актер Маршалл Эфрон, исполняющий по воскресеньям буффонаду на религиозные темы. Вот он в роли пророка Ионы, облаченный в библейские одеяния, сидит в ванне и сбивалкой для яиц взбивает пену («Господь воздвиг на море крепкий ветер...»). С потолка спускается кит с громадным заводным ключом («И повелел господь большому киту поглотить Иону»).

А вот номер «Сотворение мира». Здесь Эфрон играет самого господа бога. Стоя в ванне с водой, он вытаскивает из нее пробку, и «воды земные» испаряются. Образуется суша. Над ванной натянута голубая тряпка с прикрепленными к ней там и сям формочками для печенья, бумажными солнцем и луной — это «Вселенная». Эфрон макает малярную кисть в зеленую краску и малюет на куче глины «растительность». Тут же чучела зверей и рыб.

Наконец, «Есфирь». Эфрон в пышном женском наряде и рыжем парике, с усами и в очках играет библейскую Есфирь, которая, по его версии, получает первую премию на конкурсе женской красоты из рук персидского царя Артаксеркса. В этом номере артист выступает в пяти обличьях. В следующем номере он — уже полупомешанный фараон, воздвигающий для приманки туристов пирамиды и сфинксов. Все это сооружение именуется «Фараонленд» по аналогии с известным американским парком аттракционов «Диснейленд»... Комик хорошо понимает: библейские «чудеса» давно уже вызывают улыбку у верующих и неверующих. И он решил извлечь для себя пользу из этого кладезя небылиц с помощью грубого фарса. Однако в «ТВ» говорится, что, несмотря на клоунаду, Эфрон «сохраняет почтительность к Библии» и многие воскресные школы США включают его передачи в свои уроки, дабы их ученики могли посмотреть эту «религиозную» программу, а затем «участвовать в дискуссии на библейские темы».

Что ж, эта попытка оживить угасающий интерес к религии во всяком случае веселее тех проповедей, которыми пичкали в воскресной школе Тома Сойера.

учатся думать

Шестилетний Сережа размышляет в обществе котенка Мурзика:

— Телевизор работает на электричестве, радио — тоже на электричестве, лампочка — тоже на электричестве... — задумался. — А ты, Мурзик, на чем работаешь?

Он же объясняет своим сверстникам, отчего бывает дождь:

— Тучка на тучку нажимает, той становится обидно, и она плачет.

⊙

Костя пяти лет увидел из окна поезда заводскую трубу, из которой валит дым, и говорит:

— Здесь делают тучки!

Вечером, засмотревшись в южное небо, задумчиво произносит:

— Звезды вышли погулять... Звезды светят для того, чтобы люди не потерялись ночью.

⊙

— А где Володя? — спрашивает взрослых о своем друге трехлетний Миша.

Ему объясняют, что Володя на даче и приедет не скоро — когда с деревьев опадут листочки. К тому времени он, Миша, успеет немного подрасти.

— А я уже один раз был большой, — говорит он.

— Когда же?

— Когда Володя был маленький.

⊙

На новогоднем празднике в детском саду дед Мороз просит отгадать загадку:

— Косоглазый, маленький, в белой шубке, в валенках. Кто такой?

Имеется в виду заяц, но большинство определений подходит к тому, кто эту загадку загадал, и малыши кричат хором:

— Дед Мороз!

Записала **Л. АРТАМОНОВА**

Фото В. Опалина, фотохроники ТАСС, АПН.

Птица в доме

Рассказ

Маргарет ЛОРЕНС

Этой зимой мать снова стала работать медицинской сестрой, помогая отцу, который имел в городе практику. Раньше она не могла этого делать потому, что у нас не было домработницы. А теперь в доме появилась Норин.

— Бабушка Маклеод говорит, что у нас будет няня. Это же неправда? — с угрозой в голосе подступила я к отцу однажды утром. Было это в августе.

— Какая там еще няня! Если бы ты только знала, что за гроши мы будем ей платить! Для нее скорее подойдет название прислуга.

— Ну, Ювэн, — вмешалась в разговор мать, — мы же не обираем ее. Просто эта девушка мечтает переехать в город, а мы берем ее к себе, вот и все. Я ее прекрасно понимаю: жить все время на ферме, в глуши, и к тому же отец не позволяет ей никуда отлучаться. Что это за жизнь для молоденькой девушки!

— Надеюсь, что наша новая прислуга не выскочит здесь замуж в первый же месяц и на какое-то время избавит тебя от домашних дел, — заключил разговор отец.

Когда он вышел, я слезла наконец со стула и приблизилась к матери.

— Не хочу, чтобы ты опять шла работать. Не хочу, чтоб у нас была эта дурацкая прислуга, слышишь? Я ее ненавижу.

— Вот увидишь, мы все равно с этой Норин не поладим, — говорю я.

Что до опасений отца, как бы наша Норин не выскочила сразу замуж, то они оказались напрасными: ее интересовали, как выяснилось, отнюдь не молодые люди, а исключительно господь бог. Первое вполне устраивало мою мать, но зато второе — явно беспокоило.

— Это же противоестественно, — говорила она, — чтобы 17-летняя девушка отдавала предпочтение богу. Как ты считаешь, Ювэн, у нее с головой все в порядке?

Надо сказать, что особым религиозным рвением наша семья не отличалась. Когда по воскресеньям родители вместе с бабушкой Маклеод отправлялись в свою «Юнайтед чёрч» [1], меня оставляли в воскресной школе, помещавшейся там же, в подвале. Помню, что сидели мы на маленьких красных стульчиках, а вокруг были развешаны картинки с изображениями Иисуса, облаченного в какую-то белую простыню и окруженного множеством нарядно одетых детишек, чьи матери, совершенно очевидно, не могли допустить, чтобы их дорогие чада предстали перед его ликом неумытыми и нечесаными.

Кроме еженедельных походов в церковь, в нашей семье еще была принята молитва перед едой, во время которой отец невнятно бормотал: «Заточтогосподьдаетнамбудемемублагодарны — аминь» (он произносил все это вместе как одно длинное слово). Мать одобряла эту умеренную религиозность, считая ее хорошим тоном. Но набожность Норин не шла с нашей ни в какое сравнение. Она принадлежала к протестантской секте «Поднявшихся и возрожденных», и, по словам Норин, за последние два года ее не менее семи раз озаряло божественное откровение, о чем она во всеуслышание объявляла на молитвенных собраниях. Моя мать, которая не могла себе представить, чтобы кто-нибудь мог добровольно согласиться на публичные спектакли подобного рода, была прямо-таки шокирована этим известием.

— Не волнуйся, — утешал ее отец, — с ней все в порядке. Просто уж такая у нее скучная жизнь была на ферме, вот она и ударилась в религию.

Мать в ответ только пожимала плечами, но тревожиться все равно не переставала. Исподволь, тактичными замечаниями, чтобы не обидеть Норин, она всячески старалась помочь ей: советовала, скажем, распевать свои гимны чуточку потише или давала понять, что в нашем доме полным-полно горячей воды и ей не надо особенно долго раздумывать, принимать лишний раз ванну или нет. Все эти советы не возымели на Норин никакого действия. Она и не подумала перестать петь свои гимны во всю глотку и по-прежнему принимала ванну не чаще одного раза в две недели.

Бабушка Маклеод вообще отказывалась разговаривать с Норин, которую это сперва несказанно удивляло, пока она наконец, как ей казалось, не поняла, в чем дело.

— Ваша бедная бабушка, — поведала мне Норин со вздохом, — глухая, как тетеря. Тут уж ничего не поделаешь, Ванесса, ведь господь бог насылает на нас невзгоды, чтобы испытать нас еще тут, в этой жизни. Но стоит вашей бабушке попасть в рай, как она вновь станет слышать, клянусь тебе.

О рае мы с Норин говорили довольно часто и еще об аде. Похоже, что и о том и о другом она располагала самыми достоверными и доскональными сведениями. Норин, например, не только знала, как они выглядят, но и какую занимают площадь. Рай — семьдесят квадратных миль, там четверо ворот, отделанных драгоценными камнями — Жемчужные, Топазовые, Рубиновые и Аметистовые. Что же касается ада, то по площади он превосходил рай чуть ли не вдвое. Меня это озадачивало, потому что, как мне казалось, для бога в таком неравенстве было что-то унизительное, но Норин спокойно возражала, что так оно и должно быть, потому что народу в аду куда больше, чем в раю. Ад, говорила она, уходит на глубину на сто девяносто миллионов миль, и там постоянно темно, как на дне морском или в пещере. Даже пламя и то не дает там никакого света.

Честно говоря, я не верила рассказам Норин, но образы, которые они вызывали, стали все чаще и чаще возникать в моем воображении. И хотя сведения, которыми была напичкана голова нашей няни, касались не только религии, они каким-то непонятным путем были с ней связаны. Норин, к примеру, обладала способностью представлять самые, казалось бы, простые вещи в мистическом свете. Помню, как однажды она собралась испечь пирог и обнаружила, что в доме нет яиц. Тогда она вышла во двор, набрала полную миску только что выпавшего снега и заявила, что с ним пирог взойдет даже лучше. И, о чудо, пирог действительно взошел, да еще как! Нечего и говорить, что в тот раз я глазела на няню, как на колдунью. И не только в тот раз: вскоре я стала считать ее самой настоящей волшебницей, человеком, обитающим не только в этом, но и в потустороннем мире. Казалось бы, во всем ее облике — широченных плечах, крутых бедрах, копне густых темно-рыжих волос — ничего потустороннего не было, но даже в нем мне стало видеться нечто зловещее.

Мало-помалу я стала смотреть на Норин другими глазами, и на мое отношение к ней перестали влиять далеко не лестные замечания, которые отпускали по ее адресу мать с отцом: бросила школу в восьмом классе, недоучка, неразвитая, ничего в жизни не видела, кроме беспросветной серости на своей ферме, и тому подобное.

Но истинную правду о Норин знала лишь я: нет, ее жизнь вовсе не была такой уж серой, потому что она жила в мире волшебных грез и невероятных чудес, населенном ангелами, чьи трепетные крылья были сделаны из самых что ни на есть натуральных перьев; святыми, от которых исходило сияние, подобное утренней заре; пророками, говорившими на древних как мир языках, и бесчисленными душами спасенных, пребывающими в состоянии неземного восторга. Но не только ими. Ее мир населяли также и обитатели самых низших сфер — бесенята с проказливым взглядом, страшилища с раздвоенными копытами, чудища с телом свиньи и с головой убийцы и прелестные, но столь же порочные грешницы, терзаемые собаками в загробном царстве. Средняя сфера мироздания, наша земля, была не менее густо населена всякого рода чудовищными созданиями.

Норин твердо верила в то, что нас посещают души умерших и что с духами можно общаться. Она доказывала это с помощью своей спиритической доски. Стоило нам обеим слегка прикоснуться пальцами к стрелке ее указателя, как она тут же начинала скользить по всей доске и останавливалась

Маргарет Лоренс — известная современная канадская писательница, рассказ из сборника «Птица в доме и розыски Джейсона» (1970) был напечатан в советском еженедельнике на английском языке «Москоу ньюс» (1978, № 15—17).

[1] «Объединенная церковь».

Рисунки В. Кауфмана.

против знака, в котором содержался ответ на наш очередной вопрос. Ее доске я тоже не верила до конца, как и россказням о рае и аде, но все же опасалась задавать доске вопросы, на которые могла бы получить нежелательный ответ: ведь мне трудно потом было бы выкинуть его из головы.

Однажды Норин стала уверять меня, что может заставить стол... говорить. Мы взяли маленький столик из моей спальни, и он, конечно же, слегка поднялся, едва мы прикоснулись к нему кончиками пальцев, и стал постукивать по полу: один раз, если говорил «да», и дважды, если ответ был отрицательным. Норин спросила, поправится ли после операции почки ее тетка Руфь, и стол ответил: «Нет». После этого я сразу же убрала с него руку.

— В чем дело, Ванесса, мы же только начали? — недоуменно наморщилось бесхитростное и безмятежное лицо Норин.

— Мне уроки надо готовить.

При этих словах сердце у меня в груди тревожно екнуло. Я была уверена, что Норин разгадает мое вранье: на то она и общается с нечистой силой. Но в тот момент ее отвлекло что-то другое. К счастью, как я подумала сперва, пока не увидала, что именно это было.

В холодную погоду окно в моей спальне не открывали. Снаружи, под самой крышей, к нему была приделана вторая рама для защиты от зимних ветров: через три просверленных в ней небольших круглых отверстия кое-какой свежий воздух внутрь все-таки проникал. Через одно из этих отверстий забрался воробушек: должно быть, он завяз в только что выпавшем снегу и в поисках убежища сполз с крыши, очутившись в новой западне между двумя рамами. Я не могла смотреть, как судорожно трепыхается птица, и, толком не сознавая, что делаю, распахнула окно. Я хотела помочь обезумевшей от страха птице, но оказалось, что воробью от этого стало не намного лучше. Вместо того чтобы спокойно сидеть на одном месте и тем самым дать мне возможность выпустить его на волю, он начал как слепой тыкаться во все углы, налетел со всего маху на абажур, несколько раз ударился грудкой о стену — и при этом ни на секунду не переставал хлопать крыльями.

— Птица в доме — смерть в доме, — вдруг заявила Норин.

Ошеломленная, я перевела взгляд с мелькающих в воздухе крыльев на ее лицо.

— Что?!

— Ничего. Так люди говорят...

Между тем воробей, похоже, окончательно выбился из сил: теперь он замер на полу, чуть заметно дрожа. Самое время взять его в руки, но я никак не могу заставить себя к нему прикоснуться. Вместо меня это делает Норин: у нее в ладонях он сидит, как в гнезде. Потом мы спускаемся вниз, я открываю дверь во двор, и Норин выпускает воробья на свободу.

— Бедняжка, — произносит она ему вслед.

Я поражена до глубины души. Неужели все это время Норин, несмотря на то что она только что сказала, по-своему жалела залетевшую в дом птицу?

— Ну, Ванесса, пошли на доске загадывать?

Я вздрагиваю. Может, от холодного ветра, ворвавшегося на кухню, когда мы открывали дверь, а может, от чего другого.

— Спасибо, — говорю я. — Но мне уроки надо готовить. Спасибо за предложение.

— Не за что, — отвечает она со своим обычным простодушием. — Скажешь, когда будешь свободна.

Но я ничего ей не сказала — ни в тот, ни в другой раз. Стоило ей теперь только заикнуться о своей доске или говорящем столе, как я моментально изобретала какой-нибудь предлог, чтобы избежать общения с этими предсказаниями судьбы.

— Не пойдешь ли ты со мной сегодня вечером в церковь, Ванесса? — как-то спросил меня отец.

Я удивилась: что это ему вздумалось идти на вечернюю мессу?

— Но мы же пропустили утреннюю и вместо этого пошли с тобой на горы[2]. Ты что, забыла? Сдается мне, что бабушку это здорово разозлило, и она отправилась в церковь без нас. Ну, а с нами, я думаю, ничего не случится, если мы сходим сейчас, а?

Проповедь мне быстро наскучила, и забавы ради я начала листать сборник гимнов. Наверное, я стала клевать носом, потому что вдруг почувствовала, как отец толкает меня в бок: нужно было вставать, чтобы пропеть заключительные строки:

Возле креста, возле креста
Слава меня поджидает,
Пока, спасясь, не найдет душа
Покоя в заречном крае.

[2] Имеется в виду распространенное в США и Канаде катание с гор в специальных ботинках (прим. перев.).

Мелодию я знала хорошо и первый стих поэтому пела громко. Но музыка у этого гимна мрачная, и слова вдруг показались мне такими зловещими, что я замолчала. В горле у меня застрял ком, еще минута — и я бы расплакалась, сама не знаю отчего. Скорее всего причина была в том, что из-за гимна мне вспомнилась бабушка Коннорс, умершая всего около года назад. А зачем ей, подумала я, надо спасать душу? Если уж бог не согласен брать ее такой, какая она есть, то его мнение тогда вообще теряет всякий смысл.

Когда пение гимна закончилось и все стали молиться про себя, я украдкой взглянула на отца. Голова его была опущена, глаза полуприкрыты, брови насуплены, а на виске пульсировала тоненькая жилка. Интересно бы узнать, во что он верит? Ни малейшего представления об этом у меня не было. Во всяком случае, когда после молитвы он поднял голову и открыл глаза, его взгляд не выражал ничего возвышенного или еще чего-нибудь в этом роде. Просто у него был усталый вид. Вскоре преподобный Макки благословил нас и мы отправились домой.

— Пап, что ты обо всем этом думаешь? — начала я не без некоторого колебания.

— О чем именно, дорогая?

— Ну, о рае, об аде и всем прочем.

Отец рассмеялся.

— Ты, наверно, слишком долго беседовала с Норин, а? Сам не знаю, честно говоря. Не думаю, чтоб это вправду были какие-то там специальные места. Скорей всего они обозначают что-то из того, что все время происходит тут у нас, на земле. А может, и не происходит, а только должно. Одним словом, не знаю, все это трудно объяснить, а объяснять я не такой уж мастак.

Так мне ничего и не стало ясным. В конце концов я все-таки взяла его под руку, решив, что он не сочтет это чересчур уж детским.

В ту зиму у нас в Манаваке свирепствовала эпидемия гриппа — так что мой отец и доктор Кэйтс буквально с ног сбились: столько у них было вызовов. Я сама переболела гриппом и целую неделю провела в постели: в первый день у меня была рвота, зато все остальное время я, по словам матери, наслаждалась своим плохим здоровьем. Норин носила мне имбирное пиво и апельсиновый сок, а отец каждый вечер заставлял меня разевать рот и высовывать язык, а затем, осмотрев горло, с улыбкой заключал, что, по его мнению, я скорей всего все-таки выживу.

Потом отец слег сам и не мог больше ходить на вызовы. Видеть его в постели было так непривычно, что сперва меня это даже забавляло.

— Разве врачи имеют право болеть? — спрашивала я.

— Правильно, не имеют, — отвечал он. — Подкачал я, такие вот дела.

Но приходила мать и выпроваживала меня из комнаты.

Как-то ночью я проснулась от встревоженных голосов наверху, в холле. Выйдя из спальни, я через открытую дверь увидела мать и бабушку Маклеод в ночных халатах. Они о чем-то разговаривали с доктором Кэйтсом. Я не подошла прямо к матери, как наверняка сделала бы еще год назад, а осталась стоять в дверях, щурясь от неожиданного света.

— Что случилось, ма?

Она обернулась, и на какое-то короткое мгновение, прежде чем мать сделала над собой усилие и приняла нарочито спокойный вид, я сумела разглядеть выражение ее лица.

— Все в порядке, детка. Просто к нам зашел доктор Кэйтс, чтобы взглянуть на папу. Отправляйся спать.

За окном в эту ночь бушевал ветер, и, лежа в кровати, я долго слушала, как он хлещет по наружной раме и иссохшая и затвердевшая от зимнего холода лоза дикого винограда, словно когтями, скребется и скребется о кирпичную стену. Наутро мать сказала мне, что у отца открылось воспаление легких.

Доктор Кэйтс полагал, что в таком состоянии отца лучше не отправлять в больницу, а оставить дома. Мать перебралась в спальню рядом с отцовской, и через несколько дней я попросилась к ней ночевать.

Как-то вечером в доме у нас снова появился доктор Кэйтс. Он привел с собой сиделку из больницы. Мать ушла с ним наверх, а я оставалась внизу в гостиной вдвоем с бабушкой Маклеод. Ровно в девять она посмотрела на свои золотые часы-брошь и велела мне отправляться спать. Я тут же ушла к себе.

Проснулась я в темноте. Сперва мне показалось, что я у себя в комнате и все вокруг как прежде: родители в своей спальне, свернувшийся калачиком Родди — у себя в детской, бабушка Маклеод по своему обыкновению спит с открытым ртом в огромной кровати с набалдашниками, а Норин всхрапывает в соседней комнате, и темно-рыжее пламя ее волос разметалось по всей подушке, а со стены рядом с ее кроватью на нее глядят привезенные ею розовые и серебристые открытки с библейскими изречениями.

Но вот в окружавшей меня тьме я различила какой-то звук. Это была мать. Она негромко плакала, слезы душили ее. Я села на кровати. Казалось, все остановилось — не только время, но и мое сердце, и даже кровь в моих жилах. И тут мать увидела, что я не сплю.

Я ни о чем ее не спрашивала, и она ничего мне не говорила. В этом не было нужды. Она просто обхватила меня или, может, я сама прижалась к ней — точно не помню. Так мы долго сидели вдвоем, и через какое-то время ее рыдания смолкли, как в конце концов смолкает все, если у человека нет больше сил страдать, и тогда приходит спасительный сон.

Вскоре после похорон нас зашел проведать преподобный Макки, и, пока он сидел в гостиной, я оставалась там вместе с матерью и бабушкой Маклеод, хотя перед тем мать сказала мне, что, если мне хочется, я могу уйти. Но я все равно оставалась с ними. Я знала, что преподобный обязательно заведет разговор об исцеляющей силе молитвы и тому подобных вещах и мать не выдержит и опять начнет плакать.

Я спустилась на кухню и застала там Норин. После смерти отца я почти с ней не разговаривала — и не столько по злому умыслу, сколько потому, что почти с ней не виделась, так как все это время неотлучно была при матери. Глядя теперь на няню, я вдруг вспомнила случай с воробьем, залетевшим в спальню. И сразу же ощутила приступ тошноты.

— Что с тобой, Ванесса? — участливо спросила Норин. — Ты сама не своя из-за отца. Я каждую ночь за него молилась, чтобы он попал к господу на небо. Душу-то его уже не спасешь, понятное дело, но все-таки...

— Замолчи сейчас же! — крикнула я.

Что-то в моем голосе заставило ее умолкнуть на полуслове. Я встала и пошла к двери. Там я обернулась и произнесла ледяным тоном:

— Его нечего было спасать. Ни на какое небо он не попадет, потому что никакого неба нет, слышишь? И вообще все это не имеет ровно никакого значения!

При этих словах широкое скуластое лицо Норин сжалось, как от удара, ее простодушный взгляд застыл от испуга, а рыжая копна спутанных волос в немом ужасе метнулась назад.

Я поднялась к себе наверх. На меня вдруг накатило странное спокойствие: будь что будет. Теперь, думалось мне, я знаю, что означают эти самые слова: «покой в заречном крае». Ничего. Только тишину. Вечную тишину — и ничего больше.

Я бросилась на кровать и здесь наконец смогла выплакать свои последние слезы или, вернее, так мне тогда казалось, что последние.

После смерти отца все переменилось. Матери пришлось продать наш дом одному лавочнику и вместе со мной и братишкой переехать к дедушке Коннорсу, а бабушка Маклеод отправилась жить к тетушке Морäг в Виннипег. Что касается Норин, то она вернулась на свою ферму, и мы о ней больше не слыхали.

Сокращенный перевод с английского
Ю. КАЦНЕЛЬСОНА

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ

А. ИВАНОВ,
кандидат философских наук

ПРАВО ГРАЖДАН нашей страны на свободу совести находило свое отражение во всех советских конституциях. Исходя из марксистско-ленинских положений отношения к религии и церкви, в них законодательно закреплялось главное содержание принципа свободы совести и основные условия его осуществления. Детальное же правовое регламентирование проведения этого принципа в жизнь определяется советским законодательством о религиозных культах.

В Конституции, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года, также зафиксировано право советских граждан на свободу совести.

«Гражданам СССР, — говорится в статье 52, — гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви».

Из приведенного текста видно, что и в новой Конституции законодательно закрепляются основное содержание принципа свободы совести и основные условия, гарантирующие проведение его в жизнь. Однако формулируются они более объемно, чем в прежних конституциях, с учетом современного этапа существования нашего общества и факторов международного развития. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Основное содержание права на свободу совести

В Конституции СССР 1936 года содержание права на свободу совести формулировалось следующим образом: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Как видим, конституционно закреплялись два элемента принципа свободы совести, иначе говоря, фиксировались две государственно-правовые нормы: свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды.

В новом Основном Законе нашего государства содержательная сторона конституционного права на свободу совести расширяется. В него дополнительно включено ленинское положение о праве каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, и ставится оно, вполне логично, на первое место, ибо сначала необходимо предоставить человеку право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, а затем уже он должен получить право на отправление религиозных культов или на ведение атеистической пропаганды. Теперь содержательная сторона конституционного права на свободу совести включает в себя четыре элемента, фиксирует четыре государственно-правовые нормы, логически дополняющие друг друга и логически вытекающие одна из другой.

Обратим внимание еще на два отличия в формулировании права на свободу совести в новой Конституции. Первое. В прежних конституциях говорилось о свободе антирелигиозной пропаганды, в новой Конституции — о свободе атеистической пропаганды. Это изменение несет в себе большую смысловую нагрузку. Здесь более полно отражено содержание одного из важных элементов принципа свободы совести, что исключает всякую возможность его узкого понимания, сведения его только к критике религии. Свобода на неисповедание религии как иллюзорного миропонимания предполагает прежде всего свободу на научное мировоззрение, которое носит атеистический характер, включает в себя атеизм как органическую часть. Поэтому и формирование научно-материалистического мировоззрения предполагает не сугубо антирелигиозную пропаганду, а широкую пропаганду атеизма, который включает в себя как критический, так и позитивный моменты.

Второе отличие. И в Конституции Российской Федерации 1918 года, и в общесоюзной Конституции 1936 года было записано, что свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды «признается за всеми гражданами». В новой Конституции говорится не о признании, а о гарантии свободы совести, о гарантии права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Это отнюдь не означает, что признание свободы совести в прежних конституциях могло не обеспечиваться, не гарантироваться. Свобода совести обеспечивалась на деле теми же условиями, что и сейчас, и поэтому термин «признается» не полностью отражал действительное положение и мог давать повод для его извращения со стороны буржуазных пропагандистов. Понятие гарантии полнее выражает сущность марксистского понимания принципа свободы совести, точнее отражает действительное положение, существующее в условиях социализма.

Марксистское понимание свободы совести и положение с ее осуществлением в социалистических странах коренным образом отличается от буржуазного понимания свободы совести и от положения с ее предоставлением в капиталистических государствах.

Как бы буржуазия в борьбе против феодализма за осуществление своего господства ни манипулировала лозунгом «свободы совести», она не пошла дальше веротерпимости, дальше свободы выбора религии. Буржуазное понимание свободы совести сводится только к обоснованию свободы религии, ее различных вероисповеданий: к предоставлению гражданам права исповедовать любую религию, объединяться в религиозные общества для коллективного отправления религиозных культов, менять свою вероисповедную принадлежность и принадлежность к религиозным обществам, пользоваться гражданскими и политическими правами независимо от вероисповедной принадлежности и т. д. Буржуазные идеологи исключают из понятия свободы совести вторую, главную сторону — свободу не исповедовать религии, свободу атеистических, научно-материалистических убеждений, без чего она не может быть полной и подлинной. Более того, они пытаются обосновать неприемлемость для государства и общества свободы атеизма, пагубность его для жизни человека и т. д.

Это концептуальное понимание свободы совести лежит в основе юридического ее истолкования, закрепления ее в консти-

Предыдущие статьи этого цикла см. в № 8, 10, 12 за 1978 г., в № 2, 4 за 1979 г.

туциях и других правовых актах буржуазных государств. Из современных капиталистических государств только около трети декларируют в конституциях свободу совести, но во всех случаях она трактуется только как свобода вероисповедания, как свобода религиозных убеждений, как право на религиозную свободу. В большинстве же конституций современных буржуазных государств даже в урезанном виде не провозглашается свобода совести, не говоря уже о праве человека не исповедовать никакой религии, быть атеистом, иметь научное материалистическое мировоззрение, вести атеистическую пропаганду. Более того, ни в одной из конституций буржуазных государств не содержится положений о недопустимости дискриминации граждан, если они не исповедуют никакой религии; неверующие, как правило, подвергаются различным ограничениям в правах.

Сошлемся на пример Соединенных Штатов Америки. Широко известно, что деятельность различных государственных органов в этой стране неразрывно связана с религией, а открытое непризнание религии влечет за собой многие нежелательные последствия для человека. В конституции штата Арканзас, к примеру, записано, что «никто, отрицающий существование бога, не может занимать должность в учреждениях штата и не может допускаться к свидетельствованию на суде». И это не исключение. Подобные положения узаконены в штатах Миссисипи, Мэриленд, Нью-Джерси, Теннесси, Техас и других [1].

Социалистическое же общество не только предоставляет свободу каждому исповедовать любую религию, менять веру и добровольно, без принуждений входить в одно из религиозных объединений, но и полную свободу всем гражданам определять свое отношение к религии — исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, быть атеистом — то есть «исповедовать» научное материалистическое, атеистическое мировоззрение. Это один из главных, основных пунктов объективно верного понимания свободы совести. Не может быть свободен человек, если он не имеет возможности не исповедовать превратного миропонимания, тем более если оно принудительно ему навязывается, если его принуждают к слепой вере в несуществующие сверхъестественные силы. Наоборот, свобода истинная, действительная возможна лишь тогда, когда не только имеется возможность не исповедовать иллюзорного миропонимания, но и создаются условия для освобождения от него, для усвоения научного мировоззрения и атеистических убеждений.

Вот почему объективно истинно и справедливо утверждение, что социализм обеспечивает людям наиболее полную свободу совести, ее действительное проявление во всех сферах жизни.

Условия гарантии конституционной свободы совести

Статьи о свободе совести в советских конституциях, как указывалось выше, включают не только формулирование основного содержания права на свободу совести, но и основных условий ее осуществления. В новой Конституции таких условий зафиксировано три: отделение церкви от государства, отделение школы от церкви и запрещение возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями. Рассмотрим каждое в отдельности.

Известно, что В. И. Ленин отделение церкви от государства рассматривал как главное условие гарантии свободы совести, как необходимую составную часть политической свободы. Положение об отделении церкви от государства было включено уже в Программу РСДРП, принятую II съездом. Это главное условие гарантии свободы совести было заложено и в первый основополагающий акт Советского государства по вопросам религии и церкви — Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Отделение церкви от государства — не только главная политическая гарантия свободы совести. Оно определяет возможность создания и функционирования целой системы материальных и правовых ее гарантий. Первые из них связаны с предоставлением верующим для удовлетворения религиозных потребностей в бесплатное пользование молитвенных зданий и предметов культа, с предоставлением религиозным объединениям возможностей издавать необходимую литературу, изготавливать предметы религиозного культа, готовить кадры священнослужителей; вторые — с разработкой государственно-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых гарантий конституционной свободы совести.

В буржуазных обществах граждане лишены главной политической гарантии свободы совести и связанных с ней материальных и правовых гарантий. Известно, что в период борьбы с феодализмом буржуазные идеологи осуждали связь средневековых государств с религией, говорили даже о необходимости отделения церкви от государства. Однако, придя к власти, буржуазия практически нигде этого не осуществила. В настоящее время можно выделить две группы капиталистических стран. Первая — страны, где официально существуют государственные религии и церкви, например Англия, Греция, Дания, Исландия, Италия, Ирландия, Норвегия, Швеция и ряд других. Отсюда и все последствия, исключающие возможность осуществления свободы совести, — государство покровительствует господствующей церкви, она занимает привилегированное положение по сравнению с другими в области имущественных отношений, пропаганде своего вероучения, миссионерской деятельности; она используется для укрепления буржуазных порядков, эксплуатации народных масс, их духовного закабаления. Это ведет к прямой дискриминации верующих других вероисповеданий и людей неверующих.

Другая группа — страны, в конституциях которых провозглашается отделение церкви от государства. Однако носит оно в основе своей декларативный, формальный характер и служит зачастую тому, чтобы скрыть фактическую связь между государством и религиозными организациями, завуалировать использование религии в интересах господствующих классов как внутри страны, так и в международных целях. Такое положение существует во многих странах, но наиболее зримо, с типичным буржуазным лицемерием, оно проявляется в Соединенных Штатах Америки, где государственный аппарат и многочисленные промышленные корпорации тесно связаны с различными конфессиональными организациями.

Вторым важным условием гарантии свободы совести, закрепленном в Конституции, является отделение школы от церкви. Оно служит основой действительного осуществления свободы совести уже у самых истоков воспитания человека, формирования его духовного мира. К. Маркс рассматривал очистку народного образования от религиозных и клерикальных элементов как «начало умственному раскрепощению народа» [2]. О необходимости отделения школы от церкви говорилось и в Программе РСДРП, принятой II съездом.

О каком осуществлении свободы совести, к примеру, могла идти речь в нашей стране до революции, если во всех учебных заведениях обязательным предметом был закон божий, а неверие в бога преследовалось и наказывалось. О каком осуществлении действительной свободы совести можно говорить в современных буржуазных странах, если в большинстве стран преподавание религии в государственных учебных заведениях установлено законодательством. Лишь в немногих буржуазных странах декларируется отделение церкви от школы и провозглашается светский характер образования, но это далеко не всегда осуществляется на деле. Церковь в буржуазном мире принимает все меры к тому, чтобы как можно активнее, используя все возможности, влиять на воспитание подрастающего поколения [3].

Советское государство с первых дней существования отделило школу от церкви, проведя тем самым в жизнь это важное условие гарантии свободы совести. В девятом пункте Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» было записано: «Школа отделяется от церкви».

Диалектика этого вопроса такова. Воспитание и образование подрастающего поколения в нашей стране осуществляется семьей, государственными органами и общественными организациями. На них возлагается общая и ответственная задача воспитывать детей и молодежь высокообразованными и высоконравственными, трудолюбивыми и духовно развитыми, идейно убежденными и преданными интересам своей Родины, имеющими научное мировоззрение и коммунистические идеалы. Поэтому в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании подчеркивается «светский характер образования, исключающий влияние религии». Это отвечает интересам и общества в целом, и интересам семьи, и интересам детей.

Вместе с тем Советское государство учитывает и интересы верующих родителей. Понимая, что религиозное воспитание детей противоречит науке и объективной истине, формирует

---

[1] См. об этом в кн.: В. В. Клочков. Религия, государство, право. М., 1978, стр. 189—202.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 534.

[3] См. об этом подробнее в кн.: В. В. Клочков. Религия, государство, право, стр. 175—189, 228—236.

у них ложное миропонимание, уводит их в мир иллюзий, страха перед несуществующими сверхъестественными силами, государство, тем не менее, не запрещает родителям обучение детей религии в семье, но без насильственного принуждения.

В новую Конституцию в качестве одного из условий осуществления подлинной свободы совести включено положение о запрещении возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями. Оно всецело вытекает из марксистско-ленинского понимания свободы совести. Само содержание понятия свободы совести, включающее право на исповедание или неисповедание любой религии, равенство всех религий перед законом, равенство и равноправие всех граждан, независимо от их религиозной принадлежности или непринадлежности, недопустимость какого бы то ни было принуждения в отношении исповедания или неисповедания религии, объявление религии частным делом каждого и т. д., — всем своим существом направлено против возможной вражды в связи с религиозными верованиями. Проявлениями такой вражды заполнена история человечества; характерна она и для многих стран и районов современного мира.

К искоренению вражды в связи с религиозными верованиями были направлены ленинские требования не выдвигать религиозный вопрос на первое место, подчинять атеистическую пропаганду основным задачам классовой борьбы и социалистического строительства, не объявлять шумливого провозглашения войны религии, относиться с полным уважением к искреннему убеждению в делах веры, заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих.

На это обращалось внимание во всех партийных документах и государственных актах, где затрагивались вопросы религии и церкви, свободы совести, атеистической работы. Сошлемся лишь на некоторые. В резолюции о политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне, принятой на VIII съезде партии, было записано, что Конституция Советской России признает полную свободу вероисповедания за всеми гражданами, что «съезд обращает внимание на совершенную недопустимость каких бы то ни было ограничений этого права и даже тени насилия в вопросах религии. Лица, посягающие на свободу веры и богослужения для граждан всех вероисповеданий, должны быть подвергаемы строгому взысканию». В этой же резолюции указывалось, что «всякая попытка контрреволюционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться».

В Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» говорилось, с одной стороны, о запрещении стеснения и ограничения свободы совести, об отмене праволишений, связанных с исповеданием или неисповеданием веры, с другой — о том, что свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан. В пункте шестом Инструкции по вопросам, связанным с проведением этого Декрета от 19 июня 1923 года, указывалось, что распространение и пропаганда буржуазно-анархических и антигосударственных учений под религиозным флагом, направленные против Советской власти, подлежат уголовному суду на общем основании соответствующих статей Уголовного Кодекса.

Нетрудно заметить, что в запрещении вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями подчеркивается три основных момента: недопустимость вражды и поводов для нее между верующими и неверующими, а также между различными вероисповеданиями и недопустимость использования религии в антиобщественных, антигосударственных целях.

Включение этого положения в новую Конституцию имеет важное как внутреннее, так и международное значение. В нашей стране построен развитой социализм, который характеризуется социально-политическим и идейным единством, высокой организованностью трудящихся, гармоничным сочетанием их патриотических и интернациональных чувств и убеждений, их активным участием в труде, в управлении общественными и государственными делами, более полным выражением их реальных прав и свобод и сочетанием этих прав и свобод с обязанностями и ответственностью перед обществом, созданием новой исторической общности людей — советского народа.

В этих условиях использование религии для подрыва сложившихся устоев нашего общества, разжигания националистических, шовинистических или иных враждебных существующему порядку, нравственным нормам и законам социалистического общества чувств и настроений, а также использование религии для прикрытия других антиобщественных действий, равно как для возбуждения ненависти к неверующим, которые составляют подавляющую часть населения нашей страны, является нежелательным и должно пресекаться в законодательном порядке. Нежелательно и недопустимо в нашем обществе также ущемление прав и свобод верующих, оскорбление их чувств. Они являются членами социалистического общества, его строителями и созидателями, полноправными и равноправными гражданами государства. Поэтому советское законодательство в равной мере стоит и на страже всех прав верующих (в том числе и связанных с отправлением религиозных культов, с удовлетворением религиозных потребностей), и ограждает общество от использования религии для прикрытия каких-либо антиобщественных действий, которые могут проявляться со стороны экстремистов от религии.

Запрещение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями важно и для борьбы за мир и международную безопасность. Движение сторонников мира — самое широкое движение современности, оно охватывает людей разных политических и религиозных убеждений. Поэтому в документах совещаний представителей коммунистических и рабочих партий содержатся призывы к сплочению всех сил против военной опасности, независимо от различий по политическим, религиозным или иным вопросам. Возведение запрещения возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями в конституционную норму — важный фактор, свидетельствующий о гуманности внутренней и внешней политики Советского государства.

Право на свободу совести и обязанности граждан

Конституционные положения о неотделимости осуществления прав и свобод от исполнения обязанностей и о том, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам других граждан, относятся и к свободе совести.

Пользование этим правом, как и другими правами и свободами, прежде всего, неотделимо от гражданских обязанностей. Верующие, как говорилось выше, — равноправные и полноправные граждане Советского государства, строители социалистического общества и поэтому, как и все советские люди, должны честно и добросовестно исполнять свои общегражданские, социально-экономические, социально-политические и другие обязанности. Назовем здесь только некоторые.

Главная социально-политическая обязанность советских граждан — оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета. Каждый советский человек должен высоко нести звание гражданина первого в мире социалистического государства, словом и делом способствовать укреплению его авторитета во всем мире. И вот когда, к примеру, вожаки так называемых баптистов-«инициативников» пытаются распространять разного рода письма и обращения, в которых клевещут на Советское государство, его политику в отношении религии и церкви, призывают своих пасомых не участвовать в выборах государственных органов, стремятся привить им неприязнь к социалистической действительности, то вполне естественно, что государственные органы квалифицируют эти действия как антиобщественные, противозаконные.

Почетная обязанность советских граждан — служба в рядах Вооруженных Сил СССР, а защита социалистического отечества определяется Конституцией как священный долг каждого гражданина. Однако некоторые руководители сектантских групп пытаются принудить молодых верующих к отказу от службы в Советской Армии. Причем делается это под тем предлогом, что они уже состоят в «христовом воинстве», а дезертирство из него должно-де повлечь за собой божье наказание. Это также не что иное, как использование религии в антиобщественных целях. И вполне понятно, что общественность и государственные органы стремятся использовать все воспитательные меры для того, чтобы предотвратить противозаконные действия. Если же это не дает нужных результатов, государство наказывает виновных в судебном порядке, ибо религиозные убеждения верующих здесь ни при чем.

Важная обязанность граждан нашего общества состоит в создании необходимых условий для получения детьми обязательного среднего образования. В статье 57 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании говорится, что родители и заменяющие их лица обязаны определять детей в школу по достижении ими школьного возраста и создавать необходимые условия для своевременного получения детьми среднего образования и профессио-

нальной подготовки. Эта обязанность, как никакая другая, выражает заботу общества и государства о подрастающем поколении. Ее исполнение органически связано с общественным прогрессом, с формированием всесторонне и гармонично развитого человека, отвечает интересам всех и каждого.

Известны, однако, случаи, когда фанатично верующие родители сами или под воздействием экстремистски настроенных религиозных пастырей ограничивают учебу своих детей начальной школой, а иногда и вообще запрещают детям посещать школу и таким образом не выполняют конституционную обязанность, идут вразрез с интересами государства, общества и самих детей. Невыполнение родителями этой конституционной обязанности и Основ законодательства о народном образовании влечет за собой строгую их ответственность вплоть до лишения родительских прав, как это предусмотрено статьями 18 и 19 Кодекса о семье и браке РСФСР.

Пользование правом на свободу совести не должно противоречить не только исполнению конституционных обязанностей, но и всех законодательных актов, которыми регулируются общественные отношения и порядки в нашей стране. Они обязательны для всех государственных, общественных и частных организаций (в том числе и религиозных объединений), для всех граждан нашей страны, независимо от их отношения к религии и атеизму. Кстати, можно напомнить, что в каждом государстве его законы считаются обязательными для исполнения всеми гражданами и всеми организациями. Верующие свободны в исполнении религиозных норм, предписаний, поскольку они не вступают в противоречия с общими правовыми установлениями.

В связи с этим уместно сказать еще раз о клевете, распространяемой буржуазными пропагандистами, когда они касаются положения религии и церкви в СССР и в других социалистических странах.

Если все граждане и организации, в том числе и религиозные объединения, должны действовать в рамках существующих в государстве законов, если это закреплено во «Всеобщей декларации прав человека» и в международных пактах об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах, то почему этого не могут придерживаться наше и другие социалистические государства? Почему необходимость исполнения религиозными организациями и их приверженцами существующих законов истолковывается как ограничение их деятельности, как ущемление их интересов и прав, как отсутствие свободы совести и т. д.? Почему, когда Советское государство привлекает к ответственности людей, которые под прикрытием религии совершают противозаконные действия, грубо нарушают, даже попирают советские законы, совершают преступные деяния, то эти действия государства истолковываются как преследования за религиозные убеждения, а преступники представляются страдальцами за веру?

Наше государство не делит советских людей на верующих и неверующих, а советское правосудие не учитывает этого различия по отношению к нарушителям закона. Оно вело, ведет и будет вести с ними борьбу, независимо от того, являются ли они неверующими, или исповедуют какую-либо религию, принадлежат к какой-либо религиозной организации. Каждый гражданин СССР обязан не только исполнять государственные законы и уважать правопорядок, но и соблюдать нравственные нормы социалистического общежития.

В каждом государстве регулируются правовыми актами и государственно-церковные отношения. Если такое регулирование не выделяется в отдельную правовую отрасль, то оно, как правило, находит свое отражение в нормах государственного, административного, гражданского и уголовного права. В силу того что в нашей стране существуют религиозные организации, Советское государство вынуждено также определять их правовой статус, регулировать в правовом порядке свои взаимоотношения с ними. Однако взаимоотношения Советского государства с религиозными организациями коренным образом отличаются от государственно-церковных взаимоотношений в буржуазном обществе. В силу этого и их правовое оформление также коренным образом отличается. Оно основывается на марксистском положении о том, что религия — частное дело по отношению к государству. Советское законодательство о религиозных культах является собственно законодательством о свободе совести и поэтому должно также беспрекословно соблюдаться как государственными органами, так и религиозными объединениями, как верующими, так и неверующими. О становлении, развитии и совершенствовании его пойдет речь в статьях, которые редакция намеревается опубликовать в восьмом и десятом номерах журнала.

«ДАРЫ ВОЛХВОВ»

Я частенько думал о Ермошине. Что-то он поделывает? После нашего разговора прошло уже больше полугода, а желание отомстить так и не угасало. Да и, откровенно говоря, хотелось узнать, как сложилась судьба Любы. Встреча с ней надолго растревожила мою душу. Кроме Мишаткиной поручить это тонкое дело было некому. Я было стал говорить ей, как к нему приступить, а она в ответ:

— Меня учить не надо. Ты скажи, что узнать. А как это сделать — на месте увижу. Сделаю, как мне ловчее будет, ум свой есть.

Мишаткина вернулась месяца через два. По ее веселому настроению понял — поход удался. Уединившись с ней в избе знакомой богомолки, я вдоволь наслушался забавных рассказов.

Довольно трудно было разыскать постоянное пристанище Ермошина.

Наконец Мишаткина напала на след. Ей назвали имя проповедника и даже показали дом, где тайно собираются на ночные моления. Но как туда пробраться? Богомолкой, странницей, нищенкой? Все не то. Кусок хлеба подадут, а в дом не пустят. Действовать надо было наверняка. Помог случай. Мишаткину укусила пчела. Тут-то и созрел у нее смелый план: наловила пчел, посадила их в спичечную коробочку, а вечером приложила их к коленке. Искусанная нога вздулась, как бревно. Доковыляла до избы, где собирались на тайные моления, легла на крыльцо и закричала: «Ой, спасите, люди добрые, умираю!» На крик вышла хозяйка дома. Посмотрела распухшую ногу, стала расспрашивать, что случилось. Мишаткина рассказала, что ехала на попутной машине со святого источника, когда спрыгивала, ушибла ногу — наверное, перелом.

Хозяйка посокрушалась, стала советоваться с мужем: «Чего делать-то будем? Потащим в избу, что ли?»

Положили Мишаткину в кухне на лавку, хозяйка ушла во вторую половину дома. Вскоре вернулась с высоким усатым стариком.

— Как увидела его, так сразу узнала. От радости чуть не захохотала: выманила-таки. Ермошин подошел ко мне, потрогал ногу. Положил мне ладонь на лоб, большим пальцем приоткрыл мне веки. Немного подумал, покрутил ус—один, другой и строго сказал: «Перелома вроде нету, надвихнула малость лапу, когда падала из машины. Молись, грешница!» — круто повернулся и ушел в горницу.

Я рассыпалась в благодарностях, назвала его святым благодетелем, говорю, что полегчало мне сразу, как только коснулся ноги. «Наш Антон Иваныч, — почему-то со вздохом ответила хозяйка, — лечит души грешниц молитвами. Слыхала — сказал: молись. Вот ты и молись — скорее заживет».

Я назвалась Марфой. Хотя имя мое настоящее — Вера. Но прилипло прозвище Мишаткина и не отцепишь его. Стесняюсь уж называть себя родным именем. Сказала ей, что одинокая, всю жизнь по чужим дворам мотаюсь. А уж за то, что не прогнали меня в беде, отработаю вам... В доме ли прибраться, воды ли наносить — все сделаю, отблагодарю сполна, — пела медовым голосом на все лады, а сама прикидывала: как бы тут на месячишко подзадержаться, все одно кормиться где-то надо, уж скоро зима. «Отработаешь, отработаешь». — не глядя на меня, отвечала она.

Утром Антон Иванович снова осмотрел ногу, увидев, что опухоль почти спала, сказал, что к вечеру буду ходить.

К вечеру я уже скребла и мыла во всех углах. Пустили прибраться даже в горницу. Там полумрак, свет еле-еле пробивается через завешенные белыми холстинами окна. В переднем углу множество икон, на больших иконах полотенца, горят лампадки. У стены, ближе к переднему углу, накрыт белой скатертью стол. У окна сидел Ермошин. Сделал вид, что меня не заметил.

Окончание. Начало см. в № 4 и 5.

На широкой кровати, полулежа на подушках, дремала хозяйская дочь Люба, та самая, что с ним была. Мать ее предупредила, чтобы Любу я не тревожила: «Она тяжелая, вот-вот родит».

И вот пришел Любин час. Тетки-богомолки, повитухи бегали то в горницу, то на кухню. Люба разрешилась сыном.

Через несколько дней стали готовиться к какому-то торжеству. Я скребла и мыла весь дом. Хозяйка была возбуждена. Все-то ей казалось, что не так сделано, заставляла переделывать. В дом часто забегали богомолки. Что-то приносили, шептались. Антон Иванович в разговоры не вступал. Ходил строгий, надутый.

К вечеру ко мне подошла хозяйка и с приветливой улыбкой сказала: «Сегодня, Марфуша, будешь с нами молиться. Антон Иванович благословил».

С наступлением сумерек в хату понабралось двадцать пять молодушек. Все чистенькие, прибранные, в белых платочках. Каждая с узелком или сумкой — обязательное приношение для Антона Ивановича. В горницу вошли все враз, по единому зову.

подню. Н-да... — тут он несколько замялся. — Дело-то, конешно, было так... Хошь не хошь, а правду говорить надо, раз уж такой коленкор получился... — Он опять странно хмыкнул, помялся. — Три месяца назад явился ко мне сам архангел Гавриил. То ли наяву, то ли во сне это было, не помню. Я страшно испужался, думаю: не за мной ли посылаешь, господи? Архангел говорит: «Не бойся, Антоний — божий человек, у тебя большая радость и веселие — жена твоя родит тебе сына!» Я, конечно, с печалью отвечаю, что вдов я уже много лет. Гавриил опять строго стоит на своем: «Женою тебе наречена твоя послушница Любовия». Отнекиваюсь, поясняю ему, что я в летах преклонных и теперь не тот коленкор, как бывало прежде, а нареченная тобою жена, говорю, по прозванию Любовия, совсем молода, и не может быть у нас дитя...

Ермошин говорил с натугой, тяжело, подкручивал то один ус, то другой.

— Ну архангел, понятно, не хочет слухать моих возраженьев, уперся на своем. Не твоя, говорит, об том забота. Не от крови, не от плоти, но от б о г а народится

ПОТЕРЯННАЯ МОЛОДОСТЬ

И. ВИТКОВСКИЙ,
М. ВИТКОВСКАЯ

В переднем углу, перед большой иконой спасителя на скамеечке поставлена корзина, в ней спал Любин сын.

Началось моление. Опустились на колени. Запели псалмы.

Антон Иванович в длинной новой белой рубахе, очень важный, сел за стол и стал вычитывать из Евангелия о том, как у богородицы девы Марии народился младенец Иисус Христос. Старательно водил пальцем по листам, долго перечислял родословную Христа.

Затем отложил Евангелие, обвел всех глазами и строго спросил:

— Ну, чады мои, все ли поняли, все ли запомнили?

Мы растерянно молчали. И только одна оказалась бойкой.

—Где уж нам, темным, святое-то дело понимать? Нет, ничего не поняли, — вздохнув, чистосердечно призналась она. — Уж ты, Антон Иваныч, попроще растолкуй.

Ермошин солидно откашлялся, тыльной стороной ладони подпушил усы и стал рассказывать дальше уже от себя.

— Ну, перво-наперво, такой коленкор. Зачала, значится, богородица от духа святого, не зная мужа. Муж, однако, в Евангелии об этом сказано, был у нее. Звали его Иосифом, он был уже стар, а дева Мария молоденькая, вон как наша Люба, — он показал пальцем в сторону кровати. — Иосиф, конечно, был мастеровой, по плотницкой части соображал малость, ну вроде как я, я тоже в молодости между делом плотничал. А дева Мария — та из простых, деревенских... Когда народилось дите, зажглась на небе перед пастухами звезда и повела их, значит, пастухов, в поле. Здесь они нашли овчарню, по-нашему, вроде как скотный двор, ну там и проживало святое семейство. В святых ясельках, прямо на соломе младенчик лежал, сам, значит, Христосик.

Ермошин долго смотрел на корзиночку, где спал Любин сынок. Все увидели на корзинке надпись: «Святые ясли», а вокруг, на полу, были аккуратно положены маленькие снопики из соломы.

Потом Ермошин вышел из-за стола, взял корзину с младенцем, поставил к Любе на кровать и ушел на кухню. Немного там побыл, вернулся. Сел на кровать, долго поправлял усы. Начал негромко, вкрадчиво:

— Ну, вот что, чады мои бессловесные, пасомые овцы и божьи коровки! Мне, меньшому из слуг боговых, дана божья благодать возвестить вам без утайки всю тайну господню.

сын. Сам господь бог послал духа святого, который сошел на деву Любовию, и она зачала, шесть месяцев как во чреве. Уста твои, Антон Иванович, говорит архангел, будут закрыты, доколе не родится божье дитя, покудова я, архангел Гавриил, не подам тебе об том команду. Сказал это и враз растворился в сиянии небес. — Тут Ермошин заговорил быстро, будто с привязи сорвался. — Вот почему, дорогие мои сестры, я не мог сказывать вам наперед, которая есть моя жена. Вот она Любовия, моя жена по духу, нареченная мне самим богом, которая народила младенца. По знаку от архангела уста мои разверзлись, хотите верьте, хотите нет, но ей-богу все правда. — И он, низко всем кланяясь, трижды широко перекрестился.

— Кто вас, сестры мои возлюбленные, привел сюда?! — вдруг громким голосом воскликнул он. — Не звезда ли на небе?! Возрадуйтесь и возликуйте все люди! Который в ясельках лежит перед вами, это и есть возродившийся от духа святого во второе пришествие сын божий Иисус Христос!!!

Что тут началось! Все как ума лишились. Кинулись на колени, стали бить поклоны, кричат: «Радуйся, благодатная богородица дево... Рождество твое, Христе боже наш... Радуйся, радуйся, дева Любовия, богородица наша... Возликуй, сын божий Иисус!»

Наверное, от шума и галдежа, а может, от голода ребеночек заплакал. Взяли его из яслей и положили для кормления на колени к Любе.

Ах, и хороша же была Люба! Сама молоденькая, личико аккуратненькое, волосы льняные. На белой шее тонюсенькая цепочка с крупным, узорчатым крестом. Младенчик, зажмурив глазки, сосет, торопится. Смотрели мы, удивленные, на эту живую картину: ну, прямо богородица с дитем!

Потом Ермошин поднес близко к Любе лампу, немного подержал и, прикрутив фитиль, быстро отошел в угол. В горнице стало темно. И тут все мы увидели, что узорчатый крест на груди у Любы воссиял нежно-голубым, небесным сиянием. Все так и ахнули: «Воссиял! Крест воссиял!» Закричали: «Святая, святая! Дух божий сошел с небеси на Любовию! Аллилуйя! Аллилуйя!»

Я выслушал Мишаткину и схватился за голову. Что же выделывает этот Ермошин! Надо же, придумал Христа, светящийся крест... Ну, теперь к нему народ повалит, не удержишь!

Напротив меня сидела моя «разведчица» и загадочно улыбалась.

Рисунки Н. Усачева.

— Ну, что, Алексей, расстроился? Небось, завидуешь Ермошину? Вот узнают твои «юноши» о народившемся Христе и побегут к нему — тебя бросят.

— Об этом, Мишаткина, никому ни слова!

— Да, Алексей, — продолжала Мишаткина, — переплюнул тебя Ермошин. Видал, куда полез: в родню к самому богу, вот как! У тебя-то скучновато получается. Все время твердишь об одном: конец света, конец света. Да будет ли он? Жалко мне тебя. Ничего в жизни не видел и не увидишь, все бегаешь да прячешься по тайникам-похоронкам. Мне-то со стороны все видно. Езжу я по разным местам — городам и вижу, как жизнь идет. Люди живут семьями, по-человечески, работают и никто о конце света не помышляет...

Я не перебивал ее. Понимал, в ее словах есть правда. Но как же тогда быть с избранным путем? Отказаться? Нет!

— Перестань, Мишаткина! Это лукавый тебя смущает, — не выдержал я. — Чем плохи у нас дела? Живем по Евангелию, конец света, по всему видно, вот-вот будет. Кабы я в это не верил, удавился бы, как Иуда, предавший Христа. Все идут за мной. Посмотри, у всех святых источников наши «юноши» первые у креста. Значит, есть к нам уважение в народе. Соображай — в одной деревне «юношей» пяток, да в другой столько же, да в третьей — Христово стадо и соберется. Куда бы ни пришел, всюду меня ждут, верят каждому слову. Разве я могу их оставить? А что из себя представляет Ермошин? Лжепророк и больше никто!

— Да будет уж тебе про Ермошина. Нету его. Поминай, как звали...

— Как это?

— Да вот так. Нет его — и все! Надоело говорить. Устала. Ночь к тебе ехала — не спала. И сейчас тоже вся ночь — в разговорах. Пойду-ка я спать, а уж потом доскажу...

Я вышел на улицу. Был легкий морозец. Яркая луна заливала голубым светом все окрест: и деревья и хатки, запорошенные снегом. Взял бы кисть, писал бы и писал живую картину. А в висках стучало: конец света, конец света... «Кто-то по злобе все это придумал, чтобы отравить человеку жизнь», — тяжко думалось мне.

Тогда я так и не узнал, чем кончилась история с Ермошиным. Утром, пока я спал, Мишаткина куда-то уехала. Видимо, с этим походом к Ермошину поистратилась и теперь подалась на промыслы. Меня закружили новые дела, новые заботы. Ермошин больше «юношам» не угрожал, и я о нем забыл. Зато, как позднее выяснилось, он о нас не забыл.

КОНЕЦ ЕРМОШИНА

Одиннадцать часов ночи. Общие вагоны поезда переполнены. Я перехожу из одного в другой в поисках свободного места. Большинство пассажиров, устроившись, кто как мог, уже спят. Вдруг меня окликнул знакомый голос — Мишаткина! Приветливо улыбаясь, подвигается, приглашает сесть.

Мишаткина... Пожалуй, полгода ее не видел. Гляжу на ее улыбчивое лицо и замечаю, что она изменилась. Побледнела, похудела и еще что-то, не уловлю.

Оказалось, болела. В Москве, куда поехала за ходким товаром для перепродажи, начался у нее приступ аппендицита. После операции больше месяца пролежала в больнице.

— Но нет худа без добра, — шутливо рассказывала Мишаткина. — Мне, бездомной, больница раем показалась. Врачи, сестры, ровно ангелы, — в белых, накрахмаленных халатах, ласковые, внимательные. Очень хорошо относилась ко мне Нина Михайловна, врач, которая сделала операцию. По годам она мне ровня, но какая образованная, обходительная. Когда выписали из больницы, забрала к себе домой, купила новое бельишко, отдала свое платье. Билет мне на поезд купила, на дорогу денег дала, гостинцев. На прощанье слово с меня взяла, что перестану бродяжничать, а пойду учиться. «Ты, говорит, от природы способная, при желании своего добьешься».

Я слушал ее рассказ и понимал, что Мишаткина уходит от «юношей» и от меня тоже. Мне было грустно, я привык к ней, ценил ее за трезвый ум, веселый характер.

— Куда же теперь путь держишь?

— Хочу поступить на работу. Не серчай, Алексей, ухожу от вас, скучно мне с вами. Впереди у вас одна пустота. Эх вы, «юноши»-спасители, задумали мир спасать. Себя-то хоть спасите от собственных глупостей...

— Ладно, не надо об этом. Ну, а крест-то хоть носишь? — решился я спросить.

— Нательный крестик сняли с меня в больнице перед

операцией, — легко вздохнув, ответила Мишаткина. — Да и зачем он мне, крест-то? Рассуди-ка сам, Алексей. Врачи сказали, промедли с операцией час-полтора, и уже не спасти меня. Как подумаю — случись эта беда со мной где-нибудь у святого источника, далеко от больницы — не помогли бы мне ни святая вода, ни молитвы, ни кресты... Не обижайся, Алексей, от правды никуда не денешься.

— Жалко отпускать тебя, но что поделаешь: видно, пришло время...

Опять замолчали.

— Скажи на прощанье, куда ты Ермошина упрятала?

— Не забыл еще усатого, интересуешься? Ну, уж ладно, расскажу...

...Хозяйка дома предупредила всех: «Никому, ни отцу, ни матери, не сказывать, где находится Христос-младенец. А вот радостную весть о том, что Христос уже народился, надобно разнести по селам, городам, по всей православной Руси — и как можно скорее. Гутарьте так: Христосику, мол, младенцу, на зубок, на резвы ножки, когда пойдет, — что дадите, все сгодится».

И действительно, богомольцы, как по команде, понесли к ним в дом разное добро. Принимая подношения, хозяйка ворковала голубицей: «До конца света осталась самая малость, гутарьте всем — младенчик растет не по дням, а по часам, хоть и мал, но все видит, все понимает, все знает».

На своего внучка налюбоваться не могла. Шутка ли — младенец-то несмышленыш, а кормит всю семью, да как сладко!

Перед Ермошиным бегала на задних лапках, не знала, как лучше ему угодить. Но тот что-то скис. Перестал крутить седые усы, грустно смотрел на свою помощницу-тещу. «Не могу, говорит, в спокое жить, душа у меня широкая, требует вольного простора». Взял деньги (а их, видать, уже поднакопилось изрядно) и махнул в город.

В первую же ночь после отъезда Ермошина Мишаткина ночевала в горнице с Любой, и о чем они только не переговорили. Люба оказалась на редкость бесхитростной, простенькой девчонкой. Так все начистоту и выложила.

— Вначале, когда Антон Иваныч стал жить у нас в доме, все лез ко мне с поцелуями, называл меня ягодкой-малинкой, жить, говорит, без тебя, Любушка, не могу... Да противен был он мне. Я пожаловалась матери. Но мамка накричала: «Святой отец тебя уму-разуму учит, добра тебе желает, а ты, как дура, орешь». Вскорости Ермошин объявил родителям, что был ему голос с неба — велел взять меня в послушницы. Маменька и здесь ему не возразила.

Весной, чуть стало пригревать, отправились вдвоем на поклонение святым местам.

— Тут-то он и стал моим мужем. Перечить ему не могла — боялась, — призналась Люба.

Обошли много святых мест, были в разных городах. Он все твердил, что разыщет настоящего православного батюшку, который их обвенчает, но так и не нашел.

— Откуда взялся он, твой Ермошин? — поинтересовалась Мишаткина.

— Рассказывал пьяный, что будто работал колхозным кладовщиком, пропил добро и попал в тюрьму. Потом вышел оттуда, но работать было неохота, начал читать Евангелие, так в святые и вышел.

Осенью вернулись домой. Мать сразу заприметила, что Люба уже на сносях. Понятно, раскричалась, но потом они поладили. Ермошин сказал, что он задумал одно дельце. Любу велел пока никому не показывать, чтобы верующие не знали, что с нею случилось. Если родится девчонка, то назвать новорожденную богородицей, девой Марией, у которой потом, вроде бы, народится Христос — сын божий. Если Люба родит парня — то назвать сразу Христом. «Говорят ведь, — разъяснил Ермошин, — что скоро будет второе пришествие. Так пусть уж лучше Иисус Христос у нас народится, чем у кого другого. А бабы, они чему хошь поверят».

Люба пыталась возражать, но мать набросилась на нее: «Ты дура непонятливая, все делается для твоей пользы, знай молчи!»

— Я вижу весь обман, — рассказывала Люба, — и молчу. Разве супротив моей мамки пойдешь? Она у нас командир — похлеще Антона Иваныча будет!

— Прошло две недели, — продолжала Мишаткина, — как уехал Ермошин в город, а тут неожиданно заявился милиционер с повесткой. Хозяина дома вызывают в районную милицию.

Стали прятать мешочки с приношениями — боялись обыска. Вместе с хозяином отправили Мишаткину. Снарядили ее в старую ватную стеганку (зимней одежды у нее не было).

Вернулся отец Любы, рассказывает: «Проворовался наш Антон Иваныч. В универмаге примерил зимнее пальто с дорогим воротником и унес, не расплатившись. Следователь спрашивает — узнаете этого гражданина? Куда тут деваться — зять, говорю. Зачитали мне протокол с его признанием. Он с испугу все выболтал — и про Любку мою, и про внучка. Все эти дела, говорит, я делал, чтобы кормиться было легче. Сам-то я ни в бога, ни в черта давно не верю».

— На следующий день пришли в милицию вместе. Комната большая, посередине барьерчик. Привели Ермошина. Взглянула на него и обмерла. Исхудал, сгорбился, острижен коротко и усов нет. Чистый арестант! Лицо серое, отекшее, только большой хрящеватый нос торчит, как сук. Ну, думаю, был орел и не стало. Правду говорят — легко воровать, да тяжело ответ держать. Он, как увидел нас, заплакал: «Простите старика — жадность меня обуяла. Отвык свои деньги платить, жалко стало. Думал, одежи-то у них в магазине всякой много, не досчитаются пальтишка — спишут. Следователь сказал, будто бы дадут мне годков пять-шесть, а я столько в неволе не протяну. Силов-то у меня нет совсем, теперя уже не тот коленкор».

Отдали ему передачу. Поел немного и говорит: «Не сплю, не ем, нету желания. Сейчас бы мне для поправки чего-то покрепче, был бы совсем другой коленкор... Я тут надумал одно дельце. Сегодня дал показания на Алешку Угрихина, что он есть вредный человек для государства. Скостите, говорю, с меня срок наказания, а я вам помогу поймать Алешку и всю его шайку».

Поезд стоял минут двадцать. Я вышел из вагона проводить Мишаткину. Долго молчали, каждый думал о своем.

— Скажи честно, почему сразу, как вернулась от Ермошина, не сказала, что он предатель? Меня уже ищут. Кто-то расспрашивал обо мне соседей. Может, умолчала потому, что хотела подвести?

— Подвести, говоришь? Нет, Алексей. Добра тебе желаю, не подвести, а спасти хочу. Чем скорее заберут тебя, тем раньше ты опомнишься. Парень ты молодой, ловкий, а вот дурь напустил на себя, да и других закабалил. Объявись властям, расскажи чистосердечно, что, мол, по молодости закон нарушал, тунеядствовал, бродяжничал и других подбивал.

Я молчал. Потом с трудом заговорил.

— Трудно начинать жить по-новому... А как ты, Мишаткина, собираешься начинать новую жизнь?

— Просто, Алексей, очень просто. Выправлю паспорт, поступлю санитаркой в больницу, буду учиться. Семь классов у меня есть. Правда, кое-что позабыла, да вспомню, память у меня вострая.

Мокнем под дождем. Надо расставаться. Паровоз дал гудок. Пора.

— Вера, скажи на прощание свою фамилию. Вдруг когда-нибудь захочу разыскать тебя!

— Новикова. Вера Новикова. Запомнишь? По отчеству Ивановна. Прощай, Алексей! За правду не обижайся.

Сбор «юношей» был назначен на городском вокзале. Отсюда всей группой мы должны были добираться до святого источника — вначале автобусом, потом пешком.

Я сошел с поезда и сразу увидел наших девчат. Они стояли в стороне и подавали мне знаки, чтобы шел к ним быстрее. Лица у всех встревоженные. Действительно, случилось страшное. В селе Стараево был пожар. Несколько человек погибли. Поджег давно уже отошедший от нас наш бывший единоверец. Эта весть озадачила и напугала. Теперь все свалят на меня. Скажут — Угрихин давал такие наставления. Поездку на святой источник пришлось отменить, отпустить всех по домам. Я же поехал к старцу Василию.

Старец, выслушав меня, напугался еще больше, чем я. «Это, — говорит, — нашему делу наступил конец, молчание — одно наше спасение». Мне велел надолго укрыться в надежный тайник. В случае ареста приказал

всю вину взять на себя, ни одним словом не обмолвиться о нем. «Иначе, — говорит, — наше великое святое дело погибнет навсегда».

Старца трясло, как в лихорадке. Он не стал меня задерживать и через час отправил домой.

Мне казалось в ту пору, что не все еще потеряно. Меня, думал я, будут искать по селам, деревням, у святых источников, а я найду надежный тайник в городе и спокойно пережду надвигающуюся грозу. В похоронке никто меня не найдет. Однако наивные мои надежды не сбылись: не прошло и двух недель моего сидения в тайнике, как явился участковый с понятыми...

Почти год занимались мной и теми, кого я потянул за собой. Многое пришлось передумать. Не один месяц прошел, прежде чем я понял, что были мы не борцы за святое дело, а фанатики и тунеядцы; тогда стало мне стыдно за все, что я делал. Но это пришло потом. До этого времени надо было еще дожить...

ПОВЕРЯТ ЛИ МНЕ ЛЮДИ?

Прозрение мое началось в тюрьме. Я тяжело заболел, долго лежал в госпитале. И вот здесь начал читать книги, слушать радио, впервые за многие годы посмотрел кинофильм. Передо мной раскрывался совершенно новый мир, которого я раньше не знал.

Сначала «юноши» присылали мне письма, посылки, спрашивали совета. В ответ я писал, чтобы держались твердо и не поддавались мирскому соблазну. Но время шло, жизнь брала свое. Когда понял, что заблуждался, что принес себе и другим непоправимые беды, — стал писать «юношам», что они обмануты, что надо жить, как все люди. Письма и посылки перестали приходить. А на воле среди «юношей» начался раскол. Моему прозрению не поверили, многие решили, что я просто хитрю. Но так думали не все. Через некоторое время я начал получать письма от тех, кто понял меня правильно. Они просили благословить их на новую жизнь. Ко мне приехала сестра Варя со своим женихом Володей. Я благословил их на супружество, разрешил слушать радио, читать газеты, книги, ходить в кино и, главное, — трудиться. Убедил их, что во всем этом нет никакого греха.

Пока я был вдали от родных мест, у нас дома произошли большие перемены. Если говорить словами моих родителей, — «страх и ужас!».

Мои сестры — Анна и Варя — вышли замуж и оставили родительский дом. Брат Виктор уехал в город, стал работать на заводе. И только средняя сестра Катя все еще посещала святые места, ждала небесного жениха.

Родители, оставшись одни, не захотели жить в родном селе. Заколотили досками окна и двери своей избушки и перебрались к дальним родственникам в соседний район. Наша «благочестивая» семья распалась.

Я возвращался домой, горя желанием исправить то, что натворил, помочь тем людям, в чьей судьбе сыграл пагубную роль. Но поверят ли мне еще раз однажды обманутые мной люди?

И вот я дома. Родители встретили меня настороженно. Весть о моем приезде быстро облетела «юношей». Приходили поодиночке и группами смотреть, каким я вернулся. Стал и я ходить по домам, где жили мои бывшие последователи. Но разговора у меня с ними не получалось. В ответ на мои речи мне лишь неопределенно улыбались.

Однажды к нам в дом зашли несколько девчат из соседнего района. Были они у святого колодца и по пути заехали проведать меня. Я лежал на койке, видеть никого не хотелось, прикинулся спящим. Мать встретила их приветливо. Начались, как обычно, объятия, поцелуи.

— Ну, как здоровьице Лешеньки? — наперебой спрашивали девицы.

— Все хорошо. Вот только — сказать страшно: умом, никак, тронулся, — скорбно отвечала мать.

Меня так и подбросило. Вон оно что! Вот почему так странно принимают меня бывшие единоверцы.

— Что же это он?! Ох ты, горе-то, горе, — заохали девчата, но чувствовалось, что они эту «новость» слышали.

— Все примудривает, делает все наоборот, все отвергает, над чем сам трудился и чему нас учил. Поста не блюдет, лба не крестит. Умом стал, как малый ребенок, — и мать тихо заплакала.

Я не выдержал, вышел:

— Чего это, маманя, вы напраслину возводите? Каким

был, таким и остался. И умом не тронулся. А вот в бога не верую — это уж точно так.

Гостий наших словно ветром сдуло — побросав узелки (приношения для меня), выбежали на улицу. Ну, думаю, теперь весть разнесется по селам и меня окончательно зачислят в умалишенные.

У родителей тут был свой расчет: они считали — лучше признать меня помешанным, чем согласиться с тем, что я, старший брат по духу, проповедник и руководитель истинно православных христиан, отказался от веры в бога по собственной воле.

ПРОЩАЙ, МИШАТКИНА!

Разболелись зубы. Чтобы попасть в больницу, пришлось ехать в город. Сижу в городской поликлинике, прижав ладонь к щеке. Больных много. С тоской посматриваю на большую очередь. По коридору снуют врачи и медсестры. Вдруг одна, в очках, повернулась и странно на меня посмотрела. Что-то знакомое показалось в ее облике. Да это же Мишаткина! И она меня узнала. Стоим, рассматриваем друг друга. У меня словно язык отнялся.

— Вы, слышала я, кажется, были... там? — замявшись, спросила она.

— Да, был... — отвечаю неохотно.

— А что сейчас? Работаете?

— Нет, не работаю. У отца живу. Болею.

— Да, вид ваш не нравится мне, — сказала она сочувственно, с тревогой всматриваясь в мое лицо. — Знаете что, я покажу вас врачам — терапевту, невропатологу?

— Не хочу. Так поправлюсь... Не спрашивайте меня ни о чем. Лучше расскажите о себе. Вы так изменились...

— Алексей,— перебила она, что это все «вы» да «вы». Давай говорить, как прежде, на «ты». — Она бросила на меня быстрый взгляд, чему-то улыбнулась. — Да, я действительно изменилась, изменилась так, что сама этому не верю. — И стала рассказывать о своей новой жизни.

После того как мы расстались с ней на вокзале, она поступила санитаркой в больницу. Работала не покладая рук. Ее заметили, оценили. В это же время ходила в вечернюю школу. За два года подготовилась и поступила в медицинский техникум.

Училась как одержимая. Молоденькие однокурсницы вечерами бегали на танцы, а она сидела за книгами. Знания давались нелегко — было ей уже под тридцать. А еще приходилось подрабатывать в областной больнице.

— И так четыре года! Знаешь, Алексей, не могу удержатся — похвастаю: диплом-то у меня с отличием.

Я слушал ее, смотрел на новое — красивое и умное лицо и не переставал удивляться. Уж не сон ли это? Надо было сказать ей что-то — «молодец» или «рад за тебя», а я растерялся и вдруг спросил:

— А замужем?

— Нет, Алексей, не замужем. Сейчас вот снова сижу над книжками. Решила осенью поступить в медицинский. Хочу быть врачом.

Вдруг она остановилась, видимо не решаясь спросить прямо:

— Ты все еще с «юношами»?

— С этим все покончено, Вера.

— Рада за тебя, Алексей! Очень, очень рада! — она вспыхнула, протянула мне руку, что-то еще хотела сказать или спросить, но в это время подбежала к нам девушка:

— Вера Ивановна! Вас ищут, главный вызывает.

Вера слегка развела руки, как-то знакомо склонила голову набок:

— Извини, исчезаю. Адрес мой, — она назвала улицу и номер дома, — живу с подругой в общежитии. Жду. Обязательно приходи. Обязательно! — и, застучав каблучками, скрылась за поворотом коридора.

Расстроился я от этой встречи так, что забыл про свои больные зубы — и ушел, не побывав у врача.

Переживал потом долго, не одну неделю, перебирая в памяти каждое слово нашего разговора. Нет, такие встречи не для меня. Нервы, видно, сдают. Прощаясь со мной, она сказала: «Исчезаю». Да, Мишаткина, которую я хорошо знал, действительно исчезла. А с Верой Ивановной я незнаком. Адрес не запомнил. Да и не нужен мне адрес... Прощай, Мишаткина! Будь счастлива!

Вернулся домой в деревню. Но оставаться там было невозможно. Меня раздражали домашние моления, коптящие лампадки, скорбные взгляды родителей. От всего хотелось сбежать куда-то на простор, ближе к природе и подальше от людей.

Наступили теплые весенние дни. На поля прилетели грачи, зазвенели в оврагах ручьи. И я решился. Чуть пообсохли дороги, взял посошок, котомку и побрел по знакомым и незнакомым местам, чтобы досыта насмотреться на природу, успокоить стонущую душу.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Была середина мая. Я неторопливо шел по хорошо накатанной дороге и подставлял лицо ветру. Поля густой изумрудной зеленью уходили за горизонт, земля источала потоки теплого, парного воздуха, млела от солнца.

Не думая о том, куда иду, я перебирал в памяти события последних дней. Всю весну, не торопясь, с остановками, прошагал по деревням и селам. Дышал — и не мог надышаться вольным воздухом. Свобода! Мне нравилось быть одному. Оброс длинными волосами, рыжеватой бородой. Борода исправно служила службу: мне охотно подавали на пропитание. Святые источники обходил стороной. Не хотелось вспоминать юношеские годы. Да и знакомые могли узнать...

В первые дни моего путешествия заглянул я к давней знакомой — Настасье Лукиной. Помню ее очень набожной, беспокойной, даже подчас сварливой, но в общем-то доброй. Муж ее умер, оставив ей пятерых дочерей. Жили бедно, но в колхоз не вступали по религиозным убеждениям. Они одними из первых примкнули к «юношам».

В прошлом мы часто собирались в доме Лукиной, я хорошо знал эту семью. Девчонки росли лесенкой—одна за другой. Старшая была ровесница мне, а младшей, наверное, было лет десять. Девчата жили тихо и незаметно, как тени, не зная житейских радостей, — посты и молитвы, молитвы и посты. Жили тем, что обряжали иконы. Готовый товар сбывали по селам.

По доброте своей тетка Настя призрела двух круглых сирот — Ивана и Петра. Лет им было 15—16, ребята тихие, безобидные. Вначале жили по неделе-по две, мастерили киоты для икон, потом остались на всю зиму, да так и прижились. Пришло время вставать им на воинский учет — вот тогда-то я и упрятал их от посторонних глаз. Под моим надзором вырыли они в доме яму-похоронку и, спасаясь от армии, засели там на долгие годы.

Как же теперь живет эта семья, неужели ничего не изменилось? Прошел мимо дома. Окна плотно занавешены, на дверях, на окнах нанесены мелом свежие кресты. Да, значит, все по-старому. Дверь наружная всегда закрыта на крючок, стучаться в нее не имело смысла.

Решил зайти со двора. Открыл тихонько дверь и ввалился в дом. Вся большая семья в сборе. Обедают. Сидевший крайним на лавке лохматый длинный мужик резво вскочил и убежал в горницу. Другой, тоже лохматый, будто двойник первого, хотел было подняться из-за стола, но замешкался. Все растерянно смотрели на меня, забыв о еде.

— Мир дому сему! — привычно воскликнул я. Но за столом — молчание. Только все вопрошающе зыркали глазами в сторону Настасьи. А она рот раскрыла, растерялась, тоже молчит.

— Тетка Настя, это я, Алексей! Не признали, что ли?

Настасья лицом просветлела, засуетилась, бросилась ко мне.

— Лешенька! Лешенька! Вот не ждали, — она прослезилась. — К столу, к столу, милости просим, щец похлебаешь с нами. Прости уж ты меня, сразу-то не признала. Видно, стара стала...

Девчонки выскочили из-за стола и, по обычаю «юношей», встретили поцелуями. Крикнули успевшего прыгнуть в яму-похоронку Ивана. Стоят передо мной два братца-затворника Иван и Петр, оба долговязы, сухопары, волосаты — никогда бы не узнал.

Садясь вновь за стол, все чинно перекрестились. Я воздержался. Это не осталось незамеченным. Переглянулись. Тетка Настя поджала губы. Девицы обедают, опустив глаза, подчеркнуто скромные. Да, повзрослели девчата, похорошели: курносенькие, с милыми рыжеватыми веснушками на щеках. Братцы выглядят диковато — дремуче заросли волосами.

Перед каждым глиняная миска с постными щами, ложки деревянные собственного изготовления. На столе крупно нарезанные ломти ржаного хлеба, отварная картошка, по кружке квасу. Едят не спеша, молча (разговаривать за столом не полагается — грешно).

Невольно взгляд остановился на старшей. Вспомнил, зовут Марией. Но что это? Лицо в желтых пятнах, живот уперся в край стола. Вот тебе и христова невеста!

Отобедав, поднялись разом из-за стола. Покрестились на иконы, поклонились матери, сказав «благодарствуем». Я тоже поблагодарил хозяйку, но не перекрестился. Девчата убрали со стола, мать махнула рукой в сторону горницы, сурово сказала: «Идите с богом». Тут же плотно закрыла за ними дверь.

Села против меня, постаревшая, вся седая, глаза пустые, выцветшие. Спрашиваю:

— Ну, как тут без меня живете?

Ответила не сразу. Опустила голову, выражение лица скорбное.

— Да все так же, Алексей, как ты нас поучал. Твердо блюдем твои наставления, боимся прогневить бога. Хотя и тяжко нам, но Христос страдал за нас, теперь мы страдаем за него. — Перекрестилась, тяжко вздохнула.

— Сам-то ты, что же? За стол сел, а крестом себя не осенил. И после трапезы также... Вспомни-ка, чему нас учил.

Наступило тягостное молчание. Она ждала ответа.

— Да ведь чему учил — все ложь, тетя Настя. Виноват перед тобой, прости. — Вижу, смотрит с сожалением, не понимает.

— Значит, правду люди говорят — примудряешься, хитришь... Скажи уж, не мучай. — Настасья смахнула со щеки слезу, — как тебя понимать-то надо? У тебя что, с головой неладно? Может, проверяешь, твердо ли стоим на истинном пути? По нынешним временам многие ушли из истинного православия, забыли бога. А мы вот все держимся. Чего-то все ждем, а конца, видать, не будет.

И стала жаловаться на свою тяжелую жизнь.

— Семья большая; кормов не хватает. Спросу на наши иконы нет. На заработки никуда не ходим, греха боимся. В доме беда за бедой — Мария с Иваном слюбились, да так, что трактором не растащишь... Скоро уж и дите будет. А куда с дитем? Надо идти в сельсовет, записывать, а там спросят — отец где? А отец вот он — который год хоронится от людей, нет ни пачпорта, ни документов. Как им объявиться — ума не приложу. А вдруг их за это в тюрьму? Опять грех падет на душу — не уберегла...

Слушаю ее и чувствую, как ее укоры падают на меня. А Настасья все говорит и говорит:

— Эти девки с ума меня скоро сведут. Что с ними делать? Заметила как-то, что у Таиски с Петром секреты завелись, выговорила ей, а она мне в ответ: «Сама на себя, маменька, погляди. Пятерых нас нарожала, греха в том не было, а нас взаперти держишь. За всю жизнь в кино ни разу не были, грамоте по-настоящему не обучены, подружек у нас нет, молодость загубили и сами не знаем, ради чего. В святые все равно не попадем, ждем конца света, а его все нет и не будет...» Я от расстройства с неделю в постели лежала, смерти ждала. А тут смотрю и того хуже — остальные девки заодно с младшей. На молитву не дозовешься, послушанья ни в чем не стало... А на днях Таиска такое мне сказала, пересказывать — язык не поворачивается. «Я, говорит, маманя, скоро тебе внуков нарожаю, будешь с ними возиться. Мы с Петей как муж и жена...»

Настасья тихо плакала. Я смотрел на пожилую, утомленную житейскими невзгодами женщину и не знал, как ей помочь. Понимал, что мои советы Настасья не примет. Подыскать бы, думаю, изречения из Евангелия, которые ее бы к нормальной жизни повернули. Помочь ей надо, ведь это я толкнул семью на такой страшный путь. Вслух говорю:

— Я помогу тебе, тетя Настя, но ты не противоречь мне.

Смотрит на меня с надеждой, словно ждет чуда.

— Ладно уж, делай, как знаешь. Согласна.

Зашли с Настасьей в горницу. Вся семья в сборе, видно, нас ждут. Здесь, в этой большой комнате, как и прежде, множество икон, горящих лампадок, окна занавешены, полумрак, духота. Ни слова не говоря, подхожу к окнам, отодвигаю занавески, раскрываю окна настежь. Пахнуло свежим воздухом, по комнате забегали солнечные зайчики.

— Ну вот что, сестры и братья! Я, как бывший старший ваш брат по духу, даю новые наставления. Говорю это вам с полного согласия вашей родительницы, Настасьи Андреевны. С этого дня кончилась ваша затворническая жизнь. Надо жить, как все люди, работать, учиться; кто хочет, может создавать семью — никакого греха в том нет. И в святом писании сказано — что человеку полезно, то и богу угодно.

Говорю им такие страшные слова (если судить по прежним временам), а они сидят на лавках, опустив глаза, и никакого впечатления. Помолчал немного и опять продолжаю.

— Вот Иван с Петром схоронились в похоронку, боятся служить в армии. Если все так сделают, то кто тогда будет охранять от врагов и супостатов нашу Родину, наш дом? Сегодня же, братья, сломайте тайник, забейте лаз, а завтра идите в райвоенкомат... Будете все работать — заживете по-людски.

Вижу, повеселели от моих слов. Таиска, та на месте не может усидеть, порывается что-то сказать. Только одна из сестер — Серафима невеселая: сидит, надвинула на глаза платок и сердито сверлит меня глазами.

— Вот, — опять говорю им, — Таиска с Марией вышли замуж, а ведь греха в этом нет. Если бы люди жили без потомства, то и жизнь на земле перевелась бы. Надо нашим молодым выправить паспорта и зарегистрироваться, как положено по закону.

Только это произнес, как Серафима раздраженно крикнула:

— А мы не верим тебе, Алексей! Может, ты лжепророк и нас в лукавство смущаешь? Нету в святом писании такого, чтобы девицы выходили замуж...

Все притихли, ждут, что я отвечу.

— Ну, что же, — говорю, — давайте посмотрим священное писание, почитаем, что в нем написано.

Таиска сразу побежала в сени, принесла оттуда старенькую книгу в черном переплете. Спрашиваю: кто грамотный и может читать? Предлагаю Серафиме, которая задала вопрос. Она отказалась — училась, мол, в школе всего два года и читает плохо. Читать взялась Таисья.

— Первое послание апостола Павла к коринфянам, — бойко начала она. — «...Во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа», «...Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит», «...выдающий замуж свою девицу, поступает хорошо»! — И захлопала в ладоши.

Сразу все оживились, заулыбались, и в пол уже не смотрят.

— Ну, а насчет работы как думаете — надо ли верующему трудиться?

Нахожу второе послание к фессалоникийцам, главу третью. Тася читает:

— «Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день». И еще: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

Окружили меня, наперебой спрашивают, почему раньше не знали этого. Лица веселые, куда и скорбь делась. Громче всех шумит Таисья:

— Ну что? Говорила я вам, говорила всем — жить надо, как люди, а вы не верили!

Проговорили допоздна. Потом всей гурьбой пошли прогуляться по деревне, такого давно с ними не случалось. Только мать с Марией остались дома.

Утром следующего дня мы все отправились в сельсовет за справками для получения паспортов. Потом повел братьев в районный военкомат. Когда прошли медосмотр, когда выяснилось, что они почти неграмотные, дали им такой ответ:

— На службу военную вас взять не можем по слабому вашему здоровью и дикой отсталости. Советской Армии нужны парни здоровые, грамотные. Живите пока дома, работайте. Когда будете нужны — вызовем.

Проводили меня Лукины хорошо. Настасья даже прослезилась и поблагодарила. «Вывел ты, говорит, нас, Алексей, на дорогу, теперь уж мы будем по-хорошему». Таиска с Петром проводили меня далеко за деревню. Я по старой памяти благословил ее и Петра на новую жизнь.

Другая встреча.

Устало передвигая ноги, иду вдоль нескончаемо длинной улицы большого села. Примечаю, как все вокруг добротно, во всем виден хозяйский догляд. В центре села — новый промтоварный магазин, рядом почта, чуть подальше — средняя школа с молодым садом; в домах электричество. Остановился у колонки, ополоснул потное лицо, напился, набрал в бутылку холодной воды про запас, зашагал было дальше и — остановился: на меня смотрел распахнутыми окнами новый, с открытой верандой, удивительно красивый дом. В палисаднике посажены молодые березки, у нарядного крылечка рябина, невысокая оградка и калитка окрашены голубой краской, снаружи у калитки—аккуратная голубая скамеечка. Почему-то сразу, как увидел эту скамеечку, от усталости заныли ноги, засосало под ложечкой — захотелось перекусить, отдохнуть.

Присел на скамейку, снял заплечную котомку, достал кусок хлеба, бутылку с водой,— и завтрак мой готов. На веранду вышла пожилая женщина и не спеша направилась ко мне. «Неужели прогонит?» — мелькнула мысль. Под-

села рядом и стала спрашивать, куда путь держу, откуда иду. Разговор для меня привычный. Отвечаю как следует, по порядку, а сам все пристальней всматриваюсь в ее лицо. Что-то знакомое в облике — убрать бы седину, набежавшие у глаз лучики-морщинки... Неужели?! От этой мысли прихожу в волнение.

— А ведь ты тетя Груня, а дочку твою зовут Оля-соловей, не так ли?

Она испуганно вскинула чистые, молодые, как у Оли, синие глаза.

— Да, угадал. Меня Аграфеной зовут. Все верно... Оля-соловей, говоришь? Так-то ее давненько не называют. Ты сам-то откуда про нас слышал?

— Соловьем я назвал Олю, когда пела с нами, у святых источников. Потом она вышла замуж, потом помер муж, потом от расстройства заболела. Верно я говорю? Оля должна меня признать. Зовусь Алексеем. Был в ту пору проповедником.

Отшатнулась Аграфена.

— Нет, мил-человек, что-то я тебя не припомню... Имя слыхала, а в лицо... нет, не помню. Верно, бывали мы у святых источников и в хору пели. Народу там толпилось много всякого. Давно это было. Оля тогда тяжело заболела. Чуть не загубили ее...

Голос ее дрогнул, на глазах навернулись слезы.

— Не надо, тетя Груня. Я все это видел, знаю. Хотел тогда спасти Олю от издевательства, да не сумел. Ну, а сейчас как живете? Ты сама-то, видно, в этом богатом доме с детьми возишься?

Аграфена ничего не ответила, только поглядела долгим, изучающим взглядом.

— Ну, ничего, ничего, тетя Груня. По себе знаю, как тяжко по чужим-то дворам... Если горестно, то не надо рассказывать. Только скажи про Ольгу — что она? Жива, здорова?

— Оля, слава богу, здорова, давно замужем, двое уже деток...

У меня кровь бросилась в голову. Бормочу, что, мол, желаю Оле и деткам здоровья, а сам думаю, надо скорее уходить, а то придут Оля с мужем, начнутся расспросы, сожаления.

Поднимаюсь со скамьи, а тетка Груня хватает за мешок, не отпускает. Пока, говорит, не отобедаешь, не отпущу. Оля, оказывается, уехала в район на совещание, муж ее приходит с работы поздно, ребятишки еще в детском саду.

Вошли в дом. Квартира устроена по-городскому. Обстановка хорошая — уют и благодать; кругом книги. Посмотрел по углам, икон не видно. Аграфена заметила мой взгляд.

— Бог нам не подмога, верим в хороших людей!

Посадила меня Аграфена за стол, сытно накормила и отпустила только после того, как рассказала со всеми подробностями про Олину жизнь.

...Вернулась Оля со святого источника после «лечения» едва живая: потеряла голос, говорила только шепотом. Так совсем бы и зачахла, но тут неожиданно пришла помощь. Председатель колхоза, Петр Кузьмич, посадил дочь с матерью на машину и сам отвез в город. Оттуда отправил их с письмом в Москву к своему брату. Олю устроили в больницу. Через месяц выписалась она совсем здоровой. Уезжала домой вместе с матерью. Третьим пассажиром в купе оказался молодой человек. Сразу же уступил свое нижнее место, а сам устроился на верхней полке.

— Лежит там, держит перед собой газету, будто читает, а сам все посматривает на Олю и внимательно слушает наши разговоры. Вдруг спрашивает у Оли: «Скажите, девушка, в ваших краях есть леса, речка?» Оля от неожиданности растерялась. А я тут же отвечаю, что лучше наших мест на свете нет. Больше он ничего не спросил, а сам все смотрит на Ольгу, глаз с нее не сводит. Мы крепко уснули. Проснулись в седьмом часу утра, а пассажира нашего и след простыл. Смотрим, на столике письмо лежит, на конверте надпись: «Для вас, Оля».

Аграфена поднялась из-за стола и принесла из спальни письмо.

— Бережем мы его. Память на всю жизнь. С него, с письма, ведь все и началось.

На вырванном из блокнота листке мелким, беглым почерком написано: «Оля, я вижу вас впервые, ничего о вас не знаю, но я полюбил вас, выходите за меня замуж...»

Эту первую фразу, поразившую меня своей категоричностью я перечитал несколько раз. Такое мог написать или очень легкомысленный парень или зрелый человек, хорошо знающий цену своим словам и поступкам. А потом я вспомнил Олю-соловья, какой она была в юные годы, и понял, что в письме нет ничего удивительного. Только такими словами, честно, открыто, и можно было с ней разговаривать.

Федор Тарасенко (так звали этого человека) писал, что ему 26 лет, что он закончил сельскохозяйственный институт, любит землю и хочет работать в колхозе агрономом. Просил, чтобы Оля сообщила ему свой адрес.

Удивительно, но ни Оля, ни мать не обратили внимания, каков он, этот парень. Оля решила, что письмо — шутка, хотела его порвать, но мать не разрешила. Отвечать на письмо Оля отказалась наотрез. Года еще не прошло, как погиб муж.

Аграфена потихоньку показала письмо Петру Кузьмичу. А тот возьми и напиши Федору коротенькое письмо — пригласил его в колхоз агрономом. И об Оле написал всю правду, как есть. О том, что она потеряла мужа, что человек она прекрасный...

Вместо ответа через два месяца Федор приехал сам. В первый же день пришел к Аграфене, познакомился с ней и Олей. Рассказал им о своей жизни. Он быстро вошел в общее русло колхозной жизни. Председатель души в нем не чаял.

Оля постепенно привыкла к Федору. Прошло какое-то время, и они сыграли свадьбу. Посажёным отцом был сам председатель. Вскоре отпраздновали и новоселье — по решению правления колхоза агроному Федору Тарасенко построили новый дом.

Первую дочь назвали Леночкой. Потом родилась Оксаночка. Оля стала учиться, Федор ей помогал. Закончила курсы по дошкольному воспитанию, сейчас заведует колхозным детским садом.

Мне стало яснее ясного, что спасать тут некого: все решилось и без меня самым наилучшим образом. Как ни хорошо меня приняли, а пора было уходить — Аграфена торопилась в детский сад за детьми. Прощаясь со мной, она спросила, что передать Оле.

— Скажи, что случайно проездом был Алексей, бывший проповедник. Не надо знать ей, что плутаю по жизни — ищу самого себя и пока мне это дается трудно. Скажи еще — не верит, мол, Алексей в бога. Твердо не верит.

Не знаю, поняла ли меня Аграфена или не поняла, но расстроилась и всплакнула.

— Может, денег тебе дать, Алексей? Подожди Федю, он тебя устроит на работу.

Поблагодарил я Аграфену за доброе участие, за хорошие новости, и — снова в путь. Правда, денег немного взял. Не было у меня тогда ни копейки. На хлеб взял да на проезд.

Зашел в родную Каменку. Еще издали увидел кудлатые ветлы — красу нашего села. Они выросли, раскинулись вширь. Первым с краю — мой отчий дом. Избушка заколочена досками, слепа и глуха. Поклонился ей, как своему детству, и отправился по селу, посмотреть, каким оно стало.

Да, меняется облик дорогих сердцу мест... Был воскресный день. Парни и девушки собрались около клуба, многие приехали на велосипедах. Одеты по-городскому, нарядно, празднично. Я смотрел на шумливую молодежь издали и не решился подойти ближе. Мои-то сверстники уже давно свое отыграли, отпели красивые песни, и меня тут никто не помнит...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бродячая жизнь за лето надоела. Пошли дожди, тяжела от грязи дорога, да и перебиваться случайными заработками было совестно. Где крыльцо починю, где оградку поправлю, вывеску для магазина нарисую, и все за небольшую плату — за кусок хлеба, за тарелку супа. Все сильнее тревожила мысль — как начать новую жизнь? Надо устраиваться на работу, но куда, кем? Ни к чему не приспособлен, настоящего ремесла не знаю, да и физических сил не так-то много. Вот если бы попробовать устроиться в клуб или на завод художником-оформителем — рисовать я любил с малых лет. Но ведь при поступлении на работу спросят документы об образовании, а их у меня нет...

В нашем районе после войны вырос большой машиностроительный завод, и я решил махнуть туда. Для нача-

ла, думаю, хотя бы узнать, как оформляют на работу, какие документы потребуют. Нахожу табличку на дверях: «Отдел кадров».

Угол комнаты отгорожен барьерчиком, и там за столом быстрый чернявый парень. Что-то пишет, подумает, постучит карандашиком и снова пишет. Не знаю, с чего начинать разговор, ведь я никогда на работу не поступал.

— Гражданин начальник, — спрашиваю тихо, несмело, — разрешите обратиться?

— Обращайся, обращайся, старина, — не глядя на меня, отвечает он.

— Мне бы на работу...

— На работу? — он поднял голову и пристально посмотрел. — Ваша профессия, образование — низшее, среднее, высшее? Где, кем работали, на какую должность желаете поступить? — бойко зачастил он, пристукивая в такт своим словам карандашиком. Я молчал, собирался с духом.

— Ну, что же ты, старина, молчишь? — и он снова так же быстро стал перечислять вопросы, а сам опять карандашиком — тук-тук-тук.

— Видите ли, гражданин начальник, я никогда нигде не работал...

— Как это не работал? Дожил до старости — и не работал?

Молча подаю справку из мест заключения.

—Теперь ясно, почему у тебя: «Гражданин начальник, гражданин начальник».

Он прочитал справку еще раз.

— Э, да мы с тобой ровесники, а я тебя в старики произвел. — Он постучал карандашиком по столу, покрутил головой, видимо, решал, что же со мной делать.— Начнем вот с чего. За углом парикмахерская, сходи туда и прими человеческий образ. Капиталу у тебя, конечно, нет — он быстро поискал в карманах и положил на барьер мелочь,— жилья тоже нет. Ясно! Профессии нет, образования нет. Семьей не обзавелся. Так, так... Куда же тебя? Только и годен ты на стройку, рыть траншеи. Это пока, потом осмотришься, получишь специальность. Еще молодой, выбьешься в люди. Койку для жилья получишь в общежитии. В больнице пройдешь медосмотр — вот направление. Но прежде все же гриву-то сними. Ясно? Действуй! Вот так! — И снова бойко, весело, как дятел на суку, застучал карандашиком.

Я взял свою котомку и побрел к двери.

— Эй, что же деньги не берешь?

Я молча вышел из конторы. Не надо мне ни денег, ни койки, ни больницы, ни парикмахера. Лучше остаться таким, каков есть. «Ишь ты! Борода моя ему не понравилась. Ничего, как-нибудь прокормлюсь. Кусок хлеба, и больше мне ничего не надо»,— повторял я в обиде.

С такими тяжелыми мыслями шел я на вокзал, чтобы здесь скоротать ночь, а потом уехать к брату.

Утром ко мне на лавку подсел пожилой рабочий и стал расспрашивать, кто я да куда путь держу. Чтобы он отстал, сказал прямо, что вернулся из заключения. А он опять: «За что сидел?»

Я не хотел говорить правду и промолчал. «Бывает»,— протянул мой собеседник понимающе. О себе сказал, что он слесарь, работает на заводе, а сейчас ждет дочь, которая должна приехать с московским поездом. В это время в зал вошли двое, видимо, муж и жена, и с ними маленькая девочка в красном летнем пальто, большим бантом в льняных кудряшках. Мужчина лет тридцати, чуть выше среднего роста, плечист, причесан гладко, в плаще. Женщина под стать ему — рослая, хорошо одетая: светлые волосы скручены в пышный узел. Мужчина повернулся ко мне лицом. Неужели Семен? Мужчина спокойно оглядел

зал, увидев рабочего, сидевшего со мной, вежливо с ним поздоровался.

Когда они вышли на перрон, я спросил у соседа, с кем он только что поздоровался.

— Живет рядом в заводском доме. Инженер.

— Ты мне фамилию, фамилию скажи! — нетерпеливо попросил я.

— У нас все его знают. Волков, Семен Ильич Волков.

— С женой?

— Да, Елена Дмитриевна завучем в школе работает.

Услышав это имя, я задохнулся. «Ведь это же Ленка!»

Опустив, как преступник, обросшую голову, я неслышно подошел к ним сзади. Они неотрывно смотрели на пробегающие вагоны. Стою рядом и смотрю: это она, Лена! Вот и встретились через много-много лет друзья детства. Снова вместе! Вместе ли? Я стою в двух шагах от них, но как отверженный. Не могу сказать им доброго слова, не могу подать руки, не могу признаться, что это я... Пора уходить. Своим видом чего доброго ребенка испугаю.

Я еле добрел до привокзального скверика. Нервы совсем сдали. Обессиленный, лег на скамью и зарыдал. Вот итог прожитых лет: ни родни, ни друзей, ни близких — никого и ничего... Ни здоровья, ни умения жить и работать. Потеряна молодость, больше — потеряна вся жизнь. Кто же повинен в этом? Бог? Нет, бог здесь ни при чем. Только я сам...

Проснулся, когда солнце перевалило далеко за полдень. Тело затекло, голова разламывалась на части. И тут что-то страшное навалилось на меня. Зачем живу? Кому я нужен? Меня словно кто-то толкнул. Не помню, как оказался я на окраине поселка, как вышел на полотно железной дороги и зашагал по бесконечно тянувшимся рельсам.

Вот из-за поворота показался поезд. Надо было решиться — и тогда все сразу уйдет в небытие. Паровоз совсем близко! Тревожный, предостерегающий гудок. Наплывает страшный грохот... За какую-то долю секунды я успел соскочить с рельс. Тугая, жаркая волна швырнула меня в сторону...

Снова тишина. Я стою внизу насыпи. Тревожными ударами выстукивает сердце... Рядом зеленая лесная полоса, слышу — поют птицы. Белые облака в высоком голубом небе плывут тихо и величаво. Все вижу четко, ясно, словно в первый раз. Мое существо заполняет нахлынувшая радость — жив, жив... Все, что вижу, все мое! Сжимаю в руке посошок, отполированный до блеска за долгие путешествия по сельским дорогам...

Выхожу на шоссе. От предзакатного солнца дорога местами блестит яркими медными отсветами и уходит за горизонт, а зовет куда-то далеко-далеко.

Бросив посошок, я зашагал по ней легко и радостно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На областной художественной выставке экспонировались картины самодеятельных художников. Многие посетители задерживались у небольшого полотна, висевшего у самого выхода. Пейзаж был написан маслом в радостных солнечных тонах. Низкий берег озера, поросший весенней зеленью, у самой воды — залитая светом стройная береза, голубое с белыми барашками небо, опрокинувшееся в синеву озера.

Каким же зорким должен быть художник, который увидал и передал взволнованную простоту бытия!

Под картиной подпись: «Радость». А. Е. Угрихин. Электромонтер».

— Ну, что ж. Здравствуй, Алексей!

Земля отвечает

И ВОТ ОН ВСТАЛ НАД ВЫИГРАННОЙ БИТВОЙ,
И СОЗДАЛ ХЛЕБ, И В ОБРАЗ МЫСЛЬ ОБЛЕК...

Н. Грибачев.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ.

Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 11

Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина — 50 лет.

Еще до революции группа ученых безуспешно пыталась создать крупный научно-исследовательский институт опытной агрономии. После Октября научные работники представили в Совнарком проект Российского института сельскохозяйственных наук, поддержанный Академией наук и Народным комиссариатом земледелия. 21 мая 1918 года комиссия Совнаркома обсудила проект декрета об учреждении такого института. Владимир Ильич Ленин одобрил это начинание ученых, сделал замечания по организационному строению будущего научного центра.

Гражданская война внесла свои поправки в даты, задержав осуществление проекта. I съезд Советов, принявший в декабре 1922 года историческое решение о создании Союза ССР, поставил на повестку дня и вопрос о научном институте сельского хозяйства. Через два года было создано первое его звено — Институт прикладной ботаники и новых культур (впоследствии знаменитый вавиловский ВИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства). 25 июля 1929 года Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял решение о создании Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина — ВАСХНИЛ.

Совершался небывалый историко-социальный процесс: наука со своими возможностями, методами исследования обращалась к сельскохозяйственному производству. Древнейший промысел рода человеческого, с которым вошло в общественную жизнь понятие труда (Библия зафиксировала переход к земледелию легендой о лишении человека райской жизни: в поте лица твоего будешь есть хлеб), позже других вступил на путь прогресса. Причин тому было немало — исторических, экономических, социальных. И одна из них заключалась в длительном господстве здесь иррационального, магического начала, различных религиозных представлений, начиная с древнейших.

Отдавая под небесное покровительство богов, святых посев и жатву, плодородие почвы и дожди, здоровье скота и сохранность урожая, крестьянин окружил труд тщательно разработанной системой обрядов, сезонными праздниками, передавая их следующим поколениям вместе с ценностями иного рода — конкретными трудовыми знаниями, трудовым опытом. Религия своими установлениями закрепила в сознании людей представление о необходимости «церковной агрономии». В дореволюционной России начало сева обставлялось как священнодействие, в котором ведущая роль отводилась служителю церкви. Он освящал зерно, поле, в молебне просил у бога урожая и был первым засевальщиком — брал семена, бросал их в землю.

И зерно это было особое, собранное в рождественский сочельник, во время колядок, вымолоченное из последних колосьев. Так заботились о качестве, всхожести посевного материала.

«Пошли, господи, в поле хлеба, на дворе живота», — просил сеятель. Или обращался к излюбленным в крестьянском хозяйстве святым: «Пророче божий Еремия, подними сетево», «Борис-Глеб, уроди хлеб», «Святой Федул, теплом подуй», «Святой Фуст, сей овес под куст и уроди густ».

Специальные молитвы адресовались покровителям скота — Власию, Георгию, Фролу, Лавру. Арсенал «церковной агрономии» составляли освященные просфоры, пасхальные куличи, лесенки и кресты из теста, выпекавшиеся по определенным религиозным праздникам, связанные с определенной стороной христианского вероучения. Нищета, социальная придавленность, во многом способствовавшие утверждению религиозной веры, углубляли чувство зависимости человека от капризов природы, что играло немалую роль в формировании мировоззрения людей, их психического склада.

...Начало советской сельскохозяйственной науки было стремительным и крупномасштабным. Деятельность нового научного центра—это время легендарного первого пятилетнего плана, который стал для нас «символом революционного преобразования действительности, высоких темпов экономического роста, научного планирования, трудового подвига народа», как о нем сказано в постановлении ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». В ходе гигантских социальных перемен на селе, в процессе переустройства аграрного производства на основе коллективизации совершался переход широких масс крестьян к новой социальной жизни, к иным формам взаимоотношений с землей, к безбожному мировоззрению.

Новой академии предстояло охватить сферой своего влияния всю страну, объединить научные силы в огромной отрасли знаний, вырастить новые кадры, поднять отсталый сельскохозяйственный промысел до уровня механизированного высокопродуктивного производства. Для этого требовалось, как сказал замечательный ученый и организатор науки первый президент ВАСХНИЛ — Н. И. Вавилов, «пробудить творческую работу, сконцентрировать ум на важнейших задачах сельского хозяйства, попытаться найти новые пути...» Ибо только высокий научный потенциал отвечал темпу жизни, производству, удесятеренному коллективным творчеством народа.

Вернемся снова к тексту и выводам постановления ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Там сказано так: «Накануне первой пятилетки в стране насчитывалось 24 млн. раздробленных крестьянских хозяйств, оснащенных примитивным инвентарем. В настоящее время сельское хозяйство СССР представляет крупное механизированное производство, в котором активно идут процессы специализации и концентрации на основе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции».

В канун полувекового юбилея ВАСХНИЛ мы обратились к ее ученым с просьбой рассказать о современном состоянии комплекса сельскохозяйственных наук, взяв за основу селекционную деятельность, которую справедливо называют эволюцией, направляемой волей человека. Участники беседы: президент ВАСХНИЛ Петр Петрович ВАВИЛОВ, вице-президент Алексей Алексеевич СОЗИНОВ, академик-секретарь отделения защиты растений Юрий Николаевич ФАДЕЕВ, академик-секретарь отделения животноводства Лев Константинович ЭРНСТ. Ведет беседу специальный корреспондент журнала И. ЖЕРНЕВСКАЯ.

Фото А. Карзанова.

КАКОВЫ ЗАДАЧИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ВАСХНИЛ?

П. П. ВАВИЛОВ. Наша академия осуществляет ведущие теоретические работы в области сельского, водного и лесного хозяйства. Она исследует принципиально новые пути дальнейшего развития производительных сил в этих сферах, способствует созданию техники и технологии, нацеленной на перспективу. Изучение закономерностей и особенностей развития сельского хозяйства, свойственных эпохе научно-технической революции, — тоже одна из задач, стоящих перед академией. Ученым-аграрникам предстоит решить целый комплекс сложнейших проблем, связанных с переводом всех отраслей сельскохозяйственного производства на промышленную основу.

Научно-методическое руководство исследованиями в масштабе страны, как и обобщение опыта мировой науки, также составляют одну из сторон деятельности академии. Но есть самая главная задача — та, что поставлена перед сельским хозяйством Коммунистической партией: «Добиться всестороннего, динамичного развития всех его отраслей, надежного снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем с таким расчетом, чтобы рост их производства обеспечивал дальнейшее значительное повышение уровня жизни народа».

Как и встарь, земля кормит, поит, одевает человека. Но как существенно изменилась древняя область их взаимоотношений. Теперь человек стремится не просто взять у природы, но и возвратить ей «долг», создавая более совершенные сорта растений, новые породы животных, сохраняя леса. И чем глубже научная основа сельскохозяйственной деятельности людей, тем меньше их зависимость от стихийных сил природы, тем шире область жизни, находящаяся под воздействием человека, и реже экологические кризисные ситуации, которые тревожат современное общество.

ВЫСОКОУРОЖАЙНЫЕ РАСТЕНИЯ, ПРОДУКТИВНЫЕ ПОРОДЫ ЖИВОТНЫХ ПО ПРАВУ НАЗЫВАЮТ ОДНИМ ИЗ ФАКТОРОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. КАКИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ РАБОТЫ ВЕДУТСЯ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ?

П. П. ВАВИЛОВ. Предупреждаю сразу, это не может быть подробным рассказом, мне придется ограничиться лишь беглым перечислением некоторых наших научных достижений. Ведь только за годы девятой пятилетки было районировано почти 600 новых сортов полевых культур, а в государственное сортоиспытание поступило их в три раза больше.

Начать нужно с зерновых — насущного нашего хлеба, основных культур человечества еще со времен неолита. Здесь поистине революционным этапом стали работы академика АН СССР, академика ВАСХНИЛ, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии П. П. Лукьяненко. С его именем связано создание высокоурожайных сортов пшеницы нового, интенсивного типа, отмеченных ценными биологическими и хозяйственными свойствами. Разрабатывая и совершенствуя метод гибридизации отдаленных эколого-географических форм, ученый вывел более 40 сортов озимой пшеницы и среди них знаменитую Безостую-1, для создания которой привлечены были сорта разных стран и континентов.

Задумывая, конструируя сорт, П. П. Лукьяненко пошел на изменение традиционных соотношений в весе зерна и соломы. У его Безостой-1 зерно составляет треть веса растения, этот показатель больше, чем у других многосоломистых пшеничных сортов. Оно и разумней: пусть сила земли идет не в стебель, а в крупное зерно, обеспечивая его высокие мукомольно-хлебопекарные качества.

Огромное народнохозяйственное значение имеют работы Мироновского научно-исследовательского института селекции и семеноводства пшеницы, которым руководит академик АН СССР, академик ВАСХНИЛ, дважды Герой Социалистического Труда В. Н. Ремесло[1]. Экономисты подсчитали, что внедрение только сорта Мироновской-808 за годы девятой пятилетки дало стране дополнительных 10 миллионов тонн зерна.

Впервые в истории селекции в государственное испытание поступил сорт шестирядного ярового ячменя, способный давать урожай до 80 центнеров с гектара. Впервые в мировой практике во Всесоюзном научно-исследовательском институте масличных культур имени В. С. Пустовойта, открывшего новые пути в селекции подсолнечника, создан новый перспективный сорт этой ценной культуры. Первенец, как его назвали, содержит в масле до 75 процентов олеиновой кислоты — как и в оливковом масле. Когда В. С. Пустовойт только приступал к селекции подсолнечника на высокую масличность, в его идею мало кто верил. 33 процента масличности семян считались тогда биологическим барьером культуры. Целых 15 лет ушло на то, чтобы преодолеть этот барьер и пойти дальше.

Свои достижения и у селекционеров, занимающихся хлопчатником, льном-долгунцом, овощными и другими культурами.

В результате генетических исследований и углубленной племенной работы созданы высокопродуктивные стада крупного рогатого скота, черно-пестрой, костромской, красной степной, холмогорской, ярославской и других пород. Удои от коров-рекордисток достигают иногда 12—14 тысяч килограммов молока в год. Ученые работают над изменением традиционного генотипа крупного рогатого скота, с тем чтобы добиться усовершенствования его мясных качеств. Выведена новая мясная порода — казахская белоголовая. Десятки высокопродуктивных линий насчитывает свиноводство, овцеводство, птицеводство.

Самой природе не нужны ни коровы с высокими удоями — теленок не выпьет такого количества молока, ни куры с большой яйценоскостью — они не смогут вывести такого потомства. Столь же несвойственны творчеству природы курдючная овца с отложением жира в хвосте до 20 килограммов или белокочанная капуста весом 15—20 килограммов. Гречиха в естественном состоянии была сорня-

---

[1] Репортаж из этого института см. в № 7 нашего журнала за 1978 г.

ком на полях Азии, сорняком была и дикая культура свеклы, встречавшаяся на средиземноморском побережье. Все полезные формы живой природы получили развитие благодаря человеку, в результате многовековой селекционной деятельности, бессознательно начатой еще нашими далекими предками.

А. А. СОЗИНОВ. В последнее время эффективность работ в сельском хозяйстве начинают оценивать по затратам энергии на производство. В земледелии, как известно, для получения продукции используется главным образом солнечная энергия. Чтобы добиться высоких урожаев, нужны затраты ископаемой энергии. Можно достичь этого с помощью огромного количества удобрений, особой обработки почв, перебрасывая издалека воду — словом, затрачивая огромную энергию. Но наша задача — получать высокие урожаи, опираясь на такую технологию выращивания растений, которая обеспечивала бы эффективное использование энергии солнечной.

В качестве примера можно привести освоение целинных земель. Там мы начинали с привычной глубокой вспашки, а затем научно обоснованный переход на иную систему обработки почвы не только уменьшил расход энергии, но и создал лучшие условия для развития растения. Теперь доказана необходимость изменения обработки земли и для юга Украины.

Подход этот еще не стал привычным, но он способен современно, комплексно представить главную задачу земледелия — базироваться на такой технологии, в которой весь цикл производства рассчитан от начала до конца. И тогда становится особенно ясной необходимость более совершенной биологической машины, то есть необходимость определенного сорта. Тут вступает в действие генетика. На основе более глубоких теоретических представлений о характере и возможности переноса генетической информации генетика способна вносить в живые организмы серьезные качественные изменения, конструируя генотип культур в том плане, какого требуют постоянно усложняющиеся условия современного сельскохозяйственного производства.

Интересный опыт провели в Одесском научно-исследовательском селекционно-генетическом институте. В одинаковых агротехнических условиях, рассчитанных на высокий потенциал урожая, там высеяли и сравнили между собой все известные сорта пшеницы, включая и местную еще дореволюционную Крымку. Все старые сорта давали приблизительно одинаковые результаты, и только начиная с Безостой-1 кривая урожайности резко повысилась.

Для нашей страны с ее то мягкими, то холодными зимами роль сорта особенно велика. Заманчивые перспективы обозначили, например, работы по созданию короткостебельных сортов, способных в условиях орошения обеспечить урожай до 100 центнеров с гектара. Когда в зонах интенсивного земледелия посевам дали обильные удобрения, много влаги — хлеба начали полегать, не выдержали тяжести зерна. В поисках выхода ученые обратились к мутантным формам карликовости — и местного происхождения, и родом с азиатского материка. В результате целенаправленного переноса генов карликовости были получены полукарликовые озимые пшеницы, устойчивые к полеганию.

Исследования показали, что возможен перевод на устойчивость к полеганию и ярового ячменя. В Одессе, во Всесоюзном селекционно-генетическом институте, академик ВАСХНИЛ П. Ф. Гаркавый с сотрудниками получил новый сорт этой культуры. Были исследованы генетические возможности западноевропейского двурядного ячменя (колос его имеет 2 ряда зерен), двурядного ячменя с Ближнего Востока и французского озимого шестирядного короткостебельного ячменя, который и дал основу для наиболее перспективного варианта гибридизации. Новому сорту передали гены устойчивости. На опытном участке в Молдавии он дал урожай 82,5 центнера с гектара. И не полег...

● **ПРАКТИКУ СКРЕЩИВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИ ОТДАЛЕННЫХ КУЛЬТУР ОСОБЕННО УКРЕПИЛА КОЛЛЕКЦИЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ, СОБРАННАЯ АКАДЕМИКОМ Н. И. ВАВИЛОВЫМ. ПОПОЛНЯЮТ ЛИ ЕЕ СЕЙЧАС?**

П. П. ВАВИЛОВ. Да, за последние десять лет коллекция Всесоюзного института растениеводства, собранная Н. И. Вавиловым и послужившая основой для перевода селекционной работы на новые, более эффективные методы с привлечением мирового генетического материала, увеличилась вдвое. Сейчас в ней 250 тысяч образцов. Это богатейший генофонд, за рубежом его называют то Эрмитажем, то Лувром культурных растений. Он действительно незаменим при выведении интенсивного типа сортов и гибридов сельскохозяйственных культур.

● **ИМЕЮТ ЛИ ПОДОБНУЮ ГЕНЕТИЧЕСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ СЕЛЕКЦИОНЕРЫ-ЖИВОТНОВОДЫ?**

Л. К. ЭРНСТ. У нас положение посложнее. Чтобы сохранить в чистом виде породу, животных нужно держать отдельным стадом, создавать для них заказники, заповедники. Для диких пород особенно требуется сохранение естественных природных условий. Много старых, непроизводительных, как нам представлялось, пород мы уже потеряли, а с ними исчезли и генетические качества, на которые человек по прошествии времени мог бы взглянуть иными глазами.

Сейчас есть возможность для решения этой проблемы. Открытие биологов, что гаметы (половые клетки) самцов можно замораживать и сохранять их генетическую информацию практически бесконечно долго, приближает нас к созданию чистого генофонда разных групп животных и к решению многих задач практического животноводства. Отбирая и замораживая семя ценных производителей, закладывая его на хранение, мы можем получать от них потомство с помощью ис-

кусственного осеменения в масштабах, недоступных природе, целенаправленно управляя при этом нужными нам признаками.

● **В ДОКЛАДЕ Л. И. БРЕЖНЕВА НА ИЮЛЬСКОМ (1978 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ, ЧТО НА ПЕРВЫЙ ПЛАН ВЫДВИГАЕТСЯ ЗАДАЧА БОЛЕЕ БЫСТРОГО РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА. В ЧЕМ ЕЕ СПЕЦИФИКА?**

Л. К. ЭРНСТ. Традиционно существующие взаимоотношения «человек и животные», «животные и среда» сегодня выходят на иной этап развития. Новые хозяйственные комплексы, крупномеханизированные фермы, составляющие стержень современного хозяйствования на промышленной основе, означают для животных, по существу, новую технологическую среду их обитания. Значит, уже недостаточно иметь породы животных с высоким генетическим потенциалом продуктивности. Важно еще, чтобы порода оказалась приспособленной для эксплуатации в этой среде.

Специалисты племенного дела разрабатывают сейчас программу работ, рассчитанную до 1990 года. Она охватывает каждую отрасль животноводства. В молочном скотоводстве, например, к прежним традиционным требованиям — повышению удоев, жирности молока — добавляются новые — выводить породы, устойчивые к заболеваниям, приспособленные к условиям промышленного содержания. Свои особенности имеют программы, предназначенные для селекции свиней, овец, птиц.

Особые надежды связываем мы с выделением пород животных, невосприимчивых к заболеваниям. Одни и те же заболевания животные переносят по-разному. Если есть такие генетические различия, значит, есть возможность и для целенаправленного отбора. Сейчас такого рода исследования ведутся, например, по лейкозу, грозному заболеванию крупного рогатого скота. В самой проблеме еще много неясного, но селекционеры — прежде всего латвийские — уже обнаружили группы животных с линиями, меньше поражаемыми болезнью и практически невосприимчивыми к ней.

На юге страны молочный скот страдает от кровепаразитарных заболеваний. Там селекционеры в основу работы положили скрещивание его с зебувидным скотом, устойчивым к этим болезням. Полученные результаты перспективны. И в этом случае целенаправленное изменение наследственного генетического аппарата животных сослужило хорошую службу.

Ю. Н. ФАДЕЕВ. Я—фитопатолог, моя область — наука о болезнях растений и способах борьбы с ними. У растений десятки, сотни врагов — различные грибы, бактерии, вирусы. Когда-то древние римляне придумали специального бога, ответственного за урожай зерновых, и молились, чтобы он избавил посевы от ржавчины, уносившей значительную часть урожая. У этого божества был свой праздник, ему приносили в жертву собак и лисиц — непременно рыжего цвета.

Первые практические защитные меры были описаны еще Демокритом в V веке до нашей эры, намного раньше, чем люди узнали истинные причины болезней растений. К началу нашего века средства защиты растений сводились, по существу, к медному купоросу, бордоской жидкости и серным препаратам. Сегодня на службу фитопатологам поставлен весь комплекс фундаментальных наук, связанных с изучением физиологии, биохимии, молекулярной биологии, тонкой химической технологии.

О размахе этой работы говорит тот факт, что в службе защиты растений занято более 20 тысяч человек, 10 специализированных научно-исследовательских институтов, не считая обязательных отделов во всех зональных отраслевых институтах нашего профиля. В крупных селекционных центрах, а их около 40, имеются группы по иммунитету, невосприимчивости растений к болезням. Таким образом, действует целая сеть учреждений, ведущих селекцию не только на хозяйственно-полезные признаки, но и на устойчивость к болезням и вредителям.

Решения июльского Пленума ЦК КПСС обращены и к нам, фитопатологам. Мы должны расширить работы по выведению сортов, устойчивых против болезней, и дать практикам соответствующие рекомендации. Если мы определяем, какой признак у растения отвечает за устойчивость к болезни, то этим даем направление для работы селекционеру.

Природа то и дело преподносит нам сюрпризы, связанные и с выведением новых культур, а значит, с необходимостью поисков средств защиты. Патогенные (болезнетворные) начала тоже перестраивают свою природу, пытаясь преодолеть необычный для них генетический барьер, созданный человеком. Характерный пример — изменение устойчивости к ядохимикатам паутинного клеща, вредителя хлопчатника, овощных культур. Она достигла таких размеров, что для ликвидации вредителя приходилось в сезон обрабатывать хлопчатник до 19 раз. В лабораторных условиях мы выяснили, что за 10—20 поколений образуются расы вредителя, абсолютно нечувствительные к этим химическим препаратам. Только раскрыв биохимический характер действия механизма привыкания, мы разработали систему практических мероприятий по защите культур.

● **СКОЛЬКО ДЛИЛСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ? СКОЛЬКО БЫ ВРЕМЕНИ ЗАТРАТИЛА НА ЭТОТ ПРОЦЕСС ПРИРОДА?**

Ю. Н. ФАДЕЕВ. Мы, конечно, превзошли природу в жесткости отбора. В естественных условиях на это ушло бы несколько лет, а в лабораторных — около года. Разобравшись в механизме наследственной устойчивости, в генетике процесса ее передачи, мы получили возможность для активной защиты. Наша главная задача — не просто бороться с устойчивыми формами вредителей, а в целом предотвращать развитие устойчивости — и мы решили эту задачу.

Фитопатологи лучше других знают, как нецелесообразно прошло «сотворение» мира

растений и как непросто их защищать. Ведь, по сути, каждый пятый человек, работающий в сельском хозяйстве, трудится для вредителей-нахлебников. Но уже сегодня видны реальные пути к сохранению до 80 процентов потерь урожая.

А. А. СОЗИНОВ. Если говорить о лабораторных моделях, значительно сжимающих сроки природных эволюционных процессов, то широкие возможности для их изучения создают станции искусственного климата — фитотроны. В Одессе построена такая установка, предназначенная для генетически-селекционных исследований нетрадиционного типа. В них элемент конструирования генотипа будет занимать существенное место. Возможности открываются большие, особенно в связи с тем, что условия фитотрона позволяют вести эксперименты с культурами клеток. Открытие генов, ответственных за тип развития — яровой или озимый, за реакцию на солнечный свет и другие стороны жизни растения, дают новую трактовку существующим генетическим представлениям.

● ВМЕСТО ВОПРОСА Я ПРИВЕДУ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ИЗ СБОРНИКА «БИБЛИЯ И НАУКА», ВЫПУЩЕННОГО НЕДАВНО ОБЩЕСТВОМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: «...БАРЬЕРОМ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ УДАСТСЯ ПЕРЕШАГНУТЬ, ЯВЛЯЕТСЯ БОГОМ УСТАНОВЛЕННЫЙ НЕУМОЛИМЫЙ ЗАКОН «РОДА» ИЛИ «ВИДА», НЕ ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ОДНОМУ РОДУ РАСТЕНИЙ ИЛИ ЖИВОТНЫХ ПЕРЕХОДИТЬ В ДРУГОЙ РОД, НО РАЗРЕШАЮЩИЙ КАЖДОМУ СУЩЕСТВУЮЩЕМУ НА ЗЕМЛЕ РОДУ ПРОИЗВОДИТЬ НА СВЕТ ТОЛЬКО СЕБЕ ПОДОБНОЕ ПОТОМСТВО. В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ БИБЛИИ... БОГ ПОВТОРЯЕТ ФРАЗУ «ПО РОДУ ИХ» СЕМЬ РАЗ, ЖЕЛАЯ ЭТИМ ПОДЧЕРКНУТЬ ВАЖНОСТЬ УСТАНОВЛЕННОГО ИМ ПРИНЦИПА ИЛИ ЗАКОНА...

МОЖНО СМЕШАТЬ ЛОШАДЬ С ОСЛОМ И В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОЛУЧИТСЯ МУЛ, КОТОРЫЙ ОКАЖЕТСЯ НЕСПОСОБЕН ВОСПРОИЗВОДИТЬ СВОЕ ПОТОМСТВО. ЭТИ МУЛЫ, КАК И ВСЕ ДРУГИЕ ГИБРИДЫ В ЖИВОТНОМ И РАСТИТЕЛЬНОМ ЦАРСТВЕ, ПРЕГРАЖДАЮТ ДАРВИНИСТАМ ПУТЬ К ПРОПОВЕДИ СВОЕЙ ТЕОРИИ...»

ЧТО МОЖНО СКАЗАТЬ ПО ПОВОДУ ЭТОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ?

Л. К. ЭРНСТ. Оно противоречит конкретным данным науки. Селекционная практика многими примерами убеждает в том, что так называемые непроходимые барьеры между видами мы уже давно преодолели. И чем глубже вторгается наука в глубины живого, тем успешнее решаются конкретные практические задачи. Так, например, скрещивая мелких низкомолочных зебу с молочно-мясными породами крупного рогатого скота, получают высокопродуктивные и устойчивые к заболеваниям гибриды животных.

Селекционеры сейчас работают над выведением пород, пригодных для полувольного содержания. Это новое, прогрессивное направление в мировой практике животноводства, особо ценное для суровых климатических условий Крайнего Севера. Крупный рогатый скот скрещивают с зубром, бизоном, восстанавливают у их потомков былую природную выносливость, стойкость. Птицеводы получили гибриды кур с цесарками — они тоже разных видов. Ведутся опытные скрещивания уток и гусей.

А. А. СОЗИНОВ. Расскажу только об одном растении — тритикале. В природе нет такого хлебного злака. Его название, образованное от «тритикум» и «секале», означает, что эта сельскохозяйственная культура содержит в себе два разных начала, хромосомы двух видов — ржи и пшеницы.

Ученые ряда стран, работавшие над конструированием этого растения, добились в данной культуре удачного совмещения высокого содержания белка пшеницы с высоким содержанием лизина ржи. Урожайность тритикале достигает 100—120 центнеров с гектара. Злак устойчив к холоду, к песчаным и кислым почвам, к давнему врагу зерновых — ржавчине. Сейчас исследования продолжаются, ведутся работы по созданию форм, отвечающих современным агротехническим требованиям возделывания.

П. П. ВАВИЛОВ. Хотел бы обратиться к многолетней деятельности академика Н. В. Цицина. Он обогатил метод отдаленной гибридизации растений целым семейством пшениц, скрещенных с пыреем. Ученый сумел в корне изменить природу сорняка, в то же время сохранив ценные его качества. Для этого пришлось преодолеть эволюционную устойчивость природного материала, нескрещиваемость растений разных видов.

Как правило, поначалу такие гибриды бывают бесплодными, не образуют семян или несут неразвитые цветки. И требуется гигантская работа по подбору родительских пар, по дальнейшим скрещиваниям, по отбору, прежде чем появляются сорта, обладающие нужными человеку качествами. Именно на основе межродовой гибридизации академик Н. В. Цицин получил многолетнюю пшеницу, дающую урожай несколько лет подряд.

Еще дальше, чем пырей, отстоит от пшеницы колосняк, тоже трудно истребимый сорняк. Но он интересен тем, что среди его разновидностей есть солевыносливый, засухоустойчивый элимус. В его колосе — 600—800 зерен, а в колосе пшеницы их — 20—40. Представляете, как заманчива для селекционера идея: соединить в одном культурном сорте такие природные начала! В этом направлении работа уже ведется.

● НО КАК ЖЕ БЫТЬ С МУЛОМ, КОТОРЫЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ СПОСОБЕН ИМЕТЬ ПОТОМСТВО, КТО ПРАВ В ЭТОМ СЛУЧАЕ?

Л. К. ЭРНСТ. За мула нужно заступиться. По выносливости и нетребовательности он превосходит своих родителей, осла и лошадь. В горных районах мул вообще незаменим.

Что же касается его бесплодия, то оно действительно свойственно большинству межвидовых гибридов первого поколения — причина такого явления еще не до конца выяснена исследователями. Но здесь только часть истины. Дело в том, что женские особи помесного происхождения плодовиты. Их можно скрещивать, получать потомство следующего поколения, одинаково способное к продолжению рода, нужного селекционеру.

● БИБЛЕЙСКИЙ ИАКОВ 29 ЛЕТ ПАС СКОТ У ЛАВАНА, ОТЦА СВОИХ ЖЕН. ОТРАБАТЫВАЯ ЛАВАНУ ЗА ДОЧЕРЕЙ, ОН НЕ ЗАБЫВАЛ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ И ТАЙКОМ СОБИРАЛ СОБСТВЕННОЕ СТАДО. ИАКОВ СТРЕМИЛСЯ ПОЛУЧИТЬ ДЛЯ СЕБЯ ЯГНЯТ «С КРАПИНАМИ», ИБО ТАКОЙ СКОТ, В ОТЛИЧИЕ ОТ ЧЕРНОГО, ЛАВАН ПООБЕЩАЛ ОТДАТЬ ЕМУ В СТАДО. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ БИБЛИИ, БОГ И ЕГО АНГЕЛ СВОЕВРЕМЕННО ПРИШЛИ НА ПОМОЩЬ: ЛУЧШАЯ ЧАСТЬ СКОТА ОКАЗАЛАСЬ ПЕСТРОЙ. ОДНАКО САМ ИАКОВ, КАК О ТОМ СКАЗАНО В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ, ПРИДЕРЖИВАЛСЯ ТВЕРДОГО ПРАВИЛА: КОГДА ЗАЧИНАЛ СКОТ СЛАБЫЙ, ОСТАВЛЯЛ ПОТОМСТВО ЛАВАНУ. КАК ВИДНО, УЖЕ ДРЕВНИЕ СКОТОВОДЫ ИМЕЛИ ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ПОРОДООБРАЗОВАНИЕМ. КАК ВСЕ ЭТО ОЦЕНИТЬ СЕГОДНЯ?

Л. К. ЭРНСТ. Заводское разведение племенных животных началось в XVIII веке. До этого времени мы можем говорить лишь о сумме практического опыта, о необыкновенном чутье, интуиции, которыми обладали выдающиеся мастера племенного дела. Очевидно, жизнь скотовода сделала Иакова зорким, наблюдательным, интуитивным селекционером.

Вообще опыт, многолетняя практика имеют для науки неоценимое значение. Об известном ученом-животноводе, академике ВАСХНИЛ М. Ф. Иванове, одном из основателей отечественной зоотехнии, создателе знаменитых асканийской породы тонкорунных овец, украинской степной белой породы свиней — рассказывают такую историю. Он приехал в Америку для закупки племенных животных и осматривал стада мериносов. «Этого беру, этого беру, а этот не подойдет», — указывал Иванов владельцу стада. Тот решил проверить опытность приезжего и провел для осмотра уже забракованных животных. «Этот был, этот тоже был», — безошибочно определил Иванов.

И все же хочу подчеркнуть: в свете современных научных знаний даже огромный опыт и интуиция, блестящее знание внешних признаков здорового и больного животного, верный глаз не дадут точной оценки генотипа, знания того, какие признаки наследуются лучше, какие — хуже, как действует на развитие этих признаков внешняя среда, в каком направлении возможна работа по размножению генотипа с желательными свойствами. Сегодня любая селекционная работа связана с необходимостью сбора, обработки и анализа огромной информации. Один пример: в карточку племенной коровы с учетом ее происхождения внесено до тысячи цифр. А если идет генетическое совершенствование целой породы, то в поисках оптимального пути нужно обработать сотни тысяч карточек.

Мы с группой сотрудников работаем над системой «Селэкс» («Селекция. Экономика. Система»), пригодной для условий крупномасштабной селекции, когда обрабатываются данные, допустим, для полумиллиона коров. В короткие сроки такая система дает рекомендации широкому кругу специалистов-животноводов. Она уже внедрена в Латвии, ее ждут в других республиках. Заменит ли такая система интуицию? Во многом да, но еще лучше будет, если они «сработаются».

П. П. ВАВИЛОВ. Вернемся еще раз к материалам июльского Пленума ЦК КПСС. Там сказано: «Очень важно, чтобы в разработке многогранных проблем ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве и дальше принимали активное участие не только работники сельскохозяйственной науки, но и Академия наук СССР, академии наук союзных республик, ученые всех отраслей знаний». Недавно состоялась двухдневная сессия, объединившая научные силы всех академических систем страны. Собрание утвердило программу работ АН СССР «Научные основы сельского хозяйства на 1979—1985 годы».

Наша наука концентрирует сейчас свои силы для массированного овладения секретами природы.

И это безусловно поведет к новому качественному изменению в производстве продуктов питания для людей и сырья для промышленности.

Есть у этого вида труда одна сторона, о которой превосходно сказала в своих воспоминаниях Мариэтта Шагинян:

«Посмотрим на самый, казалось бы, простой, примитивный труд на Земле, все равно — сколком кремня или новейшей сельскохозяйственной техникой производимый, разглядим самое показательное в нем. Почему он нас кормит! Что с нами было бы, если бы мы посеяли одно зерно, которое выросло бы тем, что было посеяно, тоже одним-единственным зерном! Что было бы с нами, если бы мы посадили одну картофелину и выросла бы из нее тоже только одна картофелина! Зачем тогда сеять и сажать! Великая тайна природы, тайна земли в том, что природа, мать земля, о т в е ч а е т трудом на труд, процесс, совершающийся между ними, о б о ю д е н, вершится двумя силами, хотя одна считается живой, а другая неживой. Земля размножает зерно, размножает картошку, армянский пахарь из села Чалтырь... когда я как-то воскликнула: «До чего же тяжел ваш крестьянский труд!» — ответил мне: «Он нам не тяжелый. Потому что, видишь ли, з е м л я отвечает». Земля отвечает. Металл отвечает резцу. Глина отвечает пальцам скульптора. Бумага отвечает под пером поэта, писателя. Человек отвечает человеку... Все отвечает на п о с е я н н о е вами, доброе и злое. Великий мудрец XII века в эпоху так называемого закавказского (восточного) Ренессанса не зря, не на ветер сказал о зерне:

Великим мне счастьем бывает зерно,
Когда получаю семьсот на одно».

Вот она, вековая мечта человека — давая природе, получать от нее благодарный ответ.

идеалы и действительность средневековья

Л. ФИЛИППОВ

В июне этого года Леониду Александровичу Филиппову, дорогому для нас товарищу по работе, исполнилось бы 50 лет. Сегодня мы печатаем отрывок из рукописи неоконченной его книги «Идеалы и действительность (религия как форма выражения социальных интересов масс в эпоху средневековья)».

Книга писалась на взлете — жизни и таланта, в пору расцвета физических и духовных сил, щедрой, не боящейся исчерпать себя отдачи. Мастерство, умение остановиться на главном, увидеть явление во всей глубине и сложности его связей, свойственные творчеству Л. А. Филиппова, журналиста, пропагандиста научного мировоззрения, ученого-философа, в полной мере проявились и в этой его работе.

Об идее книги в редакции знали давно. Писал он ее как всегда быстро, почти без помарок, досадуя, что в нужную минуту не может подойти к письменному столу, что отвлекают текущие редакционные дела. Завершить начатое он не успел.

Мы предлагаем читателям введение из рукописи книги, где автор говорит о своей цели — показать, как и почему социальный протест трудящихся классов выступал на определенных этапах исторического развития в религиозной форме. «Изучение этого вопроса,— пишет Л. А. Филиппов,— неизбежно приведет нас и к другому вопросу: как видоизменялась религиозная идеология под воздействием социальных потребностей масс, какие формы принимала, в каком отношении находилась с официальной религией и церковью».

НА ПЕРВЫЙ взгляд сама постановка вопроса может вызвать некоторое недоумение. Как же так — религия и интересы угнетенных классов? Ведь широко известно марксистско-ленинское определение религии как рода духовной сивухи. Марксово определение религии как опиума народа В. И. Ленин назвал краеугольным камнем марксистского учения о религии.

Однако внимательное ознакомление с трудами классиков марксизма-ленинизма показывает, что в них религия и религиозное мировоззрение рассматриваются не столь односторонне. Марксистский диалектический метод берет религиозное мировоззрение не абстрактно, вне времени и пространства, а диалектически, конкретно-исторически, в соответствии с тем, когда, где и кем религиозные идеи выдвигаются, чьи социальные интересы отражают, кого и куда ведут.

Известно, например, что Энгельс оценивал христианскую идеологию и христианское движение на первой их ступени как революционные[1]. В работе «Крестьянская война в Германии» он говорил, что классовая борьба носила в эпоху средневековья «религиозный отпечаток», из чего логически следует, что религия выражала в определенные периоды не только интересы правящих, но и угнетенных классов. Эта же мысль еще определеннее подтверждается Энгельсом в его оценках мировоззрения вождя Крестьянской войны в Германии 1525 года Томаса Мюнцера: «Подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму...»[2] В. И. Ленин в статье «Проект программы нашей партии» прямо подчеркивал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»[3].

Этот конкретно-исторический подход, учитывающий реального носителя той или иной идеологии, соотношение интересов классов и идейных форм, в которой они выражены, отразился и на общих оценках религии, данных классиками марксизма. Марксизм-ленинизм показывает обе стороны социальной роли религии: и отражение ею господства эксплуататорских классов, и протест угнетенных масс против действительного убожества их социального бытия. При этом подчеркивается ведущая — реакционная роль религии на службе правящих классов, ибо эта функция в ней изначальна, первична, определяюща по отношению ко второй, подчиненной стороне, проявляющейся лишь эпизодически в определенных исторических условиях.

Тем не менее забывать об этой второй стороне религиозного мировоззрения нельзя. Забвение ее приводит к путанице в понимании ряда событий в истории человечества, вызывает бесплодные споры, ослабляет наши позиции в борьбе против религиозного мировоззрения. Такой односторонний подход, по сути, обедняет наше представление об истории общечеловеческой культуры, социально-политической истории, наконец, истории прогрессивной идеологии, выражающей мечту людей о справедливости и счастье на земле.

Документы, относящиеся к самым древним временам, свидетельствуют, что уже тогда, более шести тысяч лет назад, человеческое общество было основано на социальном неравенстве. Уже тогда существовали богатые и бедные, угнетатели и угнетенные. И уже тогда существовала мечта о лучшем будущем человечества.

Мечта об «обетованном царстве» имеет глубочайшие корни. Характеризуя отношения родового строя, Ленин писал: «...В то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода... но нигде не видим особого р а з р я д а людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 8.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 371.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

владеть известным аппаратом принуждения...» [4].

Историки первобытного общества подчеркивают, что на стадии родовой организации человек жил в коллективе, не выделяя себя из него. Наблюдения за народами, находящимися на ранних стадиях развития, убедили этнографов, что индивидуализм, присвоение чужого, частная собственность, неравномерное распределение благ, насилие одних над другими были результатом последующего развития общества. В то же время нравственное чувство, нравственные критерии как закрепление отношений первобытной коммуны, норм поведения, полезных для сохранения рода в целом, сложились, по-видимому, задолго до того, как возникла их религиозная санкция.

Представления о добре и зле, о справедливости и несправедливости формируются под непосредственным воздействием повторяющихся из поколения в поколение отношений между членами общины, рода. «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте!..— писал Энгельс.— Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются... Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть... Все равны и свободны, в том числе и женщины» [5].

Становление классового общества, принципиально отличного от первобытнообщинного строя, привело к изменениям в области морали, а также религии. Лишь в условиях, когда классовый гнет накладывается на бессилие перед стихией природы, религия превращается в официальную идеологию, стоящую на страже корыстных интересов правящего класса. Лишь в условиях, когда простые и ясные нормы морали родового строя интерпретируются в интересах господ и теряют свою ясность и безапелляционность, становится необходимым подкрепить требования господствующей в обществе нравственности верховной, божественной санкцией. Иначе говоря, господствующим слоям понадобилась мистифицирующая роль религии, извращающая естественные отношения между людьми, фальсифицирующая господствующие над ними земные силы и выдающая их за силы сверхъестественные, неземные.

Вот почему уже сравнительно рано развитая религиозная идеология классового общества выступает как определенная сверхъестественная санкция господствующих несправедливых социальных отношений. Вместе с тем она включает в себя и элементы старого нравственного сознания с его надеждами на лучшее общественное устройство. Однако религиозная вера фальсифицирует эти надежды, перенося их из реальной, земной действительности в потусторонний мир.

Превращение религии в официальную идеологию классового общества было результатом качественного скачка в развитии производительных сил, совершившегося в результате перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Он принципиально изменил отношение человека к природе. Появление земледелия создало условия для перехода к оседлости и как следствие этого — к возникновению постоянных поселений, зернохранилищ, ирригационных сооружений, строительного ремесла, постоянного обмена продуктами между разными территориальными группами. Именно переход к земледелию заложил основы цивилизации и подлинно человеческой истории.

Переход к земледелию привел и к резкому изменению характера трудовой деятельности. Из постоянного поиска, в котором были слиты воедино процесс труда (погоня за зверем, поиск фруктов, трав, кореньев) и утоление голода, он превратился в тяжелый процесс, физические усилия в котором отделены от результатов труда (посев от жатвы) довольно значительным промежутком времени. Эти изменения не могли не отразиться на эмоционально-психологическом отношении человека к трудовой деятельности.

В исследованиях современных специалистов, в частности ассирологов и библеистов, анализировавших древние религиозные представления, получен доказательный материал, подтверждающий эту точку зрения. Человек — всего лишь игрушка в руках всемогущих богов, вылепивших его из глины или вырезавших из дерева. Изнурительный труд и множество лишений — естественный удел людей, данный им свыше. Противоречие между существующими порядками и голосом совести религия объясняет непостижимой волей богов, управляющих ничтожными и грешными людьми. «Ни одно дитя не рождается от женщины беспорочным»,— говорит шумерский мыслитель, живший более чем три тысячи лет назад. Так трансформируется столкновение нравственного инстинкта и безнравственной действительности окружающего человека классового общества.

Видимо, не без воздействия нравственного чувства, сохранившего воспоминания о том времени, когда люди жили счастливо, вершили дела справедливо, чувства, которое религия была бессильна вытравить, возникает религиозное восполнение несправедливой действительности — миф о загробном суде богов, воздающем должное всем, кто на земле совершал преступления, творил зло и не был наказан. Отдельные представления о загробном суде возникают уже у древних шумеров. Более подробно развиваются они в древнеегипетской религии. В так называемой «Книге Мертвых», созданной египетскими жрецами более четырех тысяч лет назад, имеется специальная глава, повествующая о посмертном воздаянии за прожитую жизнь на земле. Это первый развернутый нравственно-религиозный кодекс, мистифицирующий идею земной справедливости в сверхъестественном плане.

Советский исследователь М. А. Коростовцев считает, что для четкого формирования в общем виде идеи земной несправедливости, должны были пройти многие столетия жизни рабовладельческих деспотий. Лишь в эпоху Нового царства в Древнем Египте проблема добра и зла оказывается в религии на одном из первых мест. Он пишет: «Если добро угодно божеству, то как объяснить это глубоко несправедливое неравенство на земле и глубоко несправедливое равенство за гробом? Выходом из этой несправедливости и служил только суд богов над умершим, воздаяние справедливости не в этом, а в том мире».

Другой исследователь древности, академик Б. А. Тураев писал, что идеи «Книги Мертвых» оказали несомненное влияние на апокрифическую христианскую литературу — «стоит только вспомнить реку огненную, весы и чудовища, нашедшие себе место и в искусстве и с изображением страшного суда, получившие широкое распространение, особенно на стенах наших древних храмов и в народных изданиях».

Общеизвестно также, что бог древних евреев Яхве в период становления иудаизма, то есть за 2700 лет до нашего времени, уже рассматривался с точки зрения верховного нравственного судии, являющегося источником нравственных установлений, выполнение которых обязательно для каждого иудея. Исследователи отмечают, что многие из этих норм заимствованы из более древних вавилонских установлений, восходящих к царю Хаммурапи (около 3750 лет до наших дней).

Библейская этика, как и кодекс Хаммурапи, также прямо связывает моральные установления с волей богов. Ведь по библейской легенде Моисей получает каменные скрижали с десятью заповедями непосредственно из рук бога, хотя большинство из них вовсе лишено религиозного содержания («не убивай», «не кради», «не прелюбодействуй» и т. д.).

В то же время в древнееврейской религии широко развита идея греховности человеческого рода и гнева богов, карающих непослушного. Ветхозаветные книги неоднократно называют Яхве «богом-ревнителем», богом грозным, карающим и мстительным. Возможно, в силу этой особенности древнееврейской религии в проповедях пророков, относящихся к V—II столетиям до нашей эры, все сильнее проступает идея мессианства — прихода на землю царя-спасителя, который покарает нечестивцев, восстановит попранную справедливость и очистит людей от грехов их.

В этой идее ветхозаветных пророков впервые зарождается религиозная по своей форме, но социально прогрессивная по своему содержанию мысль о восстановлении справедливых отношений между людьми не на том, а на этом свете. Естественно, что религия сопроводила ее такими атрибутами, как великое избиение грешников, сверхъестественные события, совершающиеся по воле бога и предшествующие появлению мессии, обновление неба и земли и т. д. «...Вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговеющие пред именем моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах его...» (Книга пророка Малахии, гл. 4, ст. 1—2).

Таким образом, еще до нашей эры в рамках религиозного мировоззрения можно зафиксировать оба варианта социальной ориентации религиозных идей — и развитую систему обоснования интересов господствующих классов,

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 69.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 97—98.

и зачатки религиозной формы выражения социальных чаяний низов. Характерно, что эти последние не смогли занять сколько-нибудь заметного места в официальном религиозном мировоззрении и впоследствии развивались в поздненеиудейском сектантстве, в частности в вероучении секты ессеев.

Позднее, в период разложения рабовладельческого общества, первоначальное христианство, которое, по мысли Энгельса, было единственным элементом, противостоящим этому процессу разложения, и одновременно его собственным неизбежным продуктом, некоторые важные черты идеологии низов выступили в нем в своеобразной апокалиптической форме (учение о скором конце света, резкая критика богатства, учение об искуплении грехов человечества мессией — Христом, теория второго пришествия и страшного суда над сильными мира сего — пока не прейдет нынешнее поколение).

Однако по мере превращения христианства в государственную религию элементы социального протеста и бунтарский дух, характеризовавший его ранних пророков, постепенно выветрились. Первоначальная конструкция социального переворота «с божьей помощью», составлявшая главный нерв новой религии, превратилась в учение о загробном воздаянии при условии полной покорности трудящихся масс своим эксплуататорам на земле. Так христианство стало, по сути, идеологическим обоснованием и нравственной санкцией несправедливого общественного строя, а христианская церковь — посредником между небом и землей, единственным гарантом спасения верующих за гробом.

Это превращение было глубоко закономерным. Трагедия угнетенных классов в истории эксплуататорского общества в течение долгих столетий заключалась в том, что их вековая ненависть к угнетателям, их тяга к справедливому идеалу не могли привести к коренному преобразованию социальных отношений. Для такого преобразования не было объективных предпосылок.

Марксизм, превративший учение об обществе в подлинную науку, показал, что такие предпосылки вызревают только с развитием производительных сил и появлением соответствующих им производственных отношений — с рождением индустриального производства и формированием абсолютно революционного класса трудящихся — пролетариата. Лишь на этом уровне оказывается возможным перейти от утопии, несбыточной мечты к социальному действию, соответствующему объективным потребностям производства и потому имеющему все шансы на успех. А пока этот уровень социального развития не был достигнут, ненависть против угнетателей выражалась в обреченных стихийных бунтах и мечта о лучшем будущем чаще всего выступала в религиозной форме.

Тому было еще одно основание. Сознание средневекового общества было целиком и полностью религиозным. Христианство стало тотальной формой идеологии, в которой проявляли себя все способы интеллектуальной деятельности. Язык христианства был единственным, на котором говорили представители науки и искусства, политики и церкви, единственным общепонятным способом их взаимопонимания. «...Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности,— писал Энгельс,— было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [6].

Естественно, что в этих условиях и социальный протест масс тоже выступал в форме религиозной доктрины. Энгельс, развивая эту мысль, указывал, что «все выраженные в общей форме нападки на феодализм... все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси» [7].

Итак, религиозное выражение надежд человечества на лучшее будущее имело две различные социальные ориентации, два противоположных социальных адреса, бытовало в двух вариантах — официальном, приведенном в соответствие с интересами имущего класса, и неофициальном, выражавшем чаяния угнетенных. Эти два варианта религиозной конструкции социально-нравственного идеала имели разные идеологические функции, играли разную, как правило, прямо противоположную роль, занимали различное место в структуре общественного сознания. Официальный вариант религиозной мечты о лучшем будущем являлся составной частью христианской теологической доктрины, подкрепленной всей мощью церковной власти. Это была, так сказать, официальная философия истории христианства, выступавшая в сознании верующего в качестве категорического нравственного императива, требующего смирения и покорности на земле в обмен на вечное блаженство на небе. Нужно ли говорить, что такой вариант играл сугубо реакционную социальную роль.

Что касается неофициального ее варианта, то он, оставаясь в рамках религиозного мировоззрения, тем не менее порывал с господствующей церковной идеологией, претендовал на роль теоретического обоснования революционного переворота, делал господа бога верховным гарантом социального преобразования. Энгельс говорил, что линия революционной оппозиции проходит через все средневековье: «Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт...» [8].

Те формы мистики, которые были связаны с революционным протестом низов (а исследования показывают, что их можно проследить на протяжении значительных отрезков времени), являются, по существу, своеобразным теоретическим фундаментом ересей. Таким образом получается, что «оппозиционная мистика» (назовем так эту форму мистического сознания) выступала в качестве идеологического знамени еретических движений средневековья. Время от времени они перерастали в открытые восстания, когда массы действовали под лозунгом «христианской справедливости», ликвидации «безбожного правления» господ, восстановления патриархального равенства «прародителей — Адама и Евы» и утверждения на земле царства справедливости и счастья — «тысячелетнего царства божьего».

Это социальное течение религиозной мысли попадало под одновременное воздействие совершенно различных сил. С одной стороны, оно оставалось в орбите религии и потому должно было исходить из ее строгих предпосылок, из ее учения о небе и земле, боге и человеке, из ее космогонии и ее социологии. С другой стороны, оно должно было найти такие трактовки этих категорий, такие толкования богословских конструкций, чтобы они отвечали интересам угнетенных классов, доказывали справедливость их требований, их борьбы. Поэтому исследование оппозиционной мистики и ее расхождений с официальным богословием превращается в исследование, наглядно раскрывающее соотношение идеологического сознания и социальных явлений, его породивших.

Этот вывод не противоречит марксистскому пониманию религии. Наоборот. Последовательное изучение соответствия мистических конструкций средневековых ересей и официального богословия наглядно подтверждает высказывание Энгельса о том, что как бы ни были далеки от социального базиса абстрактные формы общественного сознания — философия и религия, связь между ними все же существует и ее можно проследить.

Положение Энгельса подтверждается и тем, что обнаруживается определенная обусловленность религиозных конструкций социальными интересами тех слоев, общественных групп, классов, идеологией которых были эти конструкции. Вместе с тем религиозная, неадекватная форма отражения действительности искажает и деформирует реальные запросы и требования масс, усугубляет стихийность их выступлений, накладывает на них печать обреченности.

Характерно, что религиозная форма идеологии восставших масс господствует вплоть до XVIII столетия. Еще во время английской буржуазной революции религиозное представление о наступлении «царства божьего на земле» широко господствовало среди английских крестьян и влияло на сознание радикально настроенных политических деятелей, писателей и поэтов. А. Мортон в своей книге «Английская утопия» пишет: «Повсеместно людям казалось, что они делают божье дело, а бог делает их дело. Упразднение королевской власти было не только политической переменой, но исполнением завета святых и знамением приближения «золотого века» на земле, когда Христос должен будет явиться к людям, чтобы скрепить печатью дела своего народа».

Как видим, религиозная конструкция социальных требований масс оказалась настолько прочной, что сохраняла силу и в эпоху ранних буржуазных революций вплоть до событий конца XVIII века во Франции, когда усилиями французских просветителей и материалистов корни религиозного мировоззрения были подорваны и социальное движение эпохи выступило наконец в политической форме.

Публикацию подготовила
И. Жерневская

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360—361.
[7] Там же, стр. 361.
[8] Там же.

А. САГАДЕЕВ, кандидат философских наук

Сюжеты для иллюстраций к этой статье художник С. Чернышев заимствовал из книг: D. T. Rice. Islamic Art. London, 1977; J. Goff. Les Intellectuels au Moyen Age. Paris, 1957; S. H. Nasr. Islamic Science, 1976; E. J. Grube. Islámské Umĕni. Praha, 1973.

В КРАЯХ ПАСТЫРЯ, ЛЕКАРЯ И ПОГОНЩИКА ВЕРБЛЮДОВ

Основные идеи учения Ибн Рушда о превосходстве знания над верой восходят к его предшественнику по восточноперипатетической школе аль-Фараби (870—950 гг.), который при всей «респектабельности» своих трудов, доступных широкому читателю, в отличие от арабо-испанского мыслителя, на страницах сочинений иного рода позволял себе характеризовать некоторые основополагающие догмы религии как «старушечьи сказки». Эта его вольность говорит о многом. Но прежде чем продолжить наши поиски, отметим, что аль-Фараби был предшественником Ибн Рушда не только в учении о превосходстве знания над верой. Он создал модель идеального государства, которое и тот и другой называли «добродетельным городом». Во главе этого города аль-Фараби ставил человека, в числе обязательных качеств которого была способность постигать истину философски, то есть такой, как она есть, а затем передать ее народу в общепонятной образно-символической форме. Буде же не окажется в городе такой одаренной личности, его место, по мысли аль-Фараби, должны занять несколько соправителей, каждый из которых будет носителем одного из качеств, необходимых для коллективного руководства.

Но вот перед нами описание другого города. «Посреди укреплений выстроен красивый город, обладающий всем тем, что требуется для больших городов». В центре города находится мавзолей бывшего султана Абу Саида. Абу Саид сказал своим подданным, что он вернется к ним после смерти, и в ожидании его воскрешения около мавзолея круглосуточно держат наготове взнузданных коней. А чтобы кто-нибудь не выдал себя за воскресшего султана, Абу Саид завещал сыновьям: «Когда я воскресну, может случиться, что вы меня не узнаете. Вот же вам знак: ударьте меня по шее мечом. Если это действительно я, то останусь жив». И в том завещании было сказано, «чтобы шесть человек из его потомков постоянно правили этой областью, защищали бы город, были справедливы и милостивы и не враждовали бы друг с другом, пока он не вернется». Завет Абу Саида был исполнен, и городом правят сразу шесть человек. «Приказания и распоряжения они дают лишь с общего согласия. Вазирей у них тоже шесть. Эти шесть царей сидят на одном троне, а шесть вазирей — на другом, и по поводу всякого дела они совещаются друг с другом»[1].

Окончание. Начало см. в № 5.

Это реальный город, расположенный на востоке Аравии, у побережья Персидского залива, и называется он Лахсой. Описание его мы воспроизвели по «Книге путешествия» Носира Хисроу (1003—1088 гг.), посетившего эти места через сто лет после смерти аль-Фараби. В Лахсе осуществилась мечта аль-Фараби? Это впечатление усиливается, когда Носир Хисроу знакомит нас с некоторыми сторонами общественной и экономической жизни города. «Десятины они с подданных не взимают, — говорится о соправителях в книге, — а если кто-нибудь обнищает или задолжает, ему выдают пособие, пока дела его не поправятся. Если кто-нибудь должен получить с другого по долговому обязательству, он не может требовать с него более выданной в долг ссуды». Когда мельница или какая-нибудь другая недвижимость приходит в негодность, строения по приказу соправителей приводятся в порядок (правда, с помощью чернокожих рабов) безвозмездно. У соправителей есть и свои мельницы. «Там мелют для народа муку из зерна и ничего за это не берут».

Необычные для средневековья порядки! Описываемое государство было создано карматами—членами исмаилитской секты, выступавшей под лозунгами уравнительного коммунизма против господства халифата и его официальной религии (X в.). В учении карматов, видно, и следует искать то, что связывает учения Ибн Рушда и аль-Фараби о соотношении между философией и религией, между высказыванием аль-Фараби о «старушечьих сказках» и идее религиозного обмана.

Абу Саид освободил своих подданных от обязательных для мусульман молитв и поста. «Соборной мечети в Лахсе нет, ни хутбы, ни намаза там не совершают. Есть только одна мечеть, выстроенная неким человеком по имени Али-ибн-Ахмад». Если кто-нибудь совершает молитву, ему не мешают — жители города вполне веротерпимы. Иначе было в прежние времена: «Один из... правителей Лахсы во времена багдадских халифов выступил с войском в поход на Мекку, он взял город, убил паломников, совершивших таваф вокруг Каабы, а черный камень выломал из угла и отвез в Лахсу. Они говорили, что этот камень — магнит для людей и притягивает к себе людей со всех концов мира. Они не знали, что влечет туда паломников величие и совершенство пророка Мухаммеда, избранника, ибо черный камень много лет находился там и ранее, и все же никто туда не ездил. В конце концов черный камень у них выкупили и отвезли его на прежнее мес-

[1] Носир Хисрав. Избранное. Сталинабад, 1949, стр. 128, 129, 131.

тоя. Свои впечатления об отношении подданных шести царей к религии путешественник завершает словами: «Для меня что бедуины, что жители Лахсы — одинаково казались неверующими, ибо среди них асть люди, которые в течение целого года ни единого раза не совершают омовения. Все это я утверждаю по личному опыту, а вовсе не стремлюсь распространять вздорные слухи, ибо я пробыл среди них девять месяцев подряд»[2].

Жители Лахсы у Носира Хисроу выглядят по меньшей мере законченными еретиками. Но о религиозном обмане — ни слова. И это не удивительно, поскольку «Книга путешествий» предназначена для широкого читателя, а ее автор, известный правдоискатель и сторонник исмаилизма Носир Хисроу, не скрывает своих симпатий к описываемому им «добродетельному городу». Следовательно, дальнейшие наши изыскания лучше вести там, где суждения карматов могут быть переданы «открытым текстом», — в сочинениях их правоверных противников. Не могли же они обойти молчанием такой беспрецедентный факт, как нападение на Мекку и похищение из Кабы черного камня!

Лютой ненавистью — как классовой, так и религиозной — к исмаилитам вообще и к карматам в особенности пылал автор известной «Книги о правлении» Низам ал-Мульк. Этому сановнику, занимавшему высокие государственные посты при двух султанах, исмаилиты платили тем же чувством — от их рук он и погиб в 1092 году. Исмаилитов он называет в своей книге «проклятым отродьем», которое «в землях Сирии, Йемена, Андалузии восставало и совершало убийства», а карматам, помимо лозунгов об общности имущества, приписывает призывы к общности жен и другие подобного рода идеи, от которых любой добропорядочный мусульманин непременно должен прийти в ужас. Нападение карматов на Мекку, которое действительно случилось 12 января 930 года, естественно, не оставлено им без внимания — этот налет, во главе с соратником Абу Саида Абу Тахиром, описан самыми мрачными красками. О самом Абу Тахире ал-Мульк пишет: «Он разбил на две части черный камень, одну часть он положил в начале ямы отхожего места, другую — по другую сторону... Он приказал проклинать посланников и пророков; арабам в этом отношении приходилось тяжко». И тут мы подходим к предмету своих поисков. Когда Абу Саид и Абу Тахир появились в Лахсе, пишет ал-Мульк, «они бросили в поле и осквернили все имевшиеся списки Торы, Евангелия и Корана», при этом Абу Тахир говорил: «Три лица принесли порчу людям: пастух, лекарь и погонщик верблюдов. Наибольший из них обманщик погонщик верблюдов»[3].

Итак, из глубин десятого столетия вновь возник призрак трех обманщиков — и именно в тех краях, где, по преданиям, протекала их жизнь и проповедническая деятельность. Ибо нетрудно догадаться, что под «тремя лицами», принесшими людям порчу, Абу Тахир разумел Моисея, Иисуса и Мухаммеда: в книге, названной при первом издании «Мыслями Спинозы», о Моисее, например, говорится, что он был вождем «народа пастухов», сам пас в Аравии стада своего тестя и зятя; об Иисусе в той же книге мы узнаем, что он приобрел популярность благодаря исцелению больных и воскрешению мнимоумерших; Мухаммед же, если верить мусульманской традиции, совершал отдаленные путешествия с караванами своей жены Хадиджы, а раньше — своих старших родственников.

Но ал-Мульк ограничивается только фразой о трех обманщиках. Причин, побуждавших карматов так характеризовать пророчество, он не касается. Для восполнения этого существенного пробела необходимо обратиться к мусульманским ересиографам, которые достаточно подробно излагают взгляды своих идейных врагов.

Искомый материал находим в книге «Секты и вероучения» Абу Мансура аль-Багдади (ум. в 1031 г.). «Согласно карматам, — сообщает этот автор, — такие пророки, как Моисей, Иисус и Мухаммед, полагая, что они стоят выше людей, возжелали владычествовать над ними. По словам карматов, пророки обманывали и закабаляли людей с помощью своих законов». В том же сочинении цитируется послание кармата Абдаллаха ибн Хусейна аль Кайравани правителю карматского государства на Персидском заливе: «Религия мусульман сводится к тому, что их владыка Мухаммед запрещал им творить благое, устрашал их каким-то непостижимым «сокровенным», коему они поклоняются, поведал им о том, чего они никогда не видели, а именно о воскрешении из мертвых, о дне страшного суда, о рае и об аде. Он обращал их для себя и для потомства своего в рабов, забирал их достояние и говорил: «Я не прошу у вас за это награды, а только любви к ближним». Он забирал их достояние, а они предоставляли ему оное. Он требовал, чтобы они посвятили души свои и достояние свое ожиданию возврата в потусторонний мир, которого никогда не будет. Не рай ли — этот дольний мир с его благами? И не геенна ли, не муки ли адовы — мусульманские правоведы с их обманом и невежеством?»[4]

Здесь уже целая концепция: религиозный обман вызван стремлением к материальному порабощению людей. И остается только пожалеть самих исмаилитов, чье собственное учение, даже когда оно было направлено против подобного рода угнетения и добивалось успехов в борьбе с ним, рано или поздно превращалось в орудие точно такого же закабаления, поскольку их «добродетельные города» возникали «в окружении развитого феодального общества, и их собственное развитие не имело другого пути... В этом их историческая трагедия и историческая обреченность»[5].

В том же источнике приводятся образцы обмана, клятвопреступлений и несмышлености пророков, с которыми ознакомлялись новые приверженцы карматского учения на заключительной стадии принятия в секту: Иисус обещал иудеям не отменять закона Моисея, а сам потом отменил его, перенеся праздничный день с субботы на воскресенье и заменив сторону, к которой обращались в молитве последователи Моисея, другим направлением, за что и был убит иудеями; Мухаммед, когда его спросили о душе, не сообразил, как ответить, и отмахнулся фразой: «Дух от повеления господа моего» (Коран, сура 17, аят 87).

Таким образом, полдела сделано: установлено происхождение идеи о трех обманщиках. Но был ли трактат?

ИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ УСТАНОВЛЕННЫХ КНИГ

О том, что такой трактат существовал, мы узнаем уже из

[2] Носир Хисрав, стр. 130—133.
[3] «Сиасет-наме». Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М.—Л., 1949, стр. 189, 222.
[4] Абу Мансур аль-Багдади. Секты и вероучения. Каир, 1948, стр. 188, 281—282. (На арабском языке.)
[5] Л. Строева. Государство исмаилитов в Иране в XI—XIII веках. М., 1978, стр. 249.

Пророк Мухаммед на мифическом существе по имени Бурак в священную ночь мираджа — его вознесения на небо. Лицо не изображено — ислам запрещает изображения лиц. Рисунок в рукописи XVI в., хранящейся в Музее исламского и турецкого искусства в Истанбуле.

Ангел смерти Азраил. Иллюстрация к персидской рукописи XVI в. Здесь преобладает синий цвет — цвет траура у мусульман.

Фрагмент стенной росписи в бане вблизи Каира. XI в.

Прародитель арабов Ибрахим, приносящий в жертву Аллаху своего сына Измаила. Рисунок из сирийской рукописи XIII в.

«Книги о правлении» того же Низам ал-Мулька. Его автор — знаменитый философ и врач Абу Бекр ар-Рази (865—925 гг.), известный в средневековой Европе под именем Разес. Ал-Мульк пишет, что трактат назывался «Обманы пророков». Под тем же названием он фигурирует у другого средневекового автора — ал-Мутаххара, который, как и ал-Мульк, относительно его содержания предпочитает не распространяться, ссылаясь на то, что, сделав это, «он сокрушит свое сердце, отойдет от благочестия и передаст по наследству ненависть к пророкам»[6]. Аль-Бируни же сообщает, что Абу Бекр ар-Рази был автором трактатов «О выявлении ложности пророчества» и «Об обнаружении пороков пророков». Наконец, в одной из работ земляка и современника Абу Бекра — Абу Хатима ар-Рази — фрагментарно приводятся рассуждения философа из его книги «Опровержение религии». По этой работе мы и можем судить о взглядах Абу Бекра на пророческий обман.

«Причиной возникновения и существования религии, — говорит Абу Бекр, — являются привычка и традиции, существующие в недрах человеческого общества, которым народ следует без всякого рассуждения; обман, ложь и разные плутни, творимые определенными людьми; наличие невежественных людей, неспособных размышлять здравой мыслью». Сообщения о будто бы совершавшихся пророками чудесах — небылицы, возникшие уже после того, как пророки умерли. Не представляет собой чуда и Коран — любой способен создать тысячу таких же или даже лучших по своим стилистическим достоинствам произведений. С точки же зрения познавательной ценности ни одно священное писание не идет в сравнение с трудами таких мыслителей древности, как Платон, Аристотель, Эвклид, Птолемей, Гиппократ. Называть же пророков учителями человечества бессмысленно. Люди по природе своей одинаковы, и вряд ли бог выделил среди них избранников, возложив на них миссию духовного руководства себе подобными...

Но пророчество не только противоречит разуму. Коль скоро каждая религиозная община следует своему собственному пророку, объявляя остальных «избранников» обманщиками, между людьми возникают кровопролитные войны, уносящие множество жизней. Жертвами религиозного фанатизма становятся и просто мыслящие люди, потому что если у поборников религиозных убеждений просят «доказательство истины, к которой они взывают, то они гневаются и проливают напрасно кровь тех, кто домогается этого. Они запрещают рассуждать и подстрекают к убийству своих противников. Из-за этого очень глубоко погребена и скрыта истина»[7].

Отрицание религий и пророчества Абу Бекром ар-Рази было настолько радикальным, что вызвало возражения даже у свободомыслящего Носира Хисроу — ведь «Опровержение религий» посягало на истинность руководящей миссии не только трех великих обманщиков, но и исмаилитских имамов.

Таким образом, Абу Бекр ар-Рази — первый известный автор установленного трактата — и, по-видимому, не одного, а нескольких трактатов — о пророках-обманщиках, с которым мы встречаемся в эпоху средневековья. Но мы располагаем данными о том, что он в этой роли был не одинок. В таком надежном источнике, как «Памятники минувших поколений» аль-Бируни, говорится о вольнодумце IX века ас-Серахси. Он был наставником и наперсником багдадского халифа аль-Мутадида; их отношения были столь близки, что в разговорах с повелителем правоверных он допускал еретические вольности и в конце концов пал жертвой своей откровенности — в 899 году был казнен по приказу халифа за вольнодумство.

Ас-Серахси, пишет аль-Бируни, «больше всех людей своего времени славился как еретик». Этот ученый, в частности, привел благочестивых мусульман в смятение тем, что, опираясь на астрологические вычисления, указал точное время, когда ислам потеряет власть над людьми, — через 693 года. «И прицепились к этому те, кто надеется на переход власти от арабов и перемену религии ислама, и возникли в сердцах слабых мусульман напрасные тревоги». Эти предсказания находились в явном противоречии с сурами Корана, утверждавшими, что Мухаммед — последний из пророков, что «царство арабов», то есть владычество ислама, продлится до судного дня и что день этот наступит для людей внезапно, ибо он ведом одному только Аллаху.

Но ас-Серахси до всего этого не было дела — он занимался явной мистификацией, поскольку ни Коран, ни Мухаммед для него не были авторитетом. Он был автором нескольких сочинений, посвященных разоблачению пророков как обманщиков. Касаясь математических операций ученого по датировке конца мусульманского владычества, в которых использовались числовые значения загадочных букв, предшествующих некоторым сурам Корана, аль-Бируни замечает: «Хотел бы я знать, с каких это пор ас-Серахси начал ссылаться на стихи Корана, хотя он раньше писал книги и трактаты о раскрытии тайн обманщиков, под которыми разумелись пророки. Он сделал их посмешищем и говорил о них такие вещи, для которых они слишком возвышенны»[8].

Однако, если говорить по существу, то, по меньшей мере, потенциальными авторами таких же трактатов можно назвать ряд других мыслителей, творивших приблизительно в то же время, когда со своими антирелигиозными сочинениями выступали Абу Бекр ар-Рази и ас-Серахси. Разве не расписался бы под их трактатами Ибн ар-Равенди (умер около 910 г.), отвергавший откровение и чудеса, равно как возможность привести хотя бы один разумный довод в пользу бытия божия и мудрости божественного мироустроения? Или поэт бедуинов аль-Маарри (979—1057 гг.), утверждавший, что у мусульман, христиан, иудеев, зороастрийцев, у каждого народа есть своя ложь, а которую они свято веруют, и уже из-за одного этого ни один из них не может хвастать монопольным владением истиной, что религия — это ложь и лицемерие, что ее создала алчность, стяжательство ее сохранило, а власть традиции утвердила в человеческих душах.

Хадисы вымыслил обманщик в старину,
Чтоб ради выгоды умы держать в плену[9], —

писал аль-Маарри по поводу преданий о житии Мухаммеде, и его стихи могли бы стать хорошим эпиграфом ко всей рассказанной здесь эпопее.

Эпопея же эта длилась, по словам Энгельса, «со времени вольнодумцев средневековья вплоть до просветителей XVIII века включительно»[10], то есть доброе тысячелетие, если за

---

[6] А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 166.
[7] Цит. по: «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане». Ташкент, 1976, стр. 107—108.
[8] Абурейхан Бируни. Избранные произведения, т. 1. Ташкент, 1957, стр. 208—209.
[9] «Арабская поэзия средних веков». М., 1975, стр. 466.
[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 306.

начало брать IX век. Условия места и времени, разумеется, накладывали свой отпечаток на судьбу учения о трех обманщиках. На Востоке наибольшим обманщиком считали Мухаммеда, а на Западе вольнодумцы полагали, что Иисус принял на кресте самую бесславную смерть и что Мухаммед оказался намного счастливее его, так как еще при жизни увидел успех проповедовавшегося им закона. Кроме того, к концу эпопеи этому учению стали придавать характерную для XVIII века просветительскую устремленность, выразившуюся, в частности, в надежде на то, что наро́д, осознав, в какую бездну низвергает его невежество, способен тотчас сбросить ярмо своих недостойных вождей. И при всем этом поражает постоянство, с которым основные тезисы крамольного учения передавались чуть ли не в тождественных терминах, выражениях, образах из века в век и от одного народа к другому.

Но учение о трех обманщиках — лишь специфический вариант более обобщенного представления о религиозном обмане, которое уходит еще дальше в глубину веков. Это представление выкристаллизовалось уже у древнегреческих софистов, один из которых — Критий (умер в 403 г. до н. э.) истолковал возникновение веры в богов как изобретение хитроумного государственного деятеля, направленное на то, чтобы отпугивать людей от преступлений и воспитывать их в послушании законам. Подобная мысль, по верному наблюдению Платона, могла возникнуть из сравнения многообразных верований, то есть при одновременном наличии таковых.

Поэтому не удивительно, что рассматриваемая нами специфическая форма этой идеи возникла именно на Ближнем Востоке — там, где сосуществовали три монотеистические религии. Появлению в данном регионе концепции трех обманщиков, помимо указанного обстоятельства, способствовало и то, что в IX веке образ Мухаммеда там воспринимался как образ обычного человека, находившего к тому же подражателей в лице тогдашних самозванцев-лжепророков или пророков-обманщиков.

Аналогичные условия для распространения «сатанинской» формулы сложились в христианской Европе в XIII веке, когда ее жители впервые в широких масштабах начали сталкиваться с людьми, исповедовавшими две другие монотеистические религии, и сравнивать последние со своей собственной. Это уже само по себе было чревато опасностью подрыва у христианина убеждения в исключительности веры, в которой он вырос. Знакомству же христиан с исламом и иудаизмом способствовали многие факторы: крестовые походы, войны Реконкисты, торговля с сарацинами, как это часто бывало, через посредство купцов-иудеев, а главное — распространение в Европе учености иноверцев. Символичен сам процесс передачи арабо-мусульманской науки на христианский Запад: трактат, написанный мусульманским автором по-арабски, переводил с языка оригинала на испанский книжник-иудей, а полученный таким путем испанский текст далее переводился на латынь книжником-христианином.

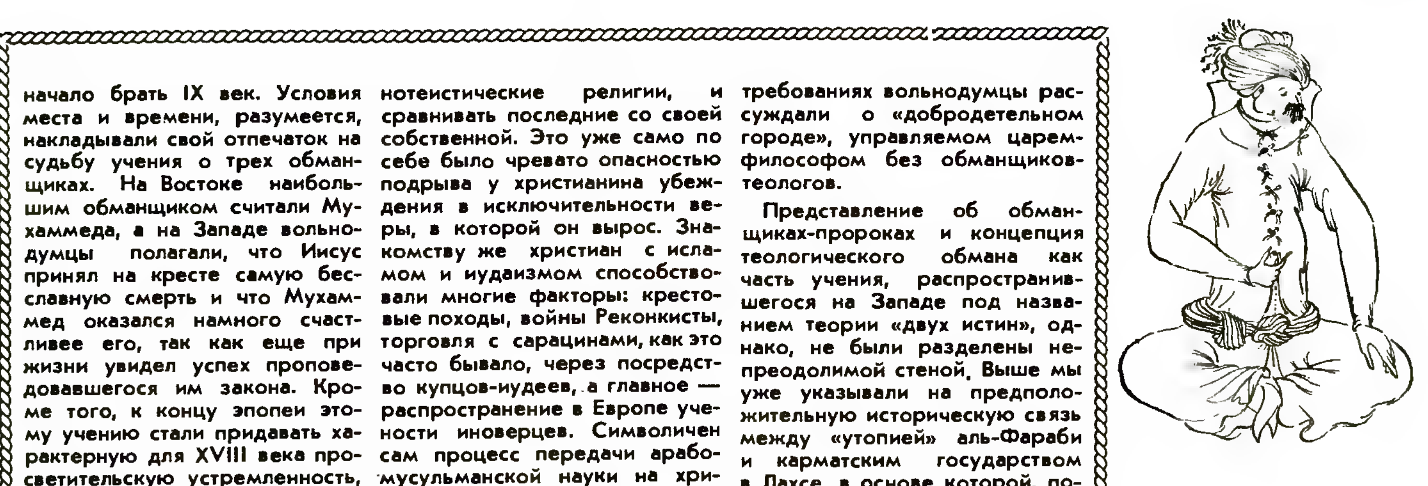
Отправившись по следам трактата «О трех обманщиках», мы прошли лишь столбовой дорогой его идей, ибо сходные ситуации порождали сходные же идеи и в других — кроме западноевропейского и арабо-мусульманского — культурных ареалах. В иудейской среде, находившейся в тесных контактах с мусульманским миром, были написаны такие произведения, как трактат Ибн Каммуны (XIII в.) «Рассмотрение исследований о трех религиях» с систематизированным изложением аргументов, направленных против истинности пророчества в иудаизме, христианстве и исламе, или трактат аль-Мукаммиса «Двенадцать рассуждений», в котором отразилось распространившееся тогда убеждение в том, что человечество не нуждается в пророках, поскольку они ни интеллектуальными, ни нравственными качествами ничуть не отличаются от остальных людей.

В IX веке оформилось учение возникшего на волне народного протеста и распространившегося в Армении и византийской Малой Азии движения павликиан, о которых Петр Сицилиец писал: «Они не признают книги Ветхого Завета, называя пророков безумцами и обманщиками...» Павликианское движение, как и движение карматов, идеологически смыкалось с освободительными выступлениями манихейцев и маздакитов; это был единый порыв бедноты, интуитивно осознавшей связь между социальным гнетом и религиозным обманом. И вполне понятно, почему в этой революционизированной среде говорили об обманщиках-пророках с той же естественностью, с какой умеренные в своих социальных требованиях вольнодумцы рассуждали о «добродетельном городе», управляемом царем-философом без обманщиков-теологов.

Представление об обманщиках-пророках и концепция теологического обмана как часть учения, распространившегося на Западе под названием теории «двух истин», однако, не были разделены непреодолимой стеной. Выше мы уже указывали на предположительную историческую связь между «утопией» аль-Фараби и карматским государством в Лахсе, в основе которой, по-видимому, лежала исмаилитская доктрина о праведном главе общины и шести его преемниках. От аль-Фараби к Ибн Рушду и от Ибн Рушда к латинским аверроистам идет традиция делить людей на три категории: погрязшая в религиозных предрассудках «чернь»; внушающая ей эти предрассудки богословская братия; возвышающаяся над всеми подобными предрассудками интеллектуальная элита мудрецов. У Кардано эта классификация приобретает уже упоминавшуюся нами форму: просто обманутые, то есть те, кто, будучи обманут, сам других не обманывает; обманутые обманщики; необманутые необманщики. При ближайшем рассмотрении перед нами оказывается несложная задача на сообразительность — одна из тех, что современные психологи называют «тестами»: существует ли в этом ряду четвертая категория людей?

Человеку XVI века нетрудно было догадаться, что она есть — это те, кто выдумал для наставления народа сказки, в которые сам не верил.

Конечно, мы не располагаем точными сведениями о руслах, по которым учение о трех обманщиках, уходя истоками своими в те же знойные края, где жили «виновники» этой доктрины, могло проникать освежающими ручьями в центры европейского свободомыслия. Скорее всего это был тот же путь, по которому осуществлялась преемственная связь средневековой арабо-мусульманской и западноевропейской культуры вообще — через Испанию и Сицилию. Но так или иначе, главное здесь не в заимствованиях и подражаниях, а в едином и закономерном течении человеческой мысли, мучительно искавшей выхода из пустыни религиозного суесловия и в этих своих исканиях преодолевавшей те вероисповедные запруды, которые разделяли людей и страны в эпоху средневековья.

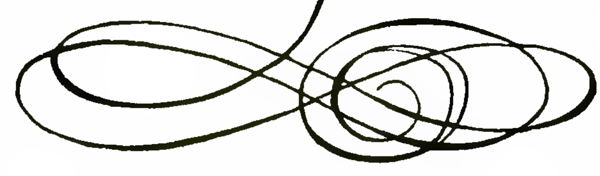

„Еще минута — и мы предстанем перед богом!..”

Б. МАРЬЯНОВ

А. С. Пушкин. Автопортрет. 1832 г.

ПОСЛЕ СМЕРТИ Пушкина среди его бумаг были обнаружены несколько листов (исследователи датируют их 1834—1835 гг.), содержащих начало прозаического произведения в форме переписки неких Марьи Ш. и Анны Г., а также тематически связанный с этой рукописью написанный Пушкиным по-французски конспект, озаглавленный: «Мария Шонинг и Анна Гарлин, осужденные в 1787 году в Нюрнберге».

Начало рукописи — три письма и две странички повествования от автора — воссоздает картину жизни немецкой бедноты конца XVIII века. Больной рабочий-ремесленник Шонинг; его 17-летняя дочь Мария, на руках которой он умирает; бедняк врач, выступающий и в роли душеприказчика покойного; бывшая служанка Шонингов Анна, торгующая рукоделиями; ее муж — безногий инвалид Гарлин; их маленькие дочь и сын; трактирщик; податной чиновник; аукционный оценщик; покупщики на аукционе — вот действующие лица этого повествования. После смерти отца Мария осталась не только одинокой, но и бездомной: дом и все имущество проданы с публичного торга, чтобы покрыть податные долги. Вконец обессиленная и измученная похоронами, кощунственной распродажей имущества, из которого ей удалось выкупить только портреты отца и матери, Мария «вышла на улицу с портретом в каждой руке» и «остановилась в недоумении: куда ей было идти?..»

На этом рукопись обрывается. О дальнейшем развитии событий мы узнаем из конспекта. Мария провела ночь на кладбище, у могилы отца. «Она ушла оттуда утром; затем, умирая с голоду, снова очутилась на кладбище». Сторожа передали ее полиции как подозреваемую в проституции. На первый раз ей пригрозили отправкой в исправительный дом и отпустили. Марию приютили Гарлины. «Она вела там весьма убогую жизнь. ...Наступила зима, работы не было; цена на продукты поднялась. Всю мебель продали вещь за вещью, кроме койки инвалида, который к весне умер».

Отчаявшиеся женщины решаются на роковой шаг, чтобы разом покончить со всеми бедами несчастной жизни, — возводят на себя ложное обвинение в детоубийстве, что каралось смертной казнью. Судебная машина сработала быстро и четко — Мария и Анна кончили жизнь на эшафоте.

Рукопись Пушкина и конспект были опубликованы (правда, не полностью, остальной текст увидел свет позже) в год его гибели в 8-м томе журнала «Современник», изданном друзьями в пользу семьи поэта. С тех пор в течение почти столетия набросок «Марья Шонинг» (так условно озаглавили его литературоведы), публиковавшийся во многих изданиях пушкинских сочинений, оставался загадкой для пушкиноведения. Почему Пушкин обратился к жизни немецкой бедноты XVIII века? Что послужило источником конспекта, излагавшего историю двух женщин, казненных в Нюрнберге? Какой могла стать, какие идеи должна была воплотить задуманная и начатая повесть?

И вот в 1934 году в сдвоенном 3—4-м выпуске сборников «Звенья», выпускавшихся издательством «Academia», литературовед Д. Якубович напечатал обширное исследование «Мария Шонинг» как этап историко-социального романа Пушкина». Якубович обнаружил источник пушкинского конспекта — вышедший в 1827 году второй том издававшегося в Париже многотомного собрания «Знаменитые иностранные уголовные дела». Именно здесь, среди хроники многочисленных судебных дел[1] и прочел Пушкин трагическую историю Марии Шонинг и Анны Гарлин, которые были казнены «по законам протестантского немецкого государства», как сказаио в судебном деле.

Д. Якубович обосновал закономерность обращения Пушкина в 30-х годах — в пору становления пушкинского реализма — как к документальным источникам, в частности к весьма популярному в то время жанру судебных хроник, так и к быту трудовых низов общества, бедняков. Он детально сравнил начало пушкинской повести с конспектом и первоисточником, выявил принципы и методы художественного перевоплощения судебного дела в бытописательскую повесть.

«Мария Шонинг», — делает вывод Якубович, — не случайное обращение Пушкина н сюжету из немецкой истории; черты социального протеста сделали для него это произведение близким. «Мария Шонинг» — естественная попытка, естественный этап на пути пушкинского историко-социального романа».

Так 45 лет тому назад была разгадана столетняя загадка «Марии Шонинг» — по крайней мере в тех пределах, которые очерчивают пушкинская рукопись и обнаруженный исследователем ее источник. Казалось бы, к всестороннему и детальному анализу Якубовича и добавить нечего. Но все же в пушкинском наброске есть один немаловажный аспект, который не привлек внимания ни Якубовича, ни других исследователей.

В трагическом сплетении обстоятельств, приведших на эшафот Марию Шонинг и Анну Гарлин, немаловажную роль, наряду с социальными и юридическими факторами, сыграла и религиозная идея о загробном воздаянии за бедствия и невзгоды земной жизни, представление о том, будто для бедствующего и страждущего смерть — начало подлинной, бесконечной и блаженной небесной жизни, счастливое воссоединение с всеблагим господом и ранее умершими близкими.

У Марии уже мелькала мысль о самоубийстве — после того, как ее первый раз задержала полиция, заподозрившая в ней проститутку. «Мария хотела броситься в Пегниц», — читаем в пушкинском конспекте. А в судебном деле здесь говорится и о том, что к такому решению ее толкнули не только отчаяние и пережитое в полиции унижение, но и мысль о том, что «в другом мире она бросится к ногам своего отца и что он не откажется принять ее оправдания». Анна тогда спасла подругу, убедила ее простым житейским доводом (Пушкин записал его в конспекте): «Жизнь коротка, а небо — навсегда, дитя мое».

Но обе они — и Мария и Анна — истые дети свого века, искренне и безраздельно принимающие учение церкви. Именно такими рисует их даже краткое начало пушкинской повести: посылая Марии «в гостинец» косынку, Анна просит: «Обнови ее, милая Марья, в будущее воскресенье, когда пойдешь в церковь». Мария в своем письме приводит предсмертные слова отца: «Господь, награди ее; господь, тебе ее поручаю», очевидно, придавая им особое значение; она описывает также чувства, которые охватили ее в церкви во время отпевания отца. Для Марии и для Анны нет сомнений в реальности потустороннего блаженства. И когда жизнь снова и снова ставит их на грань отчаяния и голодной гибели, закономерно приходит страшная мысль: положить предел земным страданиям переходом в мир иной.

Трудно сказать, почему Мария избрала для этого именно топор палача, — возможно, она опасалась, что грех самоубийства ввергнет ее в адскую пучину, перед казнью же ей будут отпущены грехи, что откроет путь на небо. А возможно, смерть вдвоем с подругой не так ее пугала. Как бы там ни было, но именно эта страшная своей противоестественностью мысль родилась в ее затуманенном отчаянием сознании.

Родилась вдруг — в полицейском участке, куда ее привели вторично как подозреваемую в проституции. Свое ложное признание в том, что она родила ребенка, которого приняла Анна, и что они вдвоем умертвили его, Мария дала, не сговариваясь с подругой, которую увидела только на очной ставке в суде. Та, потрясенная и недоумевающая, все отрицала, но Мария «схватила связанные руки своей мнимой сообщницы и сказала ей: «Анна, сознайся в том, чего от тебя требуют! Милая моя Анна, для нас все кончится». Для Анны мысль о смерти как избавлении от земных горестей и переходе в мир вечного блаженства

[1] Небезынтересно, что среди них — целая серия процессов о колдовстве, в том числе и известное дело «колдуний» из американского городка Салема (1691 г.).

столь же близка и непререкаема, как и для Марии: «Анна поняла ее, обняла и сказала, что ребенок был брошен в Пегниц».

В день казни осужденных «повели в церковь, где они молитвою приготовились к смерти». Священник сопровождал их и присутствовал во время казни. По сути дела, все было сделано для того, чтобы в последние часы поддерживать у осужденных привычный религиозный настрой, укрепить веру в ту идею, которая вела их на смерть.

На эшафоте уже Анна подбадривала юную подругу — указывая на небо, сказала ей: «Еще мгновение, и мы будем там! Мужайся, еще минута — и мы предстанем перед богом!»

Незадолго до того, как в германском городе Нюрнберге были казнены две бедные женщины, француз Дени Дидро писал:

«Если бы христиане последовательно следовали требованиям своей религии, они должны были бы умертвить своих детей (чтобы те не успели согрешить), а после исповеди и отпущения грехов — самих себя, чтобы наверняка обеспечить себе вечное блаженство».

Убежденный атеист и критик религии зорко подметил вопиющий антигуманизм, человеконенавистническую сущность религиозных догм о бессмертии души и загробном воздаянии за земные беды. В самом деле, если душа бессмертна и за гробом ее ждет вечное блаженство, то к чему длить дни земной юдоли, если, к тому же, она не несет и не сулит ничего, кроме бед, страданий и унижения? Не логичнее, не естественнее ли побыстрее расстаться с невзгодами бренной жизни, взыскуя жизнь вечную, блаженную, райскую?.. К счастью для верующей части человечества, не все приверженцы религии так буквально понимают этот догмат и не спешат доводить его до логического конца. И все же немало находится и таких, кого прельщает эта враждебная человеку и жизни иллюзия, сущность которой замаскирована обманчивой перспективой райского блаженства.

Можно было бы выстроить длиннейший мартиролог от древности до наших дней, но ограничимся лишь несколькими примерами. Вспомним первых христиан, покорно шедших на мученическую смерть в надежде на царство небесное. Вспомним унесшие десятки тысяч жизней массовые самосожжения русских старообрядцев в пору жестокого преследования их царской властью и православной церковью...

Но не только в условиях гонений, в безвыходных ситуациях у верующих рождается мысль ускорить переход в «мир иной».

Н. Г. Чернышевский с негодованием описал в своих автобиографических записках случай, происшедший недалеко от его родного Саратова, в Аткарском уезде:

«Около 1830 года... явился в селе Копенах злодей, норчивший из себя спасителя душ. Убеждал, убеждал и убедил; семейств двадцать, если не больше, нагрузили все свои пожитки на телеги и поехали обозом. Приехали, — где-то за селом к овину или к риге, — и началось спасение душ, приобретение венцов мученических: положена была плаха, — они затем и ехали, — у плахи стал с топором злодей, несчастные подходили, один за другим, одна за другою, клали головы на плаху... Нескольким десятнам человек злодей дал венец мученический и уехал с телегами».

Этим злодеем был некий И. Юшкин, руководитель религиозной секты «нетовцев», или «спасовцев», которые в «самоубийственной смерти» видели путь спасения, перехода из «царства антихриста» в «царство божие». Эта проповедь нашла благодатную почву среди крепостных крестьян, под ее влиянием темные, забитые люди оказались психологически подготовленными к страшному концу. 35 человек — от полугодовалого ребенка до 70-летнего старика — погибли в ночь под 1 марта 1827 года.

1827 год... Пушкин мог знать об этой трагедии. А если не о ней, то о других подобных; в его время они не были редкостью.

А вот не менее жуткая история, относящаяся уже к более близким временам... В конце 20-х годов в северных лесах, на границе нынешних Коми АССР и Кировской области, обосновалась группа верующих одного из самых фанатичных старообрядческих толков — истинно православных христиан странствующих («скрытников»), которые победу социалистической революции толковали как воцарение антихриста и знамение близкого конца света. Руководитель общины Христофор Зырянов вел среди своих приверженцев настойчивую проповедь, убеждал их «принять добровольное самоумерщвление», и его приняли (правда, не всегда добровольно: колебавшимся «помогали» Христофор и его подручные) не менее 60 человек, в большинстве своем молодые женщины [2].

Многообразны ипостаси этой религиозной догмы.

Ее зловещий отсвет сквозит в откровениях западногерманского евангелического епископа Дибелиуса, с которыми он выступал во времена «холодной войны»:

«Применение водородной бомбы с христианской точки зрения не является столь ужасным делом. Мы все стремимся к вечной жизни, и поэтому, если одна водородная бомба убьет миллионы людей, тем скорее эти люди достигнут вечной жизни».

Она слышна и в словах, сказанных при посещении прошлым летом московского молитвенного дома евангельских христиан-баптистов американским астронавтом Джеймсом Ирвином, который свою тираду о том, как бог сопровождал его в Космосе и встречал на Луне, закончил такими словами:

«Господь сам готовит нас в самый дальний путь. Придет время, и мы отправимся в этот радостный путь. Господь хочет, чтобы мы были там, где он»[3].

Ту же мысль на свой лад проповедует и православный богослов:

«Первый день рождения — это тот день, когда мы родились на этот свет... День крещения — это второй день нашего рождения.... Третий день рождения — день смерти... Вечная жизнь, в которую мы рождаемся через смерть... это новая жизнь... В ней мы будем свободны от голода, жажды, холода, телесных слабостей, от всех болезней нашей земной жизни... Начало этой новой жизни — минута нашей смерти»[4].

А вот и самая недавняя (но наверняка не последняя) жатва, которую сняла религиозная догма о загробном блаженстве с нивы, обильно удобренной веками христианской проповеди, — трагедия, разыгравшаяся в джунглях южноамериканской республики Гайаны, где члены приехавшей из США религиозной секты «Народный храм» по велению их духовного наставника Джимми Джонса умертвили себя и своих детей (около тысячи жертв!) [5].

Причем характерно: Джонс призывал своих приверженцев к самоубийству чуть ли не теми же словами, которыми Анна Гарлин два столетия назад подбадривала на эшафоте свою подругу. «Все примем смерть! — возглашал он. — Через час мы встретимся на том свете».

В свете всего сказанного события, разыгравшиеся два столетия назад в германском городе Нюрнберге, события, описанные в судебной хронике и воспроизведенные затем пером Пушкина, открываются нам своей новой стороной. Гибель на эшафоте двух бедных женщин — это социальная драма, но в то же время это — финал, подсказанный религиозному сознанию самыми фундаментальными, основополагающими догмами христианской религии. Притом к такому финалу приводит их не какое-то превратное, ошибочное истолкование этих религиозных догм, а именно логически последовательное их восприятие, непререкаемая вера в их истинность. Марию Шонинг и Анну Гарлин привела на эшафот та же внушаемая церковью иллюзия, которая зажигала костры старообрядческих срубов, которая вложила топор в руку «нетовца» Юшкина, которая руками Христофора Зырянова толкала в болото молодых «скрытниц», которая руками Джимми Джонса и его подручных замешивала в корытах смертельное пойло...

В пушкинском изложении трагическая история двух женщин из германского города Нюрнберга предстает перед нами не только как протест против социальной несправедливости, против общественных обстоятельств, которые ставят людей на грань нищеты и отчаяния, но и как осуждение того ложного (но непререкаемо-авторитетного для них) учения, той, если применить пушкинское выражение, «ложной мудрости», которая подсказывает людям такой уродливый, противоестественный способ социального протеста, избавления от земных бед.

Для гуманиста и жизнелюбца Пушкина высшая ценность — человек со всем богатством его земной жизни. Еще в юности отринул он «слабые доказательства бессмертия души». Смерть для него — не рождение к жизни вечной, а гибельный конец, пустота, небытие, «сумрак роковой», «ничтожества спокойный мрак». «Мой ум упорствует, надежду презирает... Ничтожество меня за гробом ожидает». «Последний взор моих очей луча бессмертия не встретит», — в этом он убежден. «Я скоро весь умру», — так передает Пушкин чувства осужденного на казнь в элегии 1825 года. «Весь» — значит и тело и дух. А в предсмертном «Памятнике» уточняет — уже применительно к самому себе: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит». Бессмертно только созданное человеком; иного бессмертия не дано.

Всем своим существом, всем своим творчеством Пушкин протестует против религиозной иллюзии о том, что жизнь земная — лишь бренная прелюдия к жизни загробной, а смерть — главное рождение человека, желанный шаг к вожделенному блаженству.

---

[2] См.: А. Шамаро. Станция Безбожник. «Наука и религия», 1974, № 1—2.

[3] «Братский вестник», 1978, № 4.

[4] Митрополит Николай. День рождения. «Журнал Московской патриархии», 1957, № 1.

[5] См. об этом статьи Л. Борисоглебского и В. Гараджи в пятом номере «Науки и религии» за этот год.

ЮНЫМ — СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ

Д. ЕРМАКОВА

■ Молодежь — будущее страны, будущее мира. Воспитание здоровой духом, активной молодежи, способной решать самые сложные вопросы, — одна из важнейших задач государства.

Болгарская коммунистическая партия (БКП), общественность братской страны уделяют много внимания молодежи, воспитывая в ней гражданственность, патриотизм, коммунистическое отношение к труду, формируя у подрастающего поколения твердые диалектико - материалистические представления о природе и обществе. Их неотъемлемой составной частью является атеистическое мировоззрение, воспитание которого — одна из важнейших сторон идеологической работы партийных и общественных организаций и учебных заведений. Под рубрикой «Атеизм молодежи» софийский журнал «Атеистична трибуна» помещает материалы, всесторонне освещающие эту важную проблему*, в том числе и те из них, которые посвящены атеистическому воспитанию детей.

Семья — первый коллектив, формирующий личность ребенка. Именно здесь он воспринимает первые социальные и культурные понятия. Наблюдения показывают, пишет кандидат педагогических наук Ненка Стоименова (1978, № 1), что от 1 до 3 лет ребенок делает первые шаги к усвоению человеческого опыта и установлению активного контакта с окружающей средой. При этом иконы, кресты, лампады и другие атрибуты культа часто оставляют глубокий след в детском сознании, хотя в тот период и воспринимаются им пассивно. В 3—7 лет начинается активное восприятие. Ребенок перенимает у родителей все: манеру поведения, действия, интонации, оценки, он искренне переживает самые незначительные события. Иногда непонимание психики ребенка и педагогическая неопытность родителей ведут к неприятным последствиям. Например, чтобы успокоить расшалившееся дитя, родные пугают его ведьмами, чертями, рассказывают сказки о злых духах, вампирах и т. д. А это создает благоприятную почву для последующего восприятия религиозных представлений. С 7 лет ребенок идет в школу, становясь членом нового коллектива. В этом возрасте особенно велик авторитет родителей и потому велико значение их личного примера, включая и атеистические взгляды.

Очень сложен и ответствен период от 10 до 16 лет, указывает Н. Стоименова. Обостренная наблюдательность, стремление к самопознанию, зарождение нового отношения к собственной лично-

Социализм привел не только к появлению новой, гражданской обрядности, но и к обновлению, наполнению новым содержанием старинных народных традиций, всегда оназывавших большое влияние на детей. Вот эти будущие хозяева жизни из болгарского села участвуют в одном из таких обновленных старых праздников — вместе со взрослыми встречают Новый год.

В медицинском кабинете детского сада.

На занятиях по рисованию — так начинается эстетическое воспитание.

* Предыдущие обзоры этого журнала см. в «Науке и религии» — 1975, № 9; 1976, № 10; 1978, № 12.

сти, к своей внешности и т. д. — таковы особенности этого возраста. Вот почему при малейших проявлениях у ребенка элементов религиозности необходимо сразу же предпринимать тактичные меры разъяснения и переубеждения, прежде всего опираясь на учебный материал и примеры из жизни.

Не менее бурно, чем физиологическое и физическое возмужание, прогрессирует умственное развитие юношей и девушек от 16 до 20 лет. В этом возрасте формируются представления о мире в целом, молодой человек начинает задумываться над своим предназначением, целью и смыслом жизни, над тем, что такое счастье, и т. д. Особенно его волнует будущее. Отсюда и интерес к гаданиям, предсказаниям, а иногда и к религии. Вот почему так важно, чтобы родители и школа на этом этапе выступали сообща в своих усилиях сформировать у юношей и девушек правильное, научное мировоззрение.

После 18—20 лет начинается новый период в жизни человека. Духовная и материальная независимость, трудовая деятельность, самообразование и самостоятельный анализ социальных и природных явлений вытесняют интерес к религии на последнее место или он исчезает совсем.

Разумеется, отмечает автор статьи, бывает, что с выходом на пенсию некоторые возвращаются к религиозным представлениям, однако чаще это происходит под влиянием социальных факторов: прекращается активная трудовая деятельность, ослабевают личные контакты, сужается круг общественных интересов.

Автор статьи «Семейный быт и атеистическое воспитание» (1977, № 2) Сава Савов также считает семью немаловажным инструментом атеистического воспитания.

Это, в частности, пишет он, подтвердили социологические исследования, проведенные в Кырджалийском округе. В недавнем прошлом тот был отсталым, но ныне здесь сделано очень много для улучшения быта и жизни людей. Электрифицированы и получили водопровод самые отдаленные села. В результате значительно улучшилось материальное положение семей, что не могло не сказаться на духовных интересах, взглядах и мыслях молодых людей. В округе наблюдается непрерывный процесс ослабления религии как активной формы общественного сознания. Но хотя ее воздействие на общественную жизнь незначительно, тем не менее здесь еще относительно больше верующих, чем в других районах страны.

Как показали социологические исследования в округе, бытовые проявления религиозности здесь условно можно разделить на две группы. Во-первых, это чисто культовые ее проявления — такие, как богослужение, молельные уголки в доме. Во-вторых, традиционная сторона бытовой набожности — крещение, венчание, отпевание. Установлено также, что среди православных верующих преобладают женщины, а среди мусульман (в основном турок) — мужчины.

Интересны результаты исследования отношения населения к праздничным обрядам. Новые, гражданские ритуалы больше распространены среди болгар, а культовые — у турок. При этом следует иметь в виду, что религиозные традиции довольно заметно влияют на психику подростков и детей, готовят благодатную почву к восприятию ими религиозных представлений.

Опрос также показал, что какая-то часть школьников округа подвержена суевериям и мистике. Некоторые из них даже утверждали, будто в их селе появляются вампиры. Другие уверяли, что лично видели их. Все это приводит к тому, что такие подростки не могут правильно осмыслить явления реальной действительности, а иногда даже задерживаются в своем умственном развитии.

Для формирования научно-материалистического мировоззрения недостаточно одного лишь преподавания естественных и общественных наук. Необходимо еще, чтобы все обучение и воспитание имело атеистическую направленность. Только в этом случае школа сможет оградить подростков от возможного влияния религии, которому они особенно подвержены в 12—13 и в 17—18 лет, подчеркивается в статье доцента Стоянки Жековой «Ученики, учителя и атеистическое воспитание» (1977, № 3).

В таком возрасте школьники начинают ощущать себя членами общества, искать в нем свое место, самостоятельно оценивать собственные поступки и все чаще задумываются над будущим. Они хотят все знать и понимать, но им не хватает сил, интеллекта, возможностей, и тогда «возникает опасность — кто и как даст им ответ».

В этот период дети, особенно девочки, зачастую начинают интересоваться гадательными книгами, гороскопами, толкованием снов и т. д. В Пазарджикском округе, например, некоторые учащиеся собирались, чтобы «вызывать души умерших великих людей», а после этого ходили бледные, молчаливые и напуганные. Отдельные школьники верят, что их ждут неприятности, если, забыв что-либо, они возвратятся, или если дорогу перебежит кошка, или встретится священник либо женщина в трауре и т. д.

Что же школа может противопоставить таким проявлениям религиозного мышления? Прежде всего — научное содержание обучения, атеистические лектории, фильмы, беседы и т. п. Огромную воспитательную роль играет и личность самого учителя. Высокая профессиональная подготовка, умение наладить контакт с учениками, уважение к их личности, наконец, организаторские способности — вот качества, обладая которыми педагог может формировать характер и личность ученика.

Историческая наука, пишет Грозданка Ленкова в статье «Атеистическое воспитание на уроках истории» (1978, № 3), помогает раскрыть в полной мере социальные и гносеологические корни религии, ее использование господствующими классами для духовного порабощения народа в различные исторические эпохи, дать анализ пробуждающегося в массах критического отношения к религии и т. д.

С этой целью, например, на уроках по истории первобытнообщинного и рабовладельческого обществ надо раскрывать страх и бессилие древних перед силами природы и возникновение на этой почве религиозных представлений. Широкие возможности для атеистического воспитания открываются перед учителем при прохождении таких тем, как возникновение христианства и его превращение из идеологии угнетен-

ных в государственную религию Римской империи и возникших на ее обломках феодальных королевств. Еще более благоприятные возможности для атеистического воспитания предоставляет курс истории средних веков. Давая анализ таких исторических тем, учитель подводит учащихся к атеистическим выводам, показывает несостоятельность религиозных догм.

Однако, формируя у школьников научно-материалистическое мировоззрение, пишет Мария Павлова в статье «Клубы «Молодой атеист» в столице» (1977, № 1), нельзя ограничиваться лишь уроками: одно изучение тех или иных предметов еще не в состоянии нейтрализовать попытки проводников религии распространить ее влияние в сфере этики и морали. Поэтому, в дополнение к учебному процессу, необходимо организовать целенаправленную внеклассную работу. Прежде всего это классные часы, проводимые, как правило, раз в неделю. В их программе — беседы и диспуты на самые различные темы: «Наука и религия», «Суеверие и медицина», «Что такое судьба человека», «Атеизм Христо Ботева» и т. д.

С этой целью Городской дом социалистического быта и культуры, отдел народного образования при Софийском городском народном совете и городской комитет Димитровского коммунистического союза молодежи подготовили положение о структуре и деятельности клубов «Молодой атеист» в столичных школах. Эти клубы создаются в помощь комсомольским организациям и пионерским дружинам в школах, координируют и направляют всю внеклассную работу по атеистическому воспитанию учащихся.

Уже в 1974/75 учебном году в Софии было создано 153 таких клуба. Их работой руководят опытные учителя истории, основ коммунизма, литературы, биологии, химии и других предметов. Они проходят специальную подготовку в Институте пропаганды марксизма. Руководители клубов часто обмениваются опытом работы и обсуждают волнующие их проблемы в Городском доме социалистического быта и культуры.

За несколько лет своего существования клубы «Молодой атеист» стали основными центрами атеистического воспитания учащихся, их деятельность высоко оценивается партийными и общественными организациями. Дома социалистического быта и культуры издают в помощь активу клубов листок «Молодой атеист», предоставляют им радиозаписи атеистических произведений, исполненных известными актерами, помогают в проведении антирелигиозных мероприятий.

Хороших результатов достигают клубы «Молодой атеист», говорится в статье, показывая художественные, документальные, научно-популярные фильмы, организуя кружки, знакомящие с основными проблемами научного атеизма с использованием художественной литературы и искусства, устраивая читательские конференции по атеистическим произведениям. Причем клубы не только стараются привлечь к этим мероприятиям родителей, но и проводят разъяснительную работу с теми из них, кто еще находится под влиянием религии и стремится в соответствующем духе воспитывать своих детей.

В 1975 году в Софии по инициативе одного из районных домов социалистического быта и культуры был основан Клуб молодой семьи, с опытом работы которого также знакомит «Атеистична трибуна» (1977, № 1).

Под руководством научного сотрудника Института музыковедения Болгарской Академии наук Милы Миладиновой-Коевой сложилось ядро активистов этого клуба. Оно разработало и реализовало план работы, в рамках которого были прочитаны циклы лекций по научному атеизму, о роли семьи в утверждении социалистического образа жизни и другие. Клуб организовал курсы повышения культуры быта молодежи, популяризации и распространения новой празднично-ритуальной системы, планирования досуга и отдыха, провел научно-практическую конференцию «Социалистический образ жизни и гражданские праздники и ритуалы». По образцу этого аналогичные клубы возникли и в других кварталах столицы.

Материалы о молодежи, публикуемые «Атеистичной трибуной», лишь частично отражают ту большую заботу, которой окружены юные граждане страны. Вот только один пример: на заседании Комиссии по социальной политике Народного собрания НРБ заслушивался доклад о результатах проверки работы государственных и общественных органов по решению проблем молодых семей. При этом были рассмотрены мероприятия по облегчению условий труда молодых матерей, по охране женского труда, строительству детских учреждений, по общественному обслуживанию, здравоохранению и улучшению жилищных условий и отдыха молодых семей.

В Болгарии, как и в других государствах социалистического содружества, давно уже не существует таких проблем, как высокая детская смертность, детский труд, беспризорность и т. д., а Международный год ребенка стал здесь годом еще более активного строительства детских садов, школ, домов пионеров, поликлиник, спортивных комплексов — короче говоря, создания всех условий для еще более счастливой жизни детей.

НОВЫЙ ПЛАНЕТАРИЙ

Купол нового будапештского планетария — один из самых больших в мире, его диаметр 23 метра. С помощью 160 проекционных аппаратов и 32 моторов на нем воспроизводится звездное небо.

ТАЙНЫ МОЗГА

«Мозг, память и обучение» — такова главная тема статей, опубликованных в одном из номеров ежеквартального журнала ЮНЕСКО «ИМПАКТ — наука и общество».

Известный советский врач Н. М. Амосов, например, выступает на его страницах с анализом возможности моделирования человеческого интеллекта, искусственного воспроизведения всех или некоторых его качеств. Сославшись на проведенные опыты, он высказывает мнение, что эта проблема, какой бы трудной она ни была, не кажется неразрешимой.

Английский лингвист Йорик Уилкс рассказывает о ряде гипотез, выдвигаемых специалистами, работающими над созданием электронного мозга, который будет понимать человеческую речь. Автор полагает, что нужно подождать появления нового поколения ЭВМ, способных решить, какую из этих теорий следует принять для изготовления модели такого «мозга».

В других статьях журнала приводятся мнения ученых о роли наследственности и среды в развитии мозга, о его работе во сне и о некоторых психических заболеваниях.

В БОРЬБЕ ЗА ЧИТАТЕЛЯ

Н. УРИНА, кандидат филологических наук

ОФИЦИАЛЬНЫЕ документы «святого престола» свидетельствуют о том, что католическая церковь, обладающая огромным опытом идеологической обработки широких масс, ныне придает большое значение активному распространению своих идей и оценок, религиозной идеологии в целом с помощью средств массовой информации. Эти проблемы обсуждались и на II Ватиканском соборе, им отводится значительное место в печати, их разработкой занимаются специальные церковные и светские организации. Большое внимание средствам массовой информации было уделено, в частности, и в пастырской инструкции «Коммунио эт прогрессио» («Единение и прогресс», 1971).

Еще в 1923 году католические журналисты обрели себе небесного покровителя, «обязанности» которого папская энциклика «Рерум омниум» возложила на святого Франциска Салезского. Однако у клерикальных пропагандистов есть патрон не только на небе, но и на земле. И не один. Это и высшая церковная иерархия, и различные религиозные организации, и, конечно же, влиятельные круги буржуазии во многих странах, с которыми церковь связана общими экономическими, политическими и идеологическими интересами.

Социальная функция печати, ее роль в формировании общественного мнения приобретают особо важное значение для клерикалов во Франции, где существует давняя антиклерикальная традиция и где, по единодушному убеждению как сторонников, так и противников церкви, «общественное мнение все более дехристианизируется». Достаточно сказать, что уже к середине 60-х годов в этой стране, по свидетельству журнала «Пресс-актюалитэ» («Современная пресса»), насчитывалось около 4 тысяч изданий, так или иначе связанных с религией.

Католическая печать во Франции ведет свое начало с 1701 года, когда тамошние иезуиты стали издавать «Журналь де Треву» («Газета Треву» — по названию местности). Обострение отношений Ватикана с правительствами Третьей Республики (1870—1940 гг.), усилившаяся борьба за светский характер государства и школы, с одной стороны, и развитие массовой буржуазно-либеральной прессы, в те годы имевшей антиклерикальную направленность, — с другой, вызвали в свою очередь активизацию католической антилиберальной контрпропаганды и появление массовой католической печати. В 1883 году на базе одноименного журнала начала выходить ежедневная газета «Круа» («Крест»). Позднее было создано и католическое издательство — «Бейяр-пресс» (Бейяр — улица в Париже, где оно находится).

С тех пор французская католическая печать, как и церковь, прошла путь от борьбы с буржуазной республикой до поддержки монополий и защиты капиталистического строя и ныне органично вписывается в современную систему западной пропаганды. В основе этого факта лежит общность классовых интересов современной буржуазии и церкви, взаимопроникновение политических устремлений клерикалов, буржуазного государства и монополистического капитала.

В значительной мере именно с помощью массовой печати католическая церковь воздействует на политику и идеологию западного мира.

Современная французская католическая пресса представлена периодическими изданиями приходов и епархий, религиозных орденов и конгрегаций, а также «Католического действия», профсоюзных, молодежных и других светских христианских организаций.

Религиозными орденами и конгрегациями накоплен немалый издательский опыт. Созданный, например, еще в 1856 году иезуитами журнал «Этюд» («Познание») и поныне считается одним из наиболее солидных клерикальных органов. Орден доминиканцев, в задачу которого входит и контроль над католической печатью, не только занимается выпуском периодики, но и владеет более чем 20 издательствами, в том числе пользующимися известностью и за пределами Франции. Крупнейшее и старейшее католическое издательство «Бейяр-пресс» финансируется, контролируется и направляется конгрегацией ордена ассомпсьонистов. Издательство «Юньон дезёвр» («Союз благотворительных обществ») до 1967 года было в руках конгрегации Сынов милосердия, а теперь контролируется ассомпсьонистами и доминиканцами. Издательский центр «Пюбликасьон де ля ви католик» («Католическая жизнь») хотя и принадлежит светской клерикальной организации, но направляется доминиканцами.

«Бейяр-пресс» располагает современной полиграфической базой и выпускает около 20 периодических изданий, среди которых ежедневная вечерняя газета «Круа», иллюстрированный еженедельник «Пелерэн» («Пилигрим»), ряд провинциальных изданий, детская и молодежная периодика, журнал для пожилых «Нотр тан» («Наше время»), специализированные журналы «Докюмантасьон католик» («Католическая документация»), «Пресс-актюалитэ» и т. д.

Одна из старейших ежедневных газет Франции «Круа» в большинстве случаев выступает на стороне правительства и в то же время, хотя она юридически и не является официальным органом французского епископата, эта газета безусловно отражает его точку зрения, а иногда — и точку зрения Ватикана. И в этом смысле она близка к «Оссерваторе Романо», формально тоже не являющейся официальным органом святого престола, но практически выступающей как его официоз. Ежедневно комментируя актуальные события, помещая большое количество информации и иллюстраций, «Круа» занимает видное место не только в системе католической печати, но и во всем газетном мире Франции.

Другой орган «Бейяр-пресс» — «Пелерэн» — один из старейших католических еженедельников так называемого семейного типа. На его страницах вопросы религиозного характера и внешней политики, научной и культурной жизни соседствуют с советами домашним хозяйкам, с педагогическими проблемами, с беллетристикой и даже с комиксами.

Другое крупное французское католическое издательство — «Юньон дезёвр» (иначе «Флёрю» — улица в Париже, где оно расположено) — специализируется в основном на выпуске детской и молодежной литературы и периодики. Утратив монополию на воспитание детей и столкнувшись с широким проникновением в среду молодежи прогрессивной идеологии, католическая церковь ныне, как известно, особое внимание стала уделять пропаганде, направленной на подрастающее поколение, о чем, в частности, свидетельствует и последний ватиканский синод *.

Католическая печать «для молодых» включает и многочисленную периодику, строго дифференцированную по возрастному признаку, рассчитанную на детей, подростков, юношей и девушек. Для каждого типа этих изданий характерны свои методы подачи материала. Только «Бейяр-пресс» и «Юньон дезёвр» выпускают больше 10 молодежных изданий. Среди них и журнал для малышей «Пом дапи» («Красное яблочко»), и ежемесячник «Промесс» («Обещание»), адресованный 18—20-летним.

Издания, выпускаемые «Бейяр-пресс» и «Юньон дезёвр», преимущественно отражают традиционные направления в католической журналистике. Третье же крупное клерикальное издательство — «Пюбликасьон де ля ви католик», основанное в 1945 году, отражает в определенном смысле новые направления в деятельности всей католической церкви и ее печати. Кроме всего прочего, оно выпускает массовый иллюстрированный еженедельник «Ви католик иллюстре» («Католическая жизнь в иллюстрациях», с 1976 года просто «Ви» — «Жизнь», тираж 500 тыс. экз.), который занимает видное место среди других иллюстрированных еженедельников Франции.

Католическая печать пытается расширить сферу своего влияния и за счет выпуска периодических изданий, рассчитанных не только на французского, но и на зарубежного читателя. Среди них, например, журнал «Круассанс де жён насьон» («Развитие молодых государств»), освещающий актуальные проблемы стран Азии, Африки и Латинской Америки с позиций католической церкви. Другой иллюстрированный журнал этого издательства, «Энформасьон католик энтерна-

* Более подробно о нем см. статью В. Мазаловой «Ватикан: V синод». «Наука и религия», 1978, № 6.

сьональ» («Международная католическая информация»), также рассматривает актуальные международные вопросы, но уже во всемирном масштабе. Он издается на нескольких языках и распространяется не только во Франции.

Католическая печать, как и вся пресса вообще, не может не считаться с бурным развитием в наше время других средств массовой информации и пропаганды — радио и телевидения. Все это делает еще более актуальной задачу сохранения и завоевания массового читателя, требует от католической прессы поисков более квалифицированных, а вместе с тем и более популярных, занимательных форм подачи информации. Кроме того, клерикальные журналисты стремятся давать свое толкование того потока новостей и комментариев, который обрушивают на читателей радио и телевидение, направлять их внимание на те или иные передачи, вовремя умалчивать о других, соответствующим образом оценивать фильмы и спектакли.

Именно с этой целью издательство «Пюбликасьон де ля ви католик» стало издавать иллюстрированный еженедельник «Радио, синема, телевизьон» («Радио, кино, телевидение»), ныне сменивший свое название на «Телерама». За последние три года в результате упорных поисков новых форм и тем этот журнал сумел завоевать достаточно широкую аудиторию (тираж свыше 300 тыс. экз.).

Кроме периодики, выпускаемой этими тремя самыми крупными католическими издательствами, во Франции существует немало других клерикальных журналов и газет — таких, например, как «Темуаньяж кретьен» («Свидетельство христианина»), «Этюд», «Франс католик» («Католическая Франция»), которые представляют различные церковные течения.

Так, левые католики и прогрессисты группируются вокруг еженедельника «Темуаньяж кретьен», начавшего выходить нелегально еще в период фашистской оккупации в 1941 году. Кстати, его читают не только в католических кругах. Во многом это объясняется тем, что «Темуаньяж кретьен» наиболее откровенно и прямо заявляет о своей политической позиции, о своем стремлении принимать самое активное участие в политической жизни страны. Этому еженедельнику как бы противостоит другой — «Франс католик» — издание явно интегристского, то есть консервативно-католического толка.

Многочисленной периодикой располагает и самая массовая из светских клерикальных организаций — «Католическое действие». И хотя оно пытается охватить сетью своих филиалов и пропаганды почти все профессиональные и возрастные группы населения, в том числе и рабочий класс, однако именно в пролетарской среде, где столь значительно влияние марксизма, католическая идеология встречает наибольшее сопротивление. Поэтому и периодические издания рабочих католических организаций («Темуаньяж» — «Свидетельство», «Жёнесс увриер» — «Рабочая молодежь» и др.) непопулярны даже среди их членов. Гораздо более влиятельны клерикальные издания, адресованные сельскому читателю или женщинам. Так, ежемесячник Всеобщего женского католического действия «Эко де нотр тан» («Эхо нашего времени») выходит миллионным тиражом, что, впрочем, скорее свидетельствует не столько о его популярности, сколько о платежеспособности издающей его организации, поскольку он рассылается всем ее членам.

Однако все католические издания независимо от формы подачи материала, профиля издательства и церковного направления, которое они поддерживают, объединяет общность целей, вытекающих из стоящих перед ними задач пропаганды социально-политической доктрины церкви и евангелизации населения. Печать — действенное орудие клерикализма в его борьбе за сердца и умы верующих, против прогрессивной идеологии, в защиту капитализма.

Подытоживая сказанное, можно говорить о существовании во Франции целой системы католической прессы. Ее интересы в масштабе страны представляют Национальный центр католической печати и Национальная ассоциация провинциальной католической печати. О значении, какое церковь придает этому участку своей деятельности, свидетельствует и существование в католических школах и университетах специальных отделений, готовящих журналистов.

Несмотря на то что французская католическая печать представлена практически всеми типами изданий и располагает новейшими техническими средствами, а ее пропаганду отличают тонкость и изощренность, ей все труднее сохранять свое влияние, приходится все ожесточеннее бороться за читателей. И не только потому, что она испытывает на себе всю тяжесть духовного кризиса, переживаемого, как отмечал XXV съезд КПСС, современным буржуазным обществом, но и потому, что сама религия испытывает глубокий кризис.

МАРАБУТЫ В МАРОККО

В. РАСНИЦЫН

В начале VIII века территория современного Марокко была завоевана арабами и включена в состав Арабского халифата. Берберские племена легко восприняли ислам — эта религия соответствовала их социально-экономической структуре. До прихода арабов берберы исповедовали христианство и иудаизм, верили в карфагенских богов, в различных местных идолов. Несложные обряды ислама более подходили жизненному укладу местного населения. В XI—XIII веках территория Марокко составляла ядро феодального военно-теократического государства — независимого халифата Альморавидов, а затем — Альмохадов с центром в городе Марракеше, от которого произошло современное название всей страны. К XII веку здесь окончательно утвердился суннитский ислам, который и сегодня остается государственной религией в Марокко.

Однако, помимо ортодоксального ислама, здесь, как и повсюду в Северной Африке, получили распространение суфийские (или дервишские) ордена — религиозные братства, предлагающие свой, особый путь «спасения» — хотя и в русле ислама, но со значительными отклонениями от официального вероучения. Возникновение этих орденов всегда было связано с именем какого-либо святого — общемусульманского или местного. В частности, в Марокко такими святыми стали так называемые марабуты. Члены религиозных братств верят, что уединенно живущие и посвятившие всю свою жизнь молитвам мусульмане стоят на более высокой ступени общения с богом, чем обыкновенные верующие, более того, они источают «божественную благодать» — барака, которая якобы заполняет их жилища. Благодаря этой благодати они могут совершать разного рода чудеса.

Барака, по представлению верующих, сохраняется и после смерти святого, она окружает его могилу. Поэтому жилища

марабутов и места их захоронения стали объектами паломничества. Здесь находят убежище и те, кто скрывается от преследования или опасается мести: никто из верующих не посмеет поднять руку на человека, находящегося «под защитой святого». Чаще всего обители марабутов — рибаты становились центрами, вокруг которых формировались и действовали религиозные братства.

Основная организационная ячейка братства — завия может включать в себя как селение с несколькими жителями, так и большой город, существовать самостоятельно или входить в состав другого, большего по размеру ордена. Поэтому часто слова «братство» и «завия» означают одно и то же.

Во главе братства стоит шейх — марабут, якобы обладающий полученной по наследству барака. Свою «духовную преемственность» от святого, основателя братства, он постоянно подчеркивает и рьяно оберегает.

Одна из церемоний на пятничной молитве. Рабат.

Формально братство представляет собой добровольную ассоциацию мусульман, но это не исключает подчинения рядовых членов жестким правилам ордена. Вот обязательства, которые накладывал на своих адептов духовный наставник братства Деркавийа, основанного в XVIII веке: «Обязанности моих братьев будут заключаться в том, чтобы преодолеть свои страсти. Чтобы выполнить эти обязательства, они должны будут подражать: повелителю нашему Мусе и ходить, опираясь на посох. Повелителю нашему Абу Бекру и повелителю нашему Омару ибн аль-Хаттабу и носить залатанную одежду. Джафару ибн Абу Галибу и воздавать хвалу Аллаху танцами. Бу Хариро (писарю пророка) и носить на шее четки. Повелителю нашему Исе аль-Масиху[1] и жить в отшельничестве в пустыне. Они должны ходить босыми, голодать, посещать лишь людей набожных, избегать общества людей, обладающих властью, не лгать, мало спать, проводить ночи в молитвах, собирать милостыню. Они должны делиться с шейхом самыми серьезными и самыми незначительными мыслями, посвящать его в самые важные и в самые малые дела свои. Они должны всегда повиноваться шейху и быть в руках его, как трупы в руках тех, кто обмывает трупы». Беспрекословное подчинение шейху также считается одним из основных показателей зрелости члена ордена — адепта.

Адепт обязан беспрекословно выполнять все распоряжения шейха. Обычно указание дается конфиденциально. Даже если распоряжение общее для всех, адепт этого не знает. В этом плане братства хорошо подготовлены к подпольной деятельности. Кстати сказать, шейхи смогли сделать этот пункт надежным орудием в политической борьбе.

Значительную роль в жизни братств играют факихи, которые обучают молодежь и новых членов обрядам, знакомят их с суфийскими доктринами, составляющими идейную основу орденов. В этих доктринах ищут они свой путь — тарикат, который должен, по их представлению, привести к непосредственному общению с богом. Каждый орден имеет свой определенный тарикат, которому следуют адепты.

Один из обязательных ритуалов всех марабутских орденов в Марокко — зикр — многократное повторение имени Аллаха молча или вслух. Для большего воздействия на психику верующего зикр часто сопровождается игрой на музыкальных инструментах, пением и танцами. Немецкий путешественник Хорст Меншинг так описывает радение дервишей: «Мужчины и многочисленные дети образуют большой круг, в середине которого под звуки райты (духовой музыкальный инструмент. — **В. Р.**) и ритмичные удары двух барабанов танцует несколько человек... Они топают в такт ногами и при этом откидывают голову то вперед, то назад. Все более дикими становятся танцы, все более возбуждающим отбиваемый барабанщиками ритм. Танцоры, явно принадлежащие к секте[2] Айссауа, приходят в состояние экстаза. Один высоко подпрыгивает, звонко ударяет себя при этом по лицу и, растянувшись во весь рост, падает на землю. На нас это зрелище производит жуткое и отталкивающее впечатление»[3].

Братства иногда сравнивают с католическими монашескими орденами. Сходство это возникло в результате того, что некоторые из них в ходе истории страны превратились в своего рода военные организации, которые принимали активное участие во всех политических событиях, вмешивались в государственные дела. Фактический статус орденов противоречил доктрине суфизма, призывающей к уходу от мирской суеты.

Наиболее крупные братства в Марокко — Тиджанийа, Кадирийа, Деркавийа, Насирийа, Уэзанийа, Айссауа, Киттанийа. Они возникли в разное время и играли в разные периоды истории Марокко значительную роль в развитии политических событий. Во многом эта их роль зависела от социальной структуры орденов. Например, орден Тиджанийа считался аристократическим. Деркавийа объединял среднее сословие, Айссауа — бедняков. Однако, независимо от социального состава, ключевые посты в братствах занимали, как правило, представители феодальной и племенной верхушки.

Ордена всегда пользовались большим влиянием среди верующих, и это вызывало их конфликты с государственной властью. Эмиры из династии Альморавидов вели беспощадную борьбу с непокорными главами братств, не признававших их могущества. Они сжигали их сочинения, изгоняли их из Марокко. В период правления Альмохадов, пришедших к власти в середине XII века, борьба с влиятельными шейхами продолжалась. Однако уже в XV веке экономический кризис страны, угроза португальской экспансии вынудили правителей последней династии — Маринидов — прибегнуть к помощи дервишских орденов. Братства объявили священную войну христианам. Выдвинув в начале XVI века новую династию саадийских шерифов (так называли тех, кто вел свое происхождение от пророка Мухаммеда), возглавивших борьбу с португальцами, братства значительно укрепили свои позиции в стране. После победы над христианами в битве у реки Махазен в 1578 году их престиж возрос еще больше.

Обложки для священных книг.

В течение всей истории Марокко братства оказывали огромное, порой решающее влияние на ход политических событий. Особенно отчетливо это проявилось в развитии национально-освободительной борьбы марокканского народа против французского и испанского колониализма начиная с 20-х годов нашего столетия. Авторитет братств стал настолько высок, что, например, лидер националистов, руководитель партии Истикляль (независимость) Аллаль аль-

[1] Иисус Христос признается в исламе как один из высших пророков — посланников, под именем Иса аль-Масих — Мессия.

[2] Хорст Меншинг допускает довольно распространенную в литературе ошибку, называя братство сектой. Выросшие в лоне суннитского ислама ордена не вызывают каких-либо осуждений со стороны мусульманских богословов.

[3] Х. Меншинг. Между Рифом и Дра. М., 1957, стр. 136.

Столица Марокко — Рабат.

Райта — популярный музыкальный инструмент у марокканцев.

Фаси, чтобы привлечь на свою сторону сельское население, использовал в своей деятельности терминологию религиозных братств. Среди сельских жителей его называли «шейхом», а партию по его имени — «Аллалийей». Пожертвования на партийные нужды приняли форму зиары — религиозного взноса. Однако, несмотря на преданность делу освободительной борьбы и патриотизм рядовых членов орденов, братства из-за сотрудничества их лидеров с колониальной администрацией в большинстве случаев оказались «по другую сторону баррикад». Шейхи, как и многие крупные феодалы, после подписания договора о протекторате [4], национально-освободительной борьбе предпочли союз с французскими и испанскими властями, который сулил им большую материальную выгоду.

Сотрудничество с колониальными властями привело некоторые братства на путь прямого предательства национальных интересов. Братства Киттанийа и Деркавийа приняли самое активное участие в реакционном перевороте 1953 года, когда поддерживавший антиколониальное движение султан Мухаммед бен Юсуф был выслан из страны и заменен французским ставленником. На этом этапе национально-освободительной борьбы союз между реакционными феодалами во главе с пашой Марракеша Тами аль-Глауи и религиозными братствами, проколониалистскую деятельность которых направлял глава ордена Киттанийа Абдельхай аль-Киттани, обрел наиболее четкие формы.

По замыслу французской администрации аль-Киттани должен был дискредитировать султана с позиций ислама, представив его перед мусульманами как вероотступника. Администрация вполне могла положиться на аль-Киттани. Вот как характеризует его итальянский журналист Энцо Рава: «Изречениями из Корана он пользуется как саблей для защиты традиционных колониальных порядков. Его девиз: «Нам нужны французы»; и он никогда не задумывался над тем, как это согласуется с верой в Аллаха. Зато он умеет убедительно объяснить, почему терпят поражение те, кого он считает врагами» [5].

Аль-Киттани не обманул ожиданий своих французских покровителей. Он сумел даже собрать в Фесе конгресс мусульман Северной Африки, на котором присутствовали 1300 руководящих деятелей религиозных орденов из Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании, представлявших более 200 братств. На конгрессе были заложены основы антисултанского заговора, хотя администрация протектората старалась представить конгресс чисто религиозным форумом.

Одно из главных требований ислама — «священная война с неверными» — было забыто шейхами братств и уступило место соображениям экономической выгоды. В результате сговора местной реакции и верхушек религиозных братств с французскими властями султан был смещен и выслан из страны.

Однако в 1955 году власти протектората под давлением общественного мнения, под воздействием народного протеста разрешили султану вернуться в страну. Это ознаменовало собой победу национально-освободительного движения и поражение сил реакции. Скомпрометировавшие себя братства после достижения независимости потеряли свое влияние в стране. Неблаговидная роль, которую они играли в освободительной борьбе, оттолкнула от них большую часть адептов.

Уменьшение влияния братств на мусульманское население страны, отмечаемое в последние годы, имеет не только политические, но и социальные корни.

Две трети 16-миллионного марокканского населения составляет молодежь, не достигшая 30 лет. После обретения независимости резко выросла грамотность населения. В начальных, средних и высших учебных заведениях обучаются свыше полутора миллионов человек. Хотя число религиозных школ еще довольно велико, основная масса марокканцев получают светское образование. Естественно, что сегодня труднее стало добиваться беспрекословного подчинения шейхам и обычного выполнения мусульманских предписаний, несмотря на некоторую модернизацию ислама, предпринятую королем Марокко Хасаном II, который является одновременно главой марокканских мусульман, составляющих более 95 процентов населения страны.

Из основных предписаний ислама выполняются лишь те, которые приемлемы в современных условиях. Что касается милостыни и паломничества в Мекку, то это невыполнимо для большинства марокканских мусульман ввиду их материальной несостоятельности. А месячный пост ураза сплошь и рядом нарушается молодежью, особенно детьми состоятельных родителей, несмотря на то, что по уголовному кодексу нарушение уразы должно караться тюремным заключением от одного до шести месяцев и крупным денежным штрафом.

Конечно, из всего этого нельзя делать вывод о том, что ислам в Марокко заметно теряет свои позиции. Религиозные братства — их насчитывается около 30 — еще сохраняют свое влияние на огромное количество людей, особенно на сельское население. Од-

нако, повторяем, сегодня братствам с их консерватизмом, архаичной идеологией, многочисленными ограничениями и запретами, весьма трудно находить подход к умам и сердцам молодежи, которая, как уже отмечалось, составляет большинство жителей Марокко. Налицо и массовое бегство сельской молодежи в города, где постоянно увеличивается число рабочих мест. Переселившись в город и втянувшись в современный уклад жизни, молодые марокканцы постепенно теряют связи с деревней и традиционную принадлежность к религиозным братствам. Не сумев приспособиться к новым условиям, многие ордена вынуждены свертывать свою деятельность. И это тоже факт примечательный.

---

[4] Договор о протекторате, заключенный 12 марта 1912 г., делил Марокко на три зоны: французскую, испанскую и «международную» — Танжер.

[5] Энцо Рава. Северная Африка на пути к независимости. М., 1960, стр. 103—104.

ГДЕ БОГИ ЕЩЕ ЖАЖДУТ

Эти фото сделаны в Индии корреспондентами ТАСС и АПН.

Вода из фонтана, украшенного статуэткой Будды, считается святой.

И. ЛЕВИН, Л. РУДНИК

ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ многомиллионной Индии характерно вероисповедное многообразие и пестрота населения, состоящего из сотен наций, национальностей, народностей, племенных групп, говорящих на разных языках (одна из недавних переписей показала, что здесь в ходу 845 языков и диалектов). Наряду с такими традиционными массовыми религиями, как индуизм, буддизм, джайнизм, ислам, христианство, сикхизм, в стране существует множество различных сект. Активно действуют, порой среди весьма широкой аудитории, всевозможные свами и гуру (наставники); проповедники и прорицатели, сеющие самые разнообразные предрассудки. Их деятельность нередко определяется политическими интригами реакционных кругов, разжигающих в своих корыстных, эксплуататорских интересах религиозно-общинную и кастовую рознь.

Заклинатель змей

Среди прогрессивных сил индийского общества, выступающих за ликвидацию феодальных пережитков, мы видим и Атеистический центр в Патамате близ г. Виджаявада, вот уже 10 лет издающий ежемесячник «Атеист»*.

И центр, и его печатный орган были основаны одним из неутомимых пропагандистов атеистической мысли в Индии — Горой, который в молодости помогал Махатме Ганди в его сопротивлении британскому владычеству. После смерти своего основателя журнал остается верен его боевому духу. «Атеист» настойчиво и последовательно раскрывает идейную и социальную сущность религии в современной Индии, решительно и конкретно разоблачает тех, кто в политических или узкокорыстных целях способствует консервации религиозно-общинной и кастовой розни, самых мрачных и реакционных предрассудков и суеверий. Борьба с ними усложняется еще и тем обстоятельством, что оставшиеся в наследство от британского господства массовую неграмотность, темноту и невежество, особенно в сельской местности, ловко эксплуатируют всевозможные шарлатаны.

Журнал, естественно, информирует и о деятельности атеистических организаций в стране. Помещен, например, подробный отчет об организованном Атеистическим центром «учебном сборе», на который в Патамату съехались более ста активистов-просветителей, главным образом из разных частей самого густонаселенного штата страны — Уттар-Прадеш. Среди участников сбора, длившегося около недели, было много молодых мужчин и женщин, часть которых уже ранее слушали лекции на атеистические темы. Эта молодежь проявляла исключительный интерес к проблемам атеизма и выражала готовность активно его пропагандировать. Присутствовавшие на сборе научные работники подчеркивали, что духовное раскрепощение и просвещение масс — одно из важнейших условий создания бескастового, демократического, светского и социалистического общества.

Открывая сбор, вдова и долголетняя соратница Горы Сримати Сарасвати призвала его участников неутомимо бороться с суевериями всякого рода, вести активную просветительную работу среди трудящихся, обращая особое внимание на преодоление кастовых предрассудков, прежде всего дискриминации бывших неприкасаемых (хариджан). Она особо остановилась на задачах молодежи, призывая юношей и девушек сделать все, что в их силах, чтобы ускорить ликвидацию кастовых делений и распрей.

На сборе были зачитаны главы из автобиографической книги Горы на языке телугу «Я — атеист». В свое время ее автор отказался от многообещающей карьеры, хотя обладал данными, сулившими ему весьма видное место в государственном аппарате. Верный своим принципам, Гора поселился в отдаленной деревне, где вел кружок ликбеза для взрослых. Он поддерживал контакты с марксистами, работал над книгой «Движение за экономическое равенство». Гора дважды представлял индийских свободомыслящих на международных конференциях Гуманистического и этического союза — в Бостоне в 1970 году и в Амстердаме в 1974 году, но остался не удовлетворен составом делегатов — почти сплошь буржуазных интеллектуалов.

С лекцией «Атеизм вчера, сегодня и завтра» выступил сын и преемник Горы на посту главы Атеистического центра и издателя «Атеиста» Лаванам. Было заслушано сообще-

Священный город индуизма Бенарес на берегу реки Ганг, которую тоже считают священной. В ее водах совершают омовение тысячи паломников.

* Предыдущий его обзор см. в январском номере «Науки и религии» за 1976 г.

ние Г. Рао на тему «Социальный аспект проблемы свободы воли». Депутат законодательного собрания штата Гамаго поделился своим опытом атеиста и общественного деятеля. Участники сбора прослушали лекцию доктора Виджаяма «Появление светского государства». Доктор Самрам вскрыл несостоятельность распространенных предрассудков в свете медицинской науки, а поэт Венката Кави говорил о роли писателя в преобразовании общества. Каждая лекция сопровождалась оживленной дискуссией.

Примечательно, что в дни сбора в Атеистическом центре состоялось светское бракосочетание двух его участников. Присутствовавшие на этой церемонии гости — супруги Хикинботем из Австралии — выразили свое восхищение простотой и торжественностью этого обряда.

«Несмотря на неутомимые усилия многих рационалистов, гуманистов и атеистов, — говорилось в принятой сбором резолюции, — предрассудки и слепая вера, которые препятствуют формированию демократического, светского и социалистического общества, еще преобладают в нашей стране. Мыслящие, образованные граждане должны следить за тем, чтобы прогрессивные меры правительства реализовывались серьезно и доводились до низших слоев общества. Всякие свами, баба и так называемые «богочеловеки» повинны в том, что люди пребывают в невежестве, неграмотности, бедности и нищете. Их жестокая приверженность к разделенному на касты обществу, погрязшему в архаичных обычаях и традициях, так сильна, что если весь народ не будет вызволен из-под их вредного реакционного влияния, то нам не удастся создать современное общество, проникнутое научным духом».

«Атеист» публикует рецензию на книгу Б. Преманда «Соблазн чудес», в которой разоблачается один из наиболее известных в Индии «богочеловеков» — некий Сатия Саи Баба. Кстати, еще Гора не раз предлагал ему открыто продемонстрировать свои «чудотворные» способности перед ассамблеей ученых, но тщетно. Поклонники Сатии Саи Бабы утверждают, будто он может воскрешать мертвых, появляться в одно и то же время в разных местах, излечивать любое заболевание, создавать из ничего золотые украшения и ручные часы. Заместитель ректора Бангалурского университета доктор Нарасимбайя, например, предложил этому «волшебнику» совершить свои «чудеса» в контрольных условиях, но тот, опасаясь скандального разоблачения, предпочел не отвечать на это предложение — так же, как прежде на аналогичные предложения Горы.

В одной из статей, опубликованных в «Атеисте», преемник Горы Лаванам бьет тревогу по поводу все еще совершаемых отдельными индуистскими фанатиками человеческих жертвоприношений. «По мере прогресса цивилизации, — пишет он, — многие ощущают уверенность в том, что миновали дни человеческих жертвоприношений. Но религиозные суеверия, предрассудки, вера в сверхъестественное вмешательство не исчезли и подчас низводят людей до уровня зверей... В то время, как большинство удовлетворяется молитвами и растительными жертвоприношениями, другие проливают на алтарь своих божеств не только кровь животных, но даже невинных людей. И это не столь уж редкостное явление».

По словам Лаванама, ритуальные убийства, например, совершались в селении Манват округа Парбхани штата Махараштра. Только в 1972—1974 годах здесь было 10 человеческих жертвоприношений. Полиция не сразу смогла обнаружить преступников, которые через равные промежутки времени убивали женщин и детей. Пять 10-летних девочек, годовалый ребенок и четыре 30-летние крестьянки пали здесь от руки фанатиков при сходных обстоятельствах.

Вершители этих гнусных преступлений приносили человеческие жертвы, чтобы снискать благоволение божества, пробудить которое от глубокого сна якобы могла только пролитая человеческая кровь. Убийства совершали бывший мэр манватского муниципалитета богатей Уттамрао Барахате и его сообщница Рукмини с помощью слуг. Она мечтала о ребенке, Барахате же надеялся найти драгоценный клад, а, чтобы достичь цели, согласно их верованиям, надо было принести в жертву людей.

Окружной суд в Парбхани приговорил пятерых из 18 преступников к смертной казни, но верховный суд штата в Бомбее оставил в силе приговор только в отношении четырех из них. Что касается самого Барахате и его подручных, то они оказались оправданными за «недостатком улик», хотя определение верховного суда и констатировало, что следствие по этому делу было проведено из рук вон плохо.

«Описанное человеческое жертвоприношение не может рассматриваться как случайный инцидент, — пишет «Атеист». — Это лишь верхушка айсберга, большая часть которого скрыта под водой. Много отвратительных преступлений совершается во имя религиозных суеверий».

Выяснилось, что к человеческим жертвоприношениям иногда прибегают даже, казалось бы, образованные люди, а не только темные, неграмотные крестьяне. Не так давно, например, подобный случай произошел в Раджастхане. Преступление было совершено одним высокооплачиваемым бездетным инженером. Вместе с женой он паломничал по многим «святым местам» и советовался со многими свами и гуру, как умилостивить бога, чтобы тот даровал им ребенка. В конце концов один жрец сказал им, будто его посетило божественное откровение. Эта семейная пара, якобы поведал ему голос свыше, должна принести чьего-нибудь ребенка на алтарь храма, а затем омыться его кровью — и тогда, мол, заветное желание супругов исполнится. Инженер с ведома жены похитил у соседа четырехлетнего ребенка и безжалостно принес его в жертву...

Перечень подобных примеров, пишет «Атеист», можно было бы продолжить.

Так в своеобразных, во многом исторически неповторимых условиях Индостана, где религиозные догмы тысячелетиями регламентировали всю жизнь людей, свободомыслящие из Атеистического центра в Патамате силой печатного слова и светом знаний вносят свою лепту в ту неустанную и упорную борьбу, которую со времени освобождения страны от колониального ига ведут ее прогрессивные силы во имя социального и духовного раскрепощения масс. Неотъемлемой составной частью этой борьбы является просвещение народа, постепенное преодоление и изживание не только самых изуверских предрассудков и суеверий, веками насаждавшихся эксплуататорами и их прислужниками — жрецами, но и искоренение гораздо более распространенной, а потому еще более губительной кастовой и религиозно-общинной розни, в разжигании и консервации которой по принципу «разделяй и властвуй» всегда были заинтересованы империализм и внутренняя реакция.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

В начале этого года китайские власти через французское посольство в Пекине поставили в известность главу ордена иезуитов Педро Аррупе о своем желании вновь открыть в Шанхае иезуитский университет «Аврора». Он был основан еще в 1903 году и действовал до 1949 года. К тому времени в нем насчитывалось около полутора тысяч студентов.

В марте нынешнего года Педро Аррупе на встрече с журналистами в Ватикане заявил о готовности ордена пойти навстречу китайскому руководству и возобновить деятельность этого университета, а также медицинского училища, преподавание в которых будут вести иезуиты. «Иезуиты, — заявил по этому поводу генерал ордена, — довольны и желают трудиться и служить в Китае, как они это делали в течение четырех веков».

Слева — один из основателей католической церкви в Китае в последней четверти XVI в. — итальянский иезуит Маттео Риччи, справа — иезуит, министр по делам «науки» при дворе китайского императора. Гравюры из книги иезуита дю Хальде «Описание китайской империи» (1735 г.).

Там, где царит Тора

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы внутриполитическая обстановка в Израиле значительно усложнилась. В стране активизировались крайне правые, представленные в первую очередь блоком партий крупной буржуазии — «Ликуд», а также «ястребами» внутри так называемой Партии труда и Национально-религиозной партии (НРП). Как подчеркнул XVIII съезд Коммунистической партии Израиля (декабрь 1976 г.), несмотря на то что с момента октябрьской войны 1973 года лагерь сторонников мира в стране вырос, в целом расстановка политических сил свидетельствует о сдвиге вправо.

Один из примеров такого сдвига — обнародование накануне последних парламентских выборов (май 1977 г.) двух новых политических платформ, выдвинутых так называемым «Демократическим движением за изменения» и «Шломционом» во главе соответственно с отставными генералами И. Ядином и А. Шароном. Вопреки своим названиям («Шломцион» — «мир Сиону»), эти организации стремятся «навести порядок» в государстве. Они требуют заменить пропорциональную систему выборов мажоритарной, чтобы лишить левые силы представительства в кнессете (парламенте), а также применять против трудящихся, участвующих в забастовках, «железную руку» и ввести принудительное государственное урегулирование трудовых конфликтов. «Эти новые организации, — подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПИ XVIII съезду, — представляют собой угрозу интересам рабочего класса, демократическим свободам и будущим мирным усилиям»*.

Г. БАКАНУРСКИЙ,
кандидат
философских наук

Агрессивный внешнеполитический курс сионистской верхушки, а также ее антинародная внутренняя политика, оборачивающиеся неисчислимыми бедствиями для трудящихся, как евреев, так и арабов, привели к тому, что все более широкие круги общественности осознают опасность, которую влечет за собой такая политика для страны. «Время работает против Израиля, — говорят в письме нынешнему премьер-министру М. Бегину 300 израильских офицеров-резервистов. — Попытка обосновать наше право на Западный берег соображениями безопасности никого не может обмануть и только дискредитирует нас».

В коалиционном правительстве, сформированном после майских выборов 1977 года блоком «Ликуд», снова представлена Национально-религиозная партия, опять получившая портфели министров внутренних дел, по делам религий, а также образования и культуры. Укрепились позиции «ястребов» и в самой НРП. Один из входящих в нее ультраэкстремистских «молодых» клерикалов З. Хаммер, в частности, занял исключительно важный в идеологическом отношении пост министра образования и культуры.

Политика клерикально-сионистской верхушки Израиля прямо противоречит интересам широких трудящихся масс. Она выгодна лишь небольшой кучке израильских капиталистов, а также империалистам Запада, в первую очередь США, которые уже давно превратили это государство в свой плацдарм на Ближнем Востоке.

Поражение Партии труда и приход к власти ультраправых стали возможны в обстановке разочарования и недовольства широких масс действиями сионистской верхушки. Это подтверждается и успехом Демократического фронта за мир и равенство во главе с Коммунистической партией Израиля, который получил в мае 1977 года 5 депутатских мест в кнессете и почти 80 тысяч голосов избирателей (на 26 тысяч больше, чем на прежних выборах).

Серьезное беспокойство правящих кругов страны и международного сионизма вызывает эмиграция из Израиля, дискредитирующая их идеологию и политику. После прихода к власти правительства «Ликуда» премьер-министр Бегин провозгласил в качестве важнейшей государственной задачи необходимость срочного предотвращения дальнейшей эмиграции, возвращения в страну всех покинувших ее граждан, а также увеличения притока новых иммигрантов.

В соответствии с этой программой сионисты и их клерикальные партнеры предпринимают всяческие меры, чтобы пресечь эмиграцию. Среди них — и прямое принуждение, и использование кабальной системы кредита, и идеологическая обработка.

Получив на майских выборах 1977 года 43 места в кнессете, то есть больше, чем другие политические партии и группировки, ультраправый блок «Ликуд» приобрел формальное право возглавить правительство. Но, поскольку это количество мандатов не было даже простым большинством, сразу же возникла проблема коалиции. И, как всегда, сионисты обратились за помощью к клерикалам из НРП и двух других ультраортодоксальных религиозно-политических партий: «Агудат Исраэл» и «Поалей Агудат Исраэл». Союз с ними вполне устраивал «Ликуд». Ведь его лозунг «великого Израиля» от Нила до Евфрата соответствовал требованию «библейских границ», которое выдвигали клерикалы, ссылаясь при этом на Ветхий завет. Особенно настаивали они на аннексии западного берега реки Иордан. Этот район объявлялся «сердцем святой земли», «необходимой ступенью на пути к достижению границ «библейского Израиля». Еще в 1970 году НРП на своем съезде пригрозила, что выйдет из любого правительства и будет бойкотировать его, если оно

* «XVIII съезд Коммунистической партии Израиля». М., 1977, стр. 23.

решится даже на частичный возврат законным владельцам «наследства патриархов».

В декларации об основных задачах своего правительства, с которой выступил лидер блока «Ликуд» премьер-министр М. Бегин, требования клерикалов нашли свое выражение. В частности, специально провозглашалось намерение новой администрации всемерно «обеспечить религиозное образование в стране», в том числе и в формально светских школах. Легко представить, что могут означать эти обязательства, если учесть, что еще при правительстве Партии труда были созданы религиозные школы двух типов (государственные и партии «Агудат Исраэл»), в которых обучались 36 процентов всех школьников. Еще раньше во всех, в том числе нерелигиозных, школах был введен обязательный предмет «еврейское сознание», представляющий собой набор клерикально-сионистских догм.

Существенной уступкой новой израильской администрации требованиям клерикалов стало провозглашенное в декларации обязательство сохранить «статус кво в религиозных делах». Дело в том, что официальным признанием в Израиле пользуется только ортодоксальный иудаизм. Что касается других его направлений — консервативного и реформированного, то они почти не представлены в стране из-за сильнейшего противодействия ортодоксального раввината, претендующего на единоличное господство. Не имея голосов большинства избирателей, «Ликуд», как и его предшественник — Партия труда, принял это обязательство, чтобы укрепить свой союз с клерикалами, которые не только поддерживают правительственную политику агрессии и шовинизма, но и дают ей религиозное «обоснование».

А по сути, это принятие «Ликудом» требований клерикалов-ортодоксов представляет собой открытое покушение на свободу совести. Таким образом, демагогическое обязательство правительственной декларации «обеспечить свободу совести и религии для всех граждан» превращается в пустую фразу.

Против решения ликудовской администрации принять требования клерикалов-ортодоксов единым фронтом выступили зарубежные, прежде всего американские, раввины, представляющие весьма влиятельные на Западе реформированное и консервативное направления в иудаизме. При этом, естественно, иудейские реформисты и консерваторы отнюдь и не думали выступать против самой сущности сионистской политики и религиозного диктата в Израиле. Безоговорочно признавая и поддерживая и то и другое, они лишь ратовали за «религиозный плюрализм», иначе говоря за то, чтобы деятельность их течений была допущена в стране на равных правах с ортодоксальным иудаизмом. При этом особое недовольство реформированных и консервативных раввинов вызывало то обстоятельство, что совершаемый ими обряд обращения в иудаизм, в отличие от такого же обряда, совершенного в ортодоксальной синагоге, не дает вновь обращенному прав израильского гражданства.

В июне 1977 года, например, международный орган консервативного иудаизма «Всемирный совет синагог» выразил «глубокую озабоченность» в связи с тем, что премьер-министр Бегин присоединился в этом вопросе к позиции ортодоксального раввината в ответ на поддержку, оказанную им его правительству. Одновременно в этом заявлении подчеркивалась недопустимость политизации талмудических норм, регламентирующих обряд перехода в иудаизм. С аналогичным демаршем к главным раввинам Израиля обратился и президент «Консервативной ассамблеи» (орган консервативных раввинов США и Канады), подчеркнувший, что такое положение «оскорбляет американский раввинат». Заявления консервативных раввинов были немедленно поддержаны лидерами реформированного направления в иудаизме и их органом — «Центральной конференцией американских раввинов».

Не добившись удовлетворения своих претензий путем непосредственного обращения к правительству и раввинату Израиля, западные иудейские клерикалы активизировали свою деятельность в рамках так называемой «Всемирной сионистской организации» (ВСО). На сессии ее генерального совета в январе 1976 года, например, исполнительный директор «Всемирного союза прогрессивного иудаизма» реформистский раввин Ричард Хирш объявил о готовности своего союза присоединиться к ВСО. «Для нас, — сказал он, — сионизм есть аутентичное выражение иудейской религии. Подобно тому как неразделимы народ и государство Израиль, единой является и суть сионизма и иудаизма». Это заявление с восторгом было встречено сионистской верхушкой.

О намерении присоединиться к ВСО заявили и консерваторы, в частности «Объединенная синагога Америки» (союз консервативных иудаистских общин США и Канады), а затем и консервативный «Всемирный совет синагог». Это было вновь подтверждено на его XI съезде (Иерусалим, ноябрь 1976 г.), причем глава этой организации раскрыл одну из целей такого альянса, подчеркнув, что данный шаг предоставит «эффективные возможности для распространения религиозного плюрализма как среди евреев Израиля, так и всего мира».

Расчет реформированных и консервативных клерикалов укрепить свои позиции в Израиле с помощью ВСО не лишен оснований. Международная сионистская верхушка серьезно озабочена слабостью и малочисленностью сионистских политических партий на Западе и надеется, что тамошние раввины помогут поправить положение. Так, на XXIX конгрессе ВСО руководитель ее организационного и информационного отдела заявил, что она объединяет в своих рядах 900 тысяч зарегистрированных членов, в то время как в странах, где действуют сионистские партии, проживают не менее 4 миллионов евреев старше 18 лет.

Присоединение реформированных и консервативных иудейских клерикалов к ВСО не только организационно оформило поддержку, которую они оказывали ей на протяжении многих лет, но и способствовало пополнению редеющих рядов сионистских групп в западных странах. При этом верующие евреи автоматически зачислялись в сионистское движение, так сказать, на основе своего членства в консервативных или реформированных иудаистских общинах, число которых на Западе превышает количество общин ортодоксального

направления. В результате сторонники «религиозного плюрализма» одержали верх на XXIX конгрессе ВСО, несмотря на сопротивление ортодоксов. В её исполком были избраны и консервативные и реформированные раввины.

Стремясь идеологически закрепить этот успех, клерикалы реформированного и консервативного толка при поддержке руководства ВСО пытаются убедить израильские власти, что введение «религиозного плюрализма» улучшит «качество жизни» в Израиле и — на это делается особый упор — приведет к росту эмиграции туда из западных стран. Пока же правительственная коалиция, учитывая фактические позиции ортодоксов в Израиле, которым естественно не могут серьезно противостоять менее трех десятков тамошних консервативных и реформированных общин, не склонна менять свою позицию в этом вопросе, тем более что это грозило бы развалом самой коалиции.

Что касается отношения израильских клерикалов-ортодоксов к решениям XXIX конгресса ВСО о «религиозном плюрализме», то ортодоксы вовсе не намерены поступаться своими привилегиями и отказаться от единоличного религиозного диктата. Сразу после конгресса один из лидеров НРП—министр внутренних дел Израиля заявил, что его партия отвергает упомянутое решение.

Союз сионизма, клерикализма и милитаризма в Израиле преследует не только аннексионистские внешнеполитические, но и антинародные внутриполитические цели, выгодные лишь крупной буржуазии. Поддержка клерикалов-ортодоксов используется сионистской верхушкой для дальнейшего наступления на права трудящихся. Очередной мерой правительства здесь стал принятый в ноябре 1976 года закон, который позволяет урезывать заработную плату участникам частичных, или «итальянских», забастовок, а также тем, кто отказывается от сверхурочных работ, и т. д.

Клерикалы поддерживают и оправдывают не только расистскую политику по отношению к арабскому населению оккупированных территорий, но и к арабскому меньшинству в самом Израиле, где проживают около полумиллиона арабов (примерно 15 процентов населения страны). В августе 1976 года израильская газета «Ал-Гамишмар» опубликовала попавший к ней секретный правительственный документ — так называемый «план Кёнига». Его автор — активный деятель НРП и правительственный уполномоченный по северному округу. Свои рекомендации об обращении с израильскими арабами он направил одному из лидеров израильских клерикалов — министру внутренних дел Бургу. В этом плане, который израильский писатель А. Мегед справедливо сравнил с расистскими нюрнбергскими законами нацистской Германии, предложен ряд насильственных мер, направленных на уменьшение численности арабского населения страны. «Центральные учреждения, — пишет Кёниг, — должны всегда отдавать предпочтение евреям перед арабами, независимо от того — отдельные ли это личности, или организованные группы людей». Подобные предложения «обосновываются» расистским утверждением о биологической неполноценности арабов.

Свою аннексионистскую внешнюю и антинародную внутреннюю политику клерикально-сионистская верхушка органически сочетает с антикоммунизмом и антисоветизмом. НРП и «Религиозный фронт Торы» усиливают реакционную направленность этой политики, дополняя ее откровенным религиозным диктатом, активно выступая против отделения церкви от государства и введения законов, гарантирующих свободу совести и равноправие женщины в семье.

Все это сионистско-клерикальное засилье вызывает нарастающее недовольство. Оно проявляется в забастовках и демонстрациях протеста под лозунгами коренного изменения правительственной политики. Такие демонстрации, в частности, прошли в Тель-Авиве в апреле и мае 1978 года с участием многих десятков тысяч людей. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что, несмотря на активизацию сионистской реакции в Израиле, выступающей, как и прежде, в союзе с клерикальными силами, политика ее лидеров бесперспективна, гибельна для страны и народа и, в конечном счете, обречена на провал.

г. Одесса

Со всего света

КЛУБ-13

● В Чикаго на Горунстрит, 13 находится «Клуб противников суеверий», который был основан еще в 1930 году (обратите внимание: сумма цифр этой даты равна тринадцати). Членский взнос клуба составляет 13 долларов 13 центов. Номер телефона: 337-13-00. 313 членов клуба собираются 13 августа каждого года на торжественную церемонию. Они швыряют подковы в зеркала (можно ли придумать более страшное «святотатство»?!), по многу раз проходят под расставленной лестницей и т. д. Спустя месяц проводится контрольная проверка: как правило, все 313 членов клуба оказываются живы и здоровы, ни с кем за этот месяц не происходит никаких несчастий, неприятностей или недоразумений.

ЧЕМ БЫ ДИТЯ НИ ТЕШИЛОСЬ...

● Лондонский англиканский пастор Дональд Ривс считается «специалистом по ритуальным танцам». Вот некоторые выдержки из его циркуляра для прихожан: «Верующие, помните, что танцы должны стать неотъемлемой частью богослужения; танец во время литургии должен быть живым и экспансивным; заблуждается тот, кто считает, что танец — привилегия молодых, хорошо сложенных и подвижных людей. Ничего подобного! В будущем никто не сможет уклониться от танцев во время богослужения под предлогом возраста, тучности или неумения. Танцевать должны все, даже калеки и убогие!» Британская пресса сообщает, что уже в 20 англиканских церквах «божественные» танцы сделали службу «более занимательной».

КРАЖА

● Драгоценная церковная утварь стоимостью в миллионы западногерманских марок была похищена из Кёльнского собора. Воры, как выяснилось, сумели влезть в его сокровищницу через остроконечную башню, используя альпинистское снаряжение. Церковные власти совместно со страховой компанией объявили вознаграждение в 50 000 западногерманских марок тем, кто вернет краденое. Отцы церкви готовы вести переговоры с ворами и выяснить, на каких условиях можно вернуть реликвии.

А. В. Белов. СЕКТЫ, СЕКТАНТСТВО, СЕКТАНТЫ. М., «Наука», 1978, 152 стр., 100 000 экз., 50 коп.
В книге дан критический анализ современного сектантства в СССР, рассказывается о тех процессах, которые происходят в сектантских объединениях под влиянием советского образа жизни, социального и научно-технического прогресса. Приводятся данные конкретных социологических исследований, подвергаются критике сочинения сектантских идеологов, показываются пути повышения эффективности атеистической пропаганды.

Б. Э. Быховский. СИГЕР БРАБАНТСКИЙ. М., «Мысль», 1979, 183 стр., 60 000 экз., 20 коп.
Сигер Брабантский (XIII в.) — один из наиболее значительных прогрессивных философов средневековья, смело выступивший против ортодоксальной схоластики. Книга дает представление об учении Сигера, его непримиримой борьбе с теологами, трагической судьбе философа и его наследия.

Л. Н. Великович. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 3), 1979, 64 стр., 47 740 экз., 11 коп.
В брошюре доктора философских наук Л. Н. Великовича рассматриваются новые моменты, которые внесла новая Конституция СССР в понимание свободы совести в условиях развитого социализма, показано место проблемы свободы совести в современной идеологической борьбе. Автор подвергает критическому анализу новейшую буржуазно-клерикальную литературу, фальсифицирующую положение религии, церкви, верующих в СССР. Отдельные разделы посвящены борьбе коммунистических партий капиталистических стран против ограничений свободы совести в буржуазном обществе и состоявшейся в 1977 году в Москве всемирной конференции религиозных деятелей за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА», вып. 23. М., «Мысль», 1978, 312 стр., 21 500 экз., 1 руб. 30 коп.
Очередной сборник «Вопросов научного атеизма», издаваемых Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвящен философским проблемам атеизма и критики религии. В нем напечатаны статьи о свободе совести как одном из прав, гарантированных новой Конституцией СССР, о месте и роли атеизма в обществе господствующего научно-материалистического мировоззрения, о понятии атеизма в трудах К. Маркса и о проблемах атеизма и религии в «Капитале», о влиянии советского образа жизни на преодоление пережитков мусульманской морали, о нравственном прогрессе социалистического общества и преодолении религии, о тенденциях эволюции современного буржуазного религиоведения, об интерпретации проблемы ответственности личности в марксизме и религии, о современных теологических фальсификациях атеизма и другие материалы.
В приложении помещены тематический и алфавитный указатели к первым 20 выпускам «Вопросов научного атеизма».

«ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО СИОНИЗМА». Критический анализ. М., Политиздат, 1978, 271 стр., 45 000 экз., 1 руб. 10 коп.
В условиях обострения идеологической борьбы двух противоположных общественных систем империалистические круги важную роль отводят сионизму. В чем сущность идеологии и политической практики международного сионизма? На этот вопрос отвечают авторы монографии — научные работники и журналисты. Они подвергают обстоятельному критическому разбору основные концепции сионизма, анализируют экспансионистский, шовинистический курс сионистских правителей Израиля. Приводятся многочисленные факты о подрывной деятельности и идеологических диверсиях сионистов против СССР и других социалистических стран.

* * *

М. Гольденберг. КЛЕРИКАЛЬНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ. Кишинев, «Штиинца», 1979, 178 стр., 1 885 экз., 1 руб. 80 коп.

П. И. Мельников (Андрей Печерский). **НА ГОРАХ.** Продолжение рассказов «В лесах». В 2-х кн. Кн. 2. Горький, Волго-Вятское книжное изд-во, 1979, 494 стр. с илл., 75 000 экз., 2 руб. 70 коп.

ПРИМЕРНЫЙ УЧЕБНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН И ПРОГРАММА ДЛЯ НАРОДНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ «ОСНОВЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». М., «Знание», 1979, 55 стр., 5 000 экз., 10 коп.

А. Черкасов. ХМЕЛЬ. Сказания о людях тайги. Т. I. Красноярск, книжное изд-во, 1979, 879 стр., 50 000 экз., 3 руб. 10 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Д. П. Грибанов. Философские взгляды Альберта Эйнштейна. «Вопросы философии», 1979, № 2, стр. 15—27.

И. Григулевич. Латинская Америка. Праведный гнев епископов. «Новое время», 1979, № 10, стр. 26—27.

Т. Д. Златковская. К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев. «Советская этнография», 1978, № 3, стр. 47—58.

В. Иорданский. Архаичное общество: колдуны в зеркале народного воображения. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 1, стр. 34—37, 60.

В. Иорданский. Тропическая Африка: место магии в архаичном сознании. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 2, стр. 29—31.

Б. М. Кедров, А. П. Огурцов. Марксистская концепция истории естествознания, XIX в. М., 1978. Из содержания: глава 9, раздел 4. «Мировоззренческий аспект развития науки. Атеизм и естествознание», стр. 357—364; глава 13. «Методологические проблемы истории естествознания в его связи с философией в трудах И. Дицгена», стр. 499—535.

В. А. Клименко. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917—1920 гг. М., 1978. Из содержания: глава 3. «Черные братства не достигли цели», стр. 99—116.

«Комплексный подход к идейно-воспитательной работе среди студенческой молодежи». Львов, 1978. Из содержания: И. И. Бражник. Функции атеистического воспитания студенчества и критерии его эффективности, стр. 140—141; А. В. Яртысь, В. И. Стеценко. Роль атеистического воспитания в процессе формирования коммунистического сознания студенческой молодежи, стр. 147—149; Н. С. Серая. Комплексный подход к атеистическому воспитанию студентов, стр. 154—155.

Н. И. Лукашин. Идеологическая борьба в странах Юго-Восточной Азии и буддизм. В кн.: «Научный коммунизм: проблемы и исследования». Вып. 9. М., 1978, стр. 99—107.

В. М. Массон. Рецензия на кн.: Н. Р. Гусева. Индуизм. История формирования. Культовая практика. «Вопросы истории», 1979, № 1, стр. 129—132.

Г. Н. Моисеева. Рецензия на кн.: М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. «Вопросы истории», 1979, № 1, стр. 203—204.

А. П. Окладников, О. Н. Вилков, В. Н. Курилов. Рецензия на сб.: «Очерки русской культуры XVI в.». Ч. 1 и 2. М., 1977. «Вопросы истории», 1979, № 1, стр. 204—212.

Тадеуш Плужаньский. Паскаль и его «тростник, одаренный разумением». «Философские науки», 1978, № 6, стр. 127—136.

М. А. Попова. Проблемы психологии религии в советской атеистической литературе. «Вестник МГУ». Философия. 1978, № 3, стр. 20—28.

В. Розен. Церковь и государство. «Новое время», 1979, № 8, стр. 24—26.

П. Г. Рындзюнский. Рецензия на кн.: А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. «История СССР», 1979, № 1, стр. 221—226.

М. М. Сагитов. Отражение культа коня в башкирском народном творчестве. В кн.: «Вопросы башкирской фольклористики». Уфа, 1978, стр. 20—27.

«Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана». М., 1978. Из содержания: Н. П. Лобачева. К истории сложения института свадебной обрядности (на примере комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана), стр. 144—175; Л. А. Фирштейн. О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма, стр. 189—208.

Я. Г. Солодкин. Рецензия на кн.: Г. Н. Анпилогов. Нижегородские документы XVI в. (1588—1600 гг.). М., 1977. «Вопросы истории», 1979, № 1, стр. 226—228.

«Страны и народы». Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. Т. 1. «Земля и человечество». Общий обзор. М., 1978. Из содержания: часть III, глава 12. П. И. Пучков. Современная география религий, стр. 201—206.

Г. Я. Стрельцова. Феномен Паскаля. «Вопросы философии», 1979, № 2, стр. 135—145.

А. А. Тахо-Годи. Реалистическая и символическая интерпретация мифа у Платона и Порфирия. В кн.: «Византиноведческие этюды». Тбилиси, 1978, стр. 37—46.

В. Г. Тащук. Редукционизм и органицизм как аспекты естественнонаучного обоснования атеизма. В кн.: «Методологические вопросы современной науки». Кишинев, 1978, стр. 12—22.

А. С. Файзи. Научно-техническая революция как объективный фактор формирования научно-атеистического мировоззрения личности в развитом социалистическом обществе. «Вопросы научного коммунизма», вып. 38. Киев, 1978, стр. 75—81.

М. Д. Хлобыстина. Вопросы социально-идеологических интерпретаций древнейших форм мезолитических и неолитических погребений. «Краткие сообщения Института археологии». М., 1978, вып. 152, стр. 61—68.

А. Л. Хорошкевич. Данные русских летописей об Аристотеле Фиораванти. «Вопросы истории», 1979, № 2, стр. 201—204.

П. С. Шкуринов. О специфике философских воззрений А. Н. Радищева. «Философские науки», 1978, № 4, стр. 94—107; 1979, № 1, стр. 88—100.

Сдано в набор 15.03. 79 г.
Подписано к печати 24. 04. 79 г.
А 08359.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 12, 12.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 01469.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Фото В. Стигнеева.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

Новое в пропаганде научного атеизма; специфика идеологической работы в условиях освоения нефтегазоносных месторождений Западной Сибири; роль и значение слова лектора в воспитании мировоззрения—эти и другие темы будут освещены в статьях, корреспонденциях нашего традиционного раздела «ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ».

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭТИКИ

Изменения, происшедшие в последние годы в нравственном богословии, расширение круга христианских обязанностей, провозглашенное современными православными моралистами, — таково содержание статьи доктора философских наук Н. КРАСНИКОВА.

ПОЧЕМУ ПОКЛОНЯЮТСЯ МАЗАРАМ?

Об истории возникновения мусульманских святых мест в Средней Азии, о том, почему поклоняются верующие камням, деревьям, горам, рекам, водопадам, — рассказывается в статье О. АЛАЕВА.

ЩЕДРОСТЬ СТЕПИ

В этом году исполнилось четверть века с начала освоения целины. Людям нравственного и трудового подвига, развитию сельскохозяйственной науки в Целиноградской области посвящена корреспонденция Г. ИВАНОВОЙ и В. ЗЫБКОВЦА.

ОКНО В МИР ПРОШЛОГО

Могут ли произведения древнерусских живописцев отражать своеобразие своей эпохи, реальные стороны жизни минувших времен! На эти вопросы отвечает директор Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева Г. А. БЕЛЯЕВА-ЛОРЕНЦ.

В БОРЬБЕ ЗА ЧИТАТЕЛЯ

Характеристику «большой прессы», издаваемой различными клерикальными организациями Франции, дает старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ кандидат филологических наук Н. УРИНА.